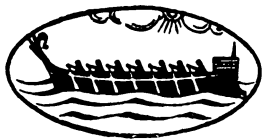

Э. П. А. Гофманъ
Мадемуазель
де Сюдери
Кавалеръ Гюль-Домъсманъ
"Арионавты"

Э. Т. Гофманъ
Разказы

Э. Т. А. ГОФМАНЪ

Мадемуазель де Скюдери
Кавалеръ Глюкъ
Донъ Жуанъ

Переводъ и вступительная статья
ЗИН. ВЕНГЕРОВОЙ

Съ портретомъ Гофмана и 3 рисунками.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „АРГОНАВТЫ“
БЕРЛИНЪ

ОГЛАВЛЕНІЕ:

	Стр.
Э. Т. А. Гофманъ	9
Зин. Венгерова.	
Мадемуазель де Скюдери	25
Кавалеръ Глюкъ	139
Донъ Жуанъ	161
Послѣсловіе.	187
Зин Венгерова.	

Э. Т. А. ГОФМАНЪ.

5 іюня 1922 г. исполнилось сто лѣтъ со смерти автора „Кота Мура“, „Золотого горшка“, „Алексировъ дьявола“ и другихъ неувядаемыхъ рассказовъ и повѣстей Эрнста Теодора Вильгельма Гофмана; третье свое имя онъ въ послѣдствіи измѣнилъ, назвавшись Амадеусомъ въ честь своего великаго мастера въ музыкѣ Амадеуса Моцарта, и подписывалъ свои литературныя произведенія вмѣстѣ съ фамиліей инициалами Э. Т. А.

За истекшіе сто лѣтъ Гофманъ менѣе всего „устарѣлъ“, какъ многіе изъ современныхъ ему нѣмецкихъ романтиковъ, представляющихъ теперь лишь историко-литературный интересъ. Значеніе Гофмана, напротивъ того, возросло послѣ его смерти и особенно остро сказывается теперь, сто лѣтъ спустя. При жизни Гофманъ былъ главнымъ образомъ „моднымъ“ писателемъ. Въ рассказахъ его цѣнили исключительно ихъ „занятность“ и наибольшій успѣхъ имѣли всегда его „страшные“ рассказы. Издатели литературныхъ альманаховъ бѣгали за нимъ, читательская масса увлекалась имъ — но его не понимали лучшіе писатели его времени. Гете произнесъ рѣзкій судъ надъ „болѣзненностью“ его творчества. „Всякій,

кто искренно озабоченъ національнымъ развитіемъ“, писалъ онъ о Гофманѣ, „не можетъ глядѣть безъ грусти на то, что болѣзненные произведенія этого больного человѣка пользовались втеченіе долгихъ лѣтъ вліяніемъ въ Германіи, и что такія заблужденія прививаютъ здоровымъ душамъ, какъ нѣчто новое, содѣйствующее развитію духа.“ И другой знаменитый современникъ Гофмана, Вальтеръ Скотъ, видѣлъ въ произведеніяхъ Гофмана лишь „предупреждающій примѣръ истощенія фантазіи отъ злоупотребленія богатствомъ ея“; онъ приравнивалъ творчество Гофмана къ видѣніямъ, вызваннымъ опіумомъ, и заявлялъ, что тутъ требуется помощь врача, а не судъ критики.

И непосредственные литературные современники Гофмана въ Германіи, Гриммъ, Тикъ, Жанъ Поль и другіе, относились къ нему въ значительной степени отрицательно. Очень любопытно также для характеристики литературной судьбы Гофмана при жизни отзывы о Гофманѣ въ мемуарахъ его современниковъ. О немъ пишутъ, какъ о чудацкѣ съ оригинальной уродливой внѣшностью, говорятъ какъ о „маленькомъ человѣчкѣ“, превосходномъ дирижерѣ и композиторѣ, а также талантливомъ рисовальщикѣ карикатуръ — ни слова не упоминая о томъ, что онъ „къ тому же“ писатель.

Больше всего въ мемуарахъ говорится о странной внѣшности Гофмана. „Маленькаго роста“, пишетъ одинъ изъ его современниковъ, Августъ Клингеманъ, „съ желтымъ, какъ у мавра, лицомъ, черными волосами, плотно сжатымъ ртомъ, маленькими, пронизывающими глазами, онъ казался въ своемъ пестромъ восточномъ халатѣ какимъ то хитрымъ гномомъ или Рюбецалемъ“. „Малень-

кій эльфъ, обладающій большимъ умомъ“, говорить о немъ Эленшлегеръ, выдавшій его проѣздомъ черезъ Берлинъ. И всѣ эти описанія вполне соотвѣтствуютъ впечатлѣнiю, которое производитъ лицо Гофмана на портретахъ — сдѣланномъ имъ самимъ и другими. На всѣхъ бросаются въ глаза характерныя складки его подвижнаго лба — онъ надѣляетъ такимъ лбомъ многихъ своихъ героев — и такъ легко поддающіяся каррикатурѣ нервныя черты его лица.

Такое отношенiе къ Гофману, какъ къ модному автору страшныхъ разсказовъ и къ чудаку съ каррикатурной внѣшностью, измѣнилось очень скоро послѣ его смерти. Уже слѣдующее поколѣнiе нѣмецкихъ писателей стало относиться къ Гофману съ болѣе глубокимъ вниманiемъ, и цѣлый рядъ лучшихъ нѣмецкихъ писателей XIX вѣка, Гейне, Геббель, Готфридъ Келлеръ, Теодоръ Штормъ и другiе сами свидѣтельствовали о сильномъ влiянii на нихъ Гофмана. И въ другихъ странахъ, въ особенности во Францiи, влiянiе Гофмана очень опредѣленно отразилось на многихъ писателяхъ первой и отчасти второй половины минувшаго вѣка. Восторженные отзывы о Гофманѣ встрѣчаются у Бодлера, который въ *Ciguité, Esthétiques*“ говоритъ о Гофманѣ, какъ о „величайшемъ представителѣ совершеннѣйшаго юмора“. Жераръ де Нерваль благоговѣнно говоритъ о „старой Германii“, потому что она „земля Гете, страна Гофмана (*„la terre de Goethe, le pays de Hoffmann*)“. Мюссе воспѣваетъ Гофмановскаго „Донъ Жуана“, уподобляя его творенiямъ Шекспира. Недовольный французскимъ Донъ Жуаномъ, который ему кажется вульгарнымъ, Мюссе

говорить: „Есть Донъ Жуанъ болѣе великій, болѣе прекрасный, болѣе поэтичный — никто его не воплотилъ, но Моцартъ мечталъ о немъ. И подъ звуки его музыки Гофманъ увидѣлъ его обликъ озаренный мельканіемъ божественной молніи среди фантастической ночи. — Дивный портретъ! Онъ его не закончилъ. — Но такимъ написалъ бы его Шекспиръ, если бы жилъ среди насъ“. Особенно сильно было вліяніе Гофмана на Бальзака. Типично Гофмановская разработка темы сказывается въ такихъ повѣстяхъ Бальзака какъ „Луи Ламберъ“, „Серафита“ и одномъ изъ самыхъ глубокихъ его произведеній, „Шагреновая кожа“. Въ самомъ замыслѣ этой повѣсти чувствуется отзвукъ Гофмановской фантазіи.

Велико было и продолжаетъ быть значеніе и вліяніе Гофмана въ русской литературѣ. Нѣтъ сомнѣнія, что Гоголь хорошо зналъ Гофмана — это чувствуется въ „Портретѣ“, напоминающемъ исторію злыхъ чаръ въ „Элексирахъ дьявола“. Вѣрное пониманіе Гофмана обнаруживаетъ Бѣлинскій: разбирая появившійся въ русскомъ переводѣ сборникъ дѣтскихъ сказокъ Гофмана, онъ отмѣчаетъ важное педагогическое значеніе основной черты Гофмана — его фантастичности, потому что она внушаетъ дѣтскому воображенію любовь къ идеальнымъ цѣнностямъ. Въ этомъ сужденіи объ „идеальныхъ цѣнностяхъ“ подмѣчена самая сущность Гофмана, и это особенно знаменательно: во времена Бѣлинскаго Гофмана цѣнили главнымъ образомъ за его художественную манеру, за удивительное сочетаніе поэзіи и ироніи въ его повѣстяхъ, но не вникли еще въ идейное содержаніе его творчества.

Прямое вліяніе Гофмана чувствуется и въ творчествѣ Достоевскаго. Онъ говоритъ самъ въ своихъ письмахъ, что читаль всего Гофмана и что „Коть Муръ“ его любимая книга. Въ своихъ произведеніяхъ Достоевскій часто пользуется иронической манерой Гофмана, и вдохновляется образами Гофмановской фантазіи. Такъ на примѣръ въ повѣсти „Мужъ“ герой идетъ за гробомъ совершенно также, какъ Гофмановскій „Совѣтникъ Креспель“, приплясывающій за гробомъ Антоніи, украсивъ шляпу длинной креповой вуалью. И въ изображеніи маніи преслѣдованія Достоевскій слѣдуетъ манерѣ Гофмана.

И послѣ Достоевскаго вліяніе Гофмана не прекращалось въ русской литературѣ. Особенно сильно оно снова чувствуется теперь. Молодая русская литература нашихъ дней развивается подъ знакомъ двухъ родственныхъ писателей, Гоголя и Гофмана, — и одна изъ талантливыхъ группъ молодыхъ русскихъ беллетристовъ выступаетъ подъ именемъ „Серапіоновыхъ братьевъ“ въ знакъ своей близости къ Гофману.

Странная судьба твореній Гофмана — недостаточная или, вѣрнѣе, невѣрная оцѣнка его генія при жизни — и возрожденіе его славы послѣ смерти, особенно теперь, спустя сто лѣтъ, объясняется многими причинами. Современники Гофмана недостаточно знали его, какъ писателя, не успѣли проникнуть въ глубину его творчества, потому что самая писательская дѣятельность Гофмана длилась слишкомъ недолго. Первый сборникъ рассказовъ Гофмана, „Фантастическіе рассказы“ (Phantasiestücke), появился въ 1813 году, когда автору было 37 лѣтъ — и весь послѣдующій рядъ его много-

численныхъ повѣстей и разсказовъ, всѣ двѣнадцать томовъ его сочиненій, написаны были втеченіе послѣднихъ девяти лѣтъ его жизни. Этой краткой напряженной порѣ творчества предшествовалъ длинный подготовительный періодъ жизни, весь отразившійся въ его произведеніяхъ, и поэтому личная судьба Гофмана — неотъемлемый элементъ его творчества. Она развила и отточила свойства и особенности его таланта — но она же виной тому, что творчество Гофмана, слишкомъ сгущенное на пространствѣ недолгихъ лѣтъ, не успѣло достаточно глубоко проникнуть въ сознаніе современниковъ.

Жизнь Гофмана была сплетеніемъ непримиримыхъ контрастовъ. Семейныя традиціи предназначали его, наперекоръ его поэтическимъ склонностямъ, для судейской карьеры — и онъ покорно пошелъ по этому пути, и за долгіе годы службы создалъ себѣ довольно высокое служебное положеніе. Кончивъ университетъ въ Кенигсбергѣ, гдѣ Гофманъ родился въ 1776 г., онъ тамъ же началъ судейскую службу и продолжалъ ее потомъ, постепенно возвышаясь въ рангѣ, въ Глогау, а затѣмъ въ рядѣ польскихъ городовъ, находившихся тогда подъ властью Пруссіи, въ Познани, въ Плоцкѣ (куда его перевели за слишкомъ легкомысленный образъ жизни въ шумной Познани и за сатиры противъ начальства) и наконецъ въ Варшавѣ, тогдашней столицѣ восточной Пруссіи. Тамъ Гофманъ пробылъ три года, онъ исполнялъ съ величайшей добросовѣстностью и умѣніемъ свои отвѣтственныя обязанности и былъ при этомъ выдающимся музыкантомъ-дирижеромъ, а также усердно занимался рисо-

ваніємъ и живописью, расписаль самъ стѣны дворца Мнишекъ, предоставленнаго ему для основаннаго имъ музыкальнаго общества.

Послѣ занятія Варшавы французскими войсками въ 1807 году служебная карьера Гофмана на время оборвалась. Вернувшись въ Берлинъ, онъ рѣшилъ отдаться всецѣло музыкѣ — и получилъ мѣсто капельмейстера въ Бамбергѣ. Нѣсколько лѣтъ Бамбергскаго періода принадлежать къ самымъ плодотворнымъ для творчества Гофмана — и для его музыкальной дѣятельности и какъ подготовка къ литературному творчеству. Съ переѣздомъ въ Берлинъ въ 1814 г., послѣ временнаго пребыванія въ Дрезденѣ и Лейпцигѣ, Гофманъ тщетно пытался получить мѣсто дирижера, опять поступилъ на государственную службу и былъ назначенъ 1 мая 1816 года совѣтникомъ при судебной палатѣ. Пять лѣтъ спустя, 1 октября 1821 г., за годъ до смерти получилъ Гофманъ высшее назначеніе въ апелляціонной камерѣ судебной палаты.

Служебная дѣятельность была, конечно, проклятіемъ жизни Гофмана, но она же развила въ немъ качества, очень замѣтныя въ его произведеніяхъ — точность передачи, организованность мысли и формы, придающую большую выпуклость и силу образамъ его неисчерпаемой фантазіи. Но еще болѣе важенъ контрастъ между формалистикой, съ которой Гофмана связывали условія его внѣшней жизни, и романтической сущностью, не покидавшимъ его чувствомъ плѣненности среди матерьяльнаго существованія, жаждой уйти отъ жизни въ міръ фантазіи. Кон-

трасть этотъ породилъ основную сторону его творчества, его ироническое отношеніе къ дѣйствительности. Гофманъ никогда не понималъ дѣйствительность иначе, какъ оскорбленіе для духа — какъ торжество пошлости, мелкой и трезвой мелочности — всего того, что онъ клеймилъ, подъ словомъ филистерство, противопоставляя его торжеству духа въ мірѣ фантазіи. Эту внутреннюю борьбу Гофманъ пережилъ до послѣднихъ глубинъ въ своей личной жизни прежде, чѣмъ воплотилъ ее въ своихъ произведеніяхъ. Уже мальчикомъ онъ съ ненавистью относился къ своему дядѣ, у котораго воспитывался, къ Отто Вильгельму Дерфлеру (O—хer—Onkel) за то, что онъ олицетворялъ собой житейскую мудрость и буржуазные принципы. Потомъ въ студенческіе и затѣмъ служебные годы стихійность Гофмана боролась противъ филистерства всякими бурными страстями: сюда относится и его склонность къ кутежамъ и всяческимъ излишествамъ. Въ молодости его за чрезмѣрно веселый образъ жизни перевели изъ Познани въ Плоцкъ. Въ послѣдній, берлинскій періодъ жизни Гофманъ тоже проводилъ часто вечера въ попойкахъ въ знаменитой Weinstube Лютера и Вегенера и этимъ сильно подтачивалъ свое и безъ того слабое здоровье. Проявленіемъ стихійности Гофмана, его жажды вырваться изъ упорядоченныхъ условій буржуазной жизни была также его любовь къ его ученицѣ въ Бамбергѣ, Юліи Марь — молодой дѣвушкѣ, отвѣчавшей ему, если не взаимной любовью, то нѣжной привязанностью. Но судьба ихъ разлучила — Юлія по настоянію матери вышла замужъ за богатаго молодого купца — и

была впоследствии несчастна в семейной жизни. Для Гофмана же эта почти катастрофическая по тяжести переживаний любовь сделалась источником глубочайших вдохновений.

Самое стихийное в жизни и в существе Гофмана было его влечение к искусству. Оно далеко не сразу вылилось в литературное творчество, а прошло через долгие периоды увлечения живописью и в особенности рисованием портретов, карикатур и т. п. очень талантливых, а затем музыкой. Музыкальная деятельность Гофмана была очень серьезная и создала ему громкую известность. Гофман славился, как дирижер, в свою бытность в Варшаве, и в особенности в Бамберге, где он всецело посвятил себя музыкальной деятельности. Но все же и музыка была лишь подготовительной стадией и в истории его творчества. И музыка, и любовь были эпизодами его личных переживаний, создавали образ художника, трагически раздвоенного в жизни, и этот образ Гофман воплотил в своем литературном творчестве, когда наконец вступил на верный путь литературы и сделался великим художником, который так любил искусство, что всю драму своей сложной судьбы переживал как им же сотворенный миф о художнике страстотерпе.

Он сделался сам объектом своего творчества и слился с образами своей фантазии. Теперь как-то трудно даже отделить Гофмана от его литературного двойника, дирижера Крейсера, и безумие Крейсера — или то, что становится безумием, когда оно обращено к миропониманию толпы — кажется зеркалом безмозгой

эксцентричности автора. Въ то же время Гофманъ въ изумительной своей двойственности совершенно отдѣлялся, какъ художникъ, отъ себя, какъ объекта. Создавая Крейсера и весь фантастическій міръ своихъ произведеній изъ глубины собственнаго существа, онъ стоялъ на вершинѣ объективнѣйшаго творчества и былъ создателемъ сложнѣйшей художественной техники.

И вотъ поэтому теперь, по прошествіи ста лѣтъ со времени смерти Гофмана, мы особенно ясно чувствуемъ въ немъ великаго мастера формы, гениальнаго разказчика. Искусство его заключается въ томъ, что онъ изумительно владѣетъ сложнымъ матерьяломъ своихъ повѣстей и романовъ, и распредѣляетъ его особыми приѣмами; онъ всегда начинаетъ съ болѣе позднихъ по времени происшествій, постепенно развертываетъ всю сложность предшествовавшихъ событій, и такимъ образомъ усиливаетъ нарастающій интересъ повѣствованія. Тайныя родственныя связи, соединяющія его героевъ — одинъ изъ главныхъ приѣмовъ, которыми создается захватывающая таинственность повѣстей Гофмана — настолько сложны и такъ искусно затуманены, что въ историко-литературныхъ изслѣдованіяхъ о Гофманѣ приводятся старательно и съ не малымъ трудомъ составленныя генеалогическія таблицы дѣйствующихъ лицъ романовъ Гофмана, „Элексиры дьявола“ и „Кота Муры“. Гофманъ же самъ съ необычайною легкостью двигаетъ запутанныя нити своихъ замысловъ и съ точной обдуманностью вводитъ самые неожиданные эпизоды именно туда, гдѣ ими достигается наибольшій художественный эффектъ.

Съ такимъ же мастерствомъ осуществляютъ свой т. н. „серапіоновскій принципъ“, въ силу котораго художникъ долженъ изображать лишь то, что дѣйствительно видитъ, причемъ это относится не къ объективному реализму, не къ изображенію внѣшней дѣйствительности, а къ внутреннему созерцанію изображаемаго. Такимъ образомъ, получается какъ бы даже противоположный полюсъ реализма т. е. на мѣсто истины возводится правда воображенія. Этотъ принципъ былъ положенъ Гофманомъ въ основу созданнаго имъ литературнаго содружества „Серапіоновыхъ братьевъ“. Онъ наглядно иллюстрированъ въ рассказѣ о графѣ П., который живетъ отшельникомъ въ окрестностяхъ Бамберга и мнитъ себя мученикомъ Серапіономъ, мирно доживающимъ свои дни въ Фивайдѣ, въ обществѣ великихъ мудрецовъ разныхъ временъ. Историческія событія рисуются ему въ совершенно видоизмѣненномъ видѣ, но по всему цѣлостными — онъ передаетъ ихъ правдиво, воображая себя ихъ очевидцемъ. И нѣтъ возможности убѣдить его въ иллюзорности его представленій, онъ смущаетъ явившагося къ нему поѣтителя, обративъ упрекъ въ иллюзорности противъ будто бы несомнѣнной дѣйствительности.

Мастерство формы у Гофмана, и въ особенности сгущенная сила его стиля, прыжки отъ экстатической восторженности къ шутовству и гримасамъ ироніи, къ бичующимъ сарказмамъ, слиты со стихійностью и глубиной внутренняго содержанія его произведеній. Гофманъ для насъ не только сказочникъ, увлекающій своей неистощимой фантазіей, авторъ „Щелкунчика и мышинаго короля“, не только авторъ страшныхъ рассказовъ, въ

которыхъ искусно использованъ весь арсеналь романтизма: роковыя семейныя тайны, двойники, вампиры, тайныя преступленія, кровосмѣшенія и т. д. Онъ прежде всего и главнымъ образомъ мифотворецъ, переживающій жизнь изъ себя, изъ своего художественнаго міровозрѣнія. Гофманъ чуждъ историзма и этимъ, быть можетъ, особенно близокъ намъ. Изъ французской революціи онъ вынесъ чувство крушенія стараго міра, чувство новаго хаоса. Творческое начало его духа, его художественный инстинктъ ищетъ высшихъ духовныхъ достиженій и живетъ экстатическими влеченіями, ощущаетъ жизнь динамически. А конкретная дѣйствительность его времени, общественность, перекидающая мосты къ идеологіи дореволюціоннаго міра, къ разсудочному вѣку просвѣщенія, кажется Гофману мертвой, механической. Для экстатическаго взора устойчивость этой плотной дѣйствительности распадается; жизнь превращается въ видѣніе, въ космическій мифъ — и таковой ее возсоздаетъ Гофманъ въ общей сложности своихъ произведеній. Человѣческое содержаніе онъ черпаетъ изъ своихъ переживаній, претворяя ихъ въ міровыя формы борьбы духа противъ самоутверждающагося раціонализма. Схема его легендъ о жизни — сюда входятъ его большіе романы и повѣсти и самыя характерныя изъ отдѣльныхъ рассказовъ — всегда одна и та же: въ центрѣ экстатическій художникъ, мечтатель, иногда просто „чудакъ“ по терминологіи Гофмана. Онъ живетъ космическими чувствами, открывающимися ему въ музыкѣ или въ откровеніяхъ его фантазіи. Его ведетъ къ высшимъ достиженіямъ идеальная любовь художника (*des Künstlers*), чуж-

дая плотскихъ вождельній (отраженіе любви Гофмана къ его ученицѣ Юліи Маркъ).

Сквозь видѣнія внѣшняго міра — ибо реальная дѣйствительность претворяется для него въ видѣнія — онъ связанъ съ духовной сущностью всей космической жизни; онъ видитъ всюду, во всемъ и во всѣхъ свое „я“ — отсюда всѣ двойники и всѣ преображенія каждаго лица во множество другихъ — и духъ его еще болѣе таинственно связанъ съ первозданными силами природы: судьба архивариуса Линдхорста въ „Золотомъ горшкѣ“ коренится въ сказочномъ мірѣ саламандръ.

Этому міру космическихъ переживаній духа противопоставленъ въ схемѣ Гофманскихъ легендъ мертво-механической, устойчиво само-удовлетворенный внѣшній міръ, управляемый сухой разсудочностью — то духовное мѣщанство, филистерство, въ которомъ Гофманъ видитъ вѣчнаго врага духа. Автоматы, куклы — вотъ для Гофмана символы разсудочнаго строя дѣйствительности, и еще болѣе остро онъ пародируетъ ее, пользуясь масками животныхъ, изображая идеологію дрессированной обезьяны Мило, ученаго кота Мура, надѣленнаго всѣми мѣщанскими добродѣтелями и олицетворяющаго всѣ мѣщанскія слабости...

Весь пафосъ Гофмана, вся его экзостатическая лирика обращена къ міру духа, міру творческой фантазіи — къ искусству, центру подлинной жизни духа. Вся сила его ироніи направлена на механической міръ разсудочной дѣйствительности. А трагизмъ его героевъ, ихъ характерная разорванность, диссонансы ихъ чувствъ и настроеній коренится въ ихъ разладѣ съ жизнью, которая наноситъ имъ непрерывные удары, разрушая ихъ свѣтлыя мечты.

Всѣ главные герои Гофмана задуманы по этой основной схемѣ его построений. И впереди всѣхъ Крейслеръ, самое полное воплощеніе идеаловъ Гофмана, новый Донъ-Кихоть, провидѣцъ міра идеальной красоты и небесной любви — тщетный воитель и мученикъ среди враждебнаго ему міра, населеннаго чудовищами тупости и мѣщанства. Въ отрывочныхъ эпизодахъ „Kreisleriana“, изображено его музыкальное мученичество и трагическій надрывъ его чувствъ, горечь его сарказма — побѣдоноснаго оружія, которымъ онъ борется противъ торжества пошлости — среди міра, гдѣ искусство отрѣзано отъ жизни и жизнь этимъ отрѣзана отъ своихъ космическихъ первоисточниковъ. Въ наиболѣе цѣльномъ видѣ образъ Крейсlera и апофеозъ его рыцаря эксцентричнаго образа данъ въ книгѣ, задуманной, какъ и его полная біографія (она осталась, однако, незаконченной) — въ „Котъ Муръ“. Тамъ Крейслеръ имѣетъ таинственныя непризнанныя міромъ права на нѣкій престоль (владычество искусства въ жизни); Страстность и нѣжность его чувствъ становятся созидательнымъ началомъ среди хаоса противорѣчивыхъ элементовъ жизни. Онъ вноситъ въ міръ новое чувство — любовь художника, которая не стремится къ обладанію, а жаждетъ только сгорѣть самой, создавая безсмертныя творенія. Но въ жизни идеальныя чувства Крейсlera поруганы. Его возлюбленная, Юлія, достанется слабоумному принцу — какъ въ жизни самаго Гофмана его несчастная любовь къ Юліи Маркъ кончилась тѣмъ, что она вышла замужъ за богатаго „буржуя“.

Жизнь Крейсlera, знаменующая пропасть между жизнью въ духѣ и механическими устоями

повседневности, повторяется во всѣхъ герояхъ Гофмана. Таковъ и восторженный мечтатель, Ансель, герой „Золотого горшка“, неудачникъ въ жизни, но торжествующій въ мірѣ фантазій. Отъ него уходитъ „земная“ Вероника, предпочитающая солиднаго „совѣтника“, но его вознаграждаетъ любовь таинственной Серпантины, съ которой онъ обрѣтаетъ счастье въ Атлантидѣ, странѣ его поэтическихъ мечтаній. Таковъ и мрачный Медардъ, герой „Элексировъ дьявола“, въ судьбѣ котораго скрещиваются небесные порывы и механизмъ земной жизни, и которому приноситъ спасеніе просвѣтленная любовь. Таковы всѣ безчисленные эманациі основного Крейслеровскаго типа въ произведеніяхъ Гофмана, и въ особенности безумный „Кавалеръ Глюкъ“. Всѣ они утверждаютъ подлинность царства фантазіи и разбиваютъ кажущуюся прочность механической дѣйствительности, обличая призрачность міра автоматовъ, претворяя дѣйствительность въ цѣпь видѣній, преображеній во множествѣ образовъ единой космической сущности, объединяющей все кажущееся многообразіе жизненнаго маскарада. Апофеозомъ этого міропониманія, подчиненія правды реальной правдѣ художественной, откровеніямъ творческой фантазіи, подчиненія жизни искусству — является загадочная, фантастическая повѣсть „Принцесса Брамбилла“ — одно изъ послѣднихъ и самыхъ глубокихъ произведеній Гофмана.

З и н. В е н г е р о в а.

МАДЕМУАЗЕЛЬ ДЕ СКЮДЕРИ.

Маленькій домъ, въ которомъ жила Мадэленъ де Скюдери, извѣстная своими изящными стихами и милостивымъ расположеніемъ къ ней Людовика Четырнадцатаго и Мэntenонъ, стоялъ на улицѣ Сентъ Онорэ.

Однажды поздно вечеромъ, около полуночи — то было приблизительно осенью 1680 года — въ двери этого дома стали такъ сильно стучать, что стукъ разнесся по всѣмъ комнатамъ. Батистъ — въ маленькомъ штатѣ мадемуазель де Скюдери онъ совмѣщаль въ своемъ лицѣ повара, слугъ и привратника — уѣхаль съ разрѣшенія своей госпожи въ деревню, на свадьбу сестры, и во всемъ домѣ не спала въ этотъ часъ только Мартиньеръ, камеристка мадемуазель. Она услышала стукъ, и у нея сейчасъ же пронеслось въ головѣ, что Батистъ уѣхаль и она съ мадемуазель остались безъ защиты. Ей припомнились всѣ ужасы грабежей, кражъ и убійствъ, когда либо происходившихъ въ Парижѣ, и она была увѣрена, что къ нимъ ломится шайка разбойниковъ. Они знаютъ, что домъ пустъ, и если имъ открыть дверь, они совершатъ

злое надъ госпожей. Мартиньеръ поэтому не двигалась съ мѣста и сидѣла у себя въ комнатѣ, дрожа отъ страха, проклиная Батиста и свадьбу его сестры. Стуки у дверей тѣмъ временемъ усиливались и Мартиньеръ показалось, точно чей то голосъ взывалъ въ промежуткахъ: „Отворите же, ради Христа! Огворите!“ Наконецъ Мартиньеръ, испуганная до крайности, быстро схватила подсвѣчникъ съ заженной свѣчей и выбѣжала въ переднюю. Тамъ она совершенно явственно услышала голосъ стучавшагося въ дверь: „Отворите, ради Христа!“ молилъ онъ. „Нѣтъ, такъ не говорятъ разбойники“, подумала Мартиньеръ. „Какъ знать, можетъ быть кто нибудь ищетъ убѣжища у моей госпожи, спасаясь отъ преслѣдованій. Но прежде всего нужно соблюсти осторожность“. Она открыла окно и громко спросила, кто это поднимаетъ такой шумъ у дверей и будить всѣхъ въ домѣ. Она старалась при этомъ говорить по возможности какъ мужчина своимъ низкимъ отъ природы голосомъ. Въ мерцаніи луннаго свѣта, пробившагося въ эту минуту сквозь темныя тучи, она увидѣла высокую фигуру, закутанную въ свѣтлосѣрый плащъ; широкая шляпа была надвинута глубоко на глаза. Тогда она крикнула громкимъ голосомъ такъ, чтобы ее слышно было снизу: „Батистъ, Клодь, Пьеръ, вставайте! Поглядите, что это за негодникъ ломится къ намъ въ домъ!“ Снизу, въ отвѣтъ на это, раздался мягкій, почти

жалобный голосъ: „Ахъ, Мартиньеръ“, сказалъ незнакомецъ, „я вѣдь знаю, что это вы, милая, какъ вы ни стараетесь измѣнить голосъ. Я знаю также, что Батистъ уѣхалъ въ деревню, и вы одна въ домѣ съ вашей госпожой. Откройте мнѣ дверь, не бойтесь. Мнѣ необходимо повидать вашу госпожу, и сейчасъ же.“ „Да вы съ ума сошли?“ крикнула Мартиньеръ. „Какъ это я васъ пушу къ мадемуазель среди ночи? Развѣ вы не знаете, что она уже давно спить. Я ни за что не стану будить ее отъ перваго сладкаго сна; она очень нуждается въ покоѣ въ ея годы“. „Я знаю“, сказала стоявшій внизу, „я знаю, что ваша госпожа только что отложила рукопись своего романа, „Клелія“, надъ которымъ неутомимо работаетъ; она пишетъ еще теперь стихи, предполагая прочесть ихъ завтра у маркизы де Мэнтенонъ. Умоляю васъ, госпожа Мартиньеръ, сжальтесь и откройте мнѣ дверь. Знайте, что дѣло идетъ о спасеніи погибающаго. Знайте, что честь, свобода, болѣе того — вся жизнь одного человѣка зависитъ отъ той минуты, когда я буду говорить съ вашей госпожой. Помните, что вы навлекаете на себя вѣчный гнѣвъ вашей повелительницы. Она никогда бы не простила вамъ, узнавъ, что вы жестокосердно отказались впустить несчастнаго, который пришелъ молить ее о помощи“. „Но почему вы обращаетесь за помощью къ доброду сердцу моей госпожи въ такой необычный

часть? Придите завтра въ болѣе подобающее время“. Такъ говорила Мартиньеръ стоявшему внизу; онъ же отвѣтилъ ей: „Развѣ судьба спрашиваетъ о времени и часѣ, когда наносить чело-вѣку губительный ударъ, подобно разящей на смерть молніи? Можно ли медлить помощью, когда еще возможенъ мигъ спасенія? Откройте мнѣ дверь, не бойтесь несчастнаго, который въ своей беззащитности, покинутый всѣмъ свѣтомъ и преслѣдуемый, гонимый страшной судьбой, пришелъ молить, чтобы ваша госпожа спасла его отъ грозящей ему опасности!“ Мартиньеръ слышала, какъ стоявшій внизу стоналъ и рыдалъ отъ тяжелой боли. Голосъ его былъ юношескій, мягкій и проникающій въ душу. Тронутая до глубины сердца, она безъ дальнѣйшихъ колебаній пошла за ключами.

Едва она открыла дверь, какъ въ переднюю порывисто вбѣжалъ чело-вѣкъ, закутанный въ плащъ и крикнулъ дикимъ голосомъ, устремляясь впередъ: „Проведите меня скорѣе къ вашей госпожѣ!“ Мартиньеръ испуганно подняла въ рукѣ подсвѣчникъ и увидѣла при мерцаніи свѣчи смертельно блѣдное, искаженное молодое лицо. Она чуть не упала на полъ отъ ужаса, когда незнакомецъ вслѣдъ за тѣмъ распахнулъ плащъ и изъ за жилета его высунулась блестящая ручка стилета. Незнакомецъ сверкнулъ пламеннымъ взоромъ и крикнулъ еще болѣе неистовымъ голосомъ: „Прове-

дите меня къ вашей госпожѣ, говорю вамъ!". Мартиньеръ поняла, что мадемуазель де Скюдери грозитъ непосредственная опасность, и въ душѣ ея разгорѣлась еще сильнѣе преданность къ любимой госпожѣ, въ которой она чтитъ также богобоязненную, вѣрную мать. Въ ней проснулось мужество, какого она сама бы не ожидала отъ себя. Она быстро захлопнула оставленную ею открытой дверь въ свою комнату, стала передъ дверью и сказала громко и твердо: „Ваше недопустимое поведеніе здѣсь въ домѣ по истинѣ мало соотвѣтствуетъ вашимъ жалобнымъ мольбамъ у дверей, и теперь я вижу, что напрасно пожалѣла васъ. Къ госпожѣ моей я васъ, конечно, не пушу. Если вы пришли сюда безъ злого умысла, то вамъ нечего бояться дневного времени. Приходите завтра поговорить о своемъ дѣлѣ — теперь же убирайтесь вонъ отсюда“. Незнакомецъ испустилъ глухой стонъ, устоялся на Мартиньеръ страшнымъ взоромъ и схватился за стилетъ. Мартиньеръ вручила про себя душу свою Господу, но сохранила твердость духа и смѣло глядѣла незнакомцу прямо въ глаза. При этомъ она плотнѣе прижималась къ двери комнаты, черезъ которую нужно было пройти, чтобы попасть къ мадемуазель де Скюдери. „Пустите меня къ вашей госпожѣ“, крикнулъ еще разъ незнакомецъ. „Дѣлайте, что хотите“, отвѣтила Мартиньеръ, „но я не двинусь отсюда. Завершайте злое дѣло, которое начали,

но и вы умрете позорной смертью на площади Грэвъ, какъ ваши гнусные сообщники“. „Ахъ!“ воскликнулъ незнакомецъ, „вы правы, Мартиньеръ. Я вооруженъ стилетомъ и похожъ на гнуснаго разбойника и убійцу; но сообщники мои еще не преданы суду“. При этихъ словахъ онъ схватился за стилеть, бросая гнѣвные взоры на смертельно испуганную женщину. „Господи Іисусе!“ воскликнула она, ожидая смертоноснаго удара. Но въ эту минуту съ улицы донесся лязгъ оружія и звонъ лошадиныхъ копытъ. „Жандармы — жандармы! На помощь, на помощь!“ стала кричать Мартиньеръ. „Ужасная женщина, ты хочешь моей гибели — теперь все кончено! Вотъ возьми — возьми! Отдай это своей госпожѣ сегодня-же — или, если хочешь, завтра“. Пробормотавъ шопотомъ эти слова, незнакомецъ выхватилъ у Мартиньеръ подсвѣчникъ, затушилъ свѣчи и сунулъ ей въ руку шкатулку. „Ради спасенія твоей души отдай эту шкатулку твоей госпожѣ“, крикнулъ незнакомецъ и убѣжалъ. Мартиньеръ упала на полъ, потомъ съ трудомъ поднялась и ощупью пробралась въ темнотѣ въ свою комнату, гдѣ въ полномъ изнеможеніи опустилась въ кресло и не въ силахъ была произнести ни звука. Вдругъ она услышала, какъ щелкнулъ ключъ, который она оставила въ дверяхъ. Кто-то заперъ дверь на ключъ, и къ ея комнатѣ приближались тихіе, нерѣшительные шаги. Прикованная къ мѣсту, не

Del. Chrenoux

J. G. W. J. Sculp.

MAGD.^{NE} DE SCUDERI.
Mortée Paris le 2 Juin 1701.
Agee de 95 ans

имѣя силы двинуться, она сидѣла и ждала, что вотъ-вотъ произойдутъ всякіе ужасы. Но каково же ей стало, когда дверь открылась и она сразу узнала при свѣтѣ ночника честнаго Батиста. „Ради всего святого“, началъ онъ, „ради всего святого, скажите мнѣ, госпожа Мартиньеръ, что тутъ случилось. Какого я натерпѣлся страха! Самъ не знаю почему, но что-то силой погнало меня назадъ со свадьбы вчера вечеромъ. И вотъ я на нашей улицѣ. У госпожи Мартиньеръ, думаю я, чуткій сонъ. Она услышитъ, если я тихонько и аккуратненько постучусь въ дверь, и впуститъ меня. Вдругъ навстрѣчу мнѣ идетъ большой отрядъ дозора: конница, пѣхота; всѣ вооружены до зубовъ. Меня останавливаютъ и не выпускаютъ. Но къ счастью тутъ же оказался Дегрэ, жандармскій офицеръ. Онъ меня хорошо знаетъ. Онъ и говоритъ, когда они приставили мнѣ фонарь къ носу: „Э, Батистъ, откуда это ты идешь ночью? Сиди-ка лучше у себя и сторожи домъ. Тутъ теперь неладно, и мы надѣмся словить еще сегодня ночью крупнаго звѣря. Вы не повѣрите, госпожа Мартиньеръ, какъ тяжело мнѣ стало отъ его словъ. И вотъ я у порога, какъ вдругъ изъ дома выбѣгаетъ человекъ, закутанный въ плащъ. Въ рукѣ у него обнаженный клинокъ стилета. Онъ обѣгаетъ меня, мчится дальше. — Дверь нашего дома открыта, ключи торчатъ въ замкѣ.— Скажите, что все это означаетъ?“ Мартиньеръ, оправив-

шись отъ своего смертельнаго испуга, рассказала ему, какъ все произошло. Потомъ она и Батистъ пошли въ переднюю и нашли подсвѣчникъ на полу — тамъ, куда его бросилъ незнакомецъ, выбѣгая изъ дому. „Нѣтъ сомнѣнiя“, сказалъ Батистъ, „что нашу госпожу собирались ограбить и, быть можетъ, убить. Тотъ человекъ зналъ, судя по вашимъ словамъ, что вы одна въ домѣ съ госпожой, и зналъ даже, что мадемуазель не спитъ, а сидитъ еще за своими писанiями. Онъ навѣрное одинъ изъ тѣхъ гнусныхъ мошенниковъ и жуликовъ, которые пробираются въ дома и хитро вывѣдываютъ все, что имъ полезно знать для выполнения ихъ дьявольскихъ замысловъ. Что касается шкатулки, госпожа Мартиньеръ, то я полагаю, намъ лучше всего бросить ее въ Сену, туда, гдѣ рѣка поглубже. Кто намъ поручится, что какой-нибудь низкiй злодѣй не замыслилъ покушенiя на жизнь нашей доброй госпожи. Какъ знать, можетъ быть, открывъ шкатулку, она упадетъ мертвой, какъ маркизъ де Турчэ, когда онъ распечаталъ письмо, переданное ему незнакомымъ человекомъ“. Послѣ долгаго обсужденiя вѣрные слуги рѣшили рассказать обо всемъ мадемуазель де Скюдери на слѣдующее утро и вручить ей также таинственную шкатулку. Нужно будетъ только принять надлежащiя мѣры предосторожности, открывая ее. Они подробно обсудили вдвоемъ всѣ обстоятельства, при которыхъ появился подозри-

тельный незнакомецъ, и пришли къ заключенію, что тутъ, вѣроятно, замѣшана какая - то тайна. Они поэтому не считали возможнымъ дѣйствовать самовластно, и рѣшили предоставить раскрытіе тайны самой мадемуазель де Скюдери.

Опасенія Батиста были вполнѣ основательныя. Въ Парижѣ въ то время совершались гнуснѣйшія преступленія, и одно дьявольское изобрѣтеніе предоставляло очень легкіе способы выполнять злодѣйства.

Глазеръ, нѣмецкій аптекаръ, лучшій химикъ своего времени, занимался, какъ многіе его собратья по наукѣ, опытами въ области алхиміи. Онъ стремился найти философскій камень. Къ нему присоединился итальянецъ по имени Экзили. Для послѣдняго, однако, алхимія была лишь предлогомъ. Онъ хотѣлъ научиться составлять, готовить, извлекать ядовитыя субстанціи, въ которыхъ Глазеръ искалъ достиженія своей цѣли. И наконецъ Экзили удалось изготовить тончайшій ядъ, не имѣющій ни запаха, ни вкуса, убивающій мгновенно или медленно, не оставляя никакихъ слѣдовъ въ человѣческомъ тѣлѣ, вводя въ заблужденіе искусство и знанія врачей: не подозрѣвая отравленія, они вынуждены были приписывать смерть естественнымъ причинамъ. Несмотря на то, что Экзили соблюдалъ величай-

шую осторожность, его стали подозрѣвать въ продажѣ ядовъ и отправили въ Бастилію. Въ одну камеру съ нимъ заключили вскорѣ послѣ этого капитана Годена де Сентъ-Круа. Капитанъ состоялъ въ длившейся уже долго связи съ маркизой де Бренвилье. Связь эта навлекла позоръ на всю семью маркизы. Наконецъ, ввиду того, что маркизь относился съ полнымъ равнодушіемъ къ преступленіямъ своей супруги, отецъ послѣдней, Дрэ д'Обрэ, членъ парижскаго суда, вынужденъ былъ самолично разлучить преступныхъ любовниковъ. добившись приказа объ арестѣ капитана. Страстный, безхарактерный, притворно набожный и склонный съ юности къ всяческимъ порокамъ, ревнивый и мстительный до бѣшенства капитанъ страшно обрадовался, узнавъ тайну Экзили. Она открывала возможность уничтожать всѣхъ враговъ. Онъ сдѣлался ревностнымъ ученикомъ Экзили и вскорѣ сравнялся въ знаніяхъ со своимъ учителемъ: когда его выпустили изъ Бастиліи, онъ могъ продолжать работу совершенно самостоятельно.

Маркиза де Бренвилье была извращенная женщина отъ природы, а Сентъ-Круа превратилъ ее въ истинное чудовище. По его наущенію она отравила одного за другимъ сначала своего собственнаго отца, съ гнуснымъ лицемеріемъ ухаживая за нимъ ввиду его старости, а затѣмъ обоихъ братьевъ и, наконецъ, сестру. Отца она отравила

изъ мести, остальныхъ ради богатаго наслѣдства. Исторія многихъ отравителей являетъ страшные примѣры того, какъ преступность становится непреоборимой страстью. Отравители часто убивали совершенно безцѣльно, только изъ любви къ дѣлу, какъ химики производятъ опыты ради собственнаго удовольствія — людей, жизнь и смерть которыхъ была для нихъ совершенно безразлична. Неожиданная смерть нѣсколькихъ бѣдняковъ въ Отел-Дье вызвала впоследствии подозрѣнiе, что булки, которыя Бренвилье посылала еженедѣльно въ больницу, чтобы прослыть благочестивой благотворительницей, были отравлены. Во всякомъ случаѣ несомнѣнно, что она приправляла ядомъ паштеты изъ голубей и угощала ими приглашенныхъ ею гостей. Шевалье дю Гэ и нѣкоторые другіе были жертвами этихъ дьявольскихъ трапезъ. Сентъ-Круа, его помощникъ Ла Шоссэ и маркиза Бренвилье долго свершали свои страшныя злодѣянiя, скрывая ихъ подъ покровомъ непроницаемой тайны. Но какъ устоять гнусному коварству низкихъ людей, когда превѣчныя силы небесъ постановили покарать святотатцевъ уже на землѣ. Яды, изготовляемые Сентъ-Круа, были такіе тонкіе, что если порошокъ (французы называли его *poudre de succession*) лежалъ открытымъ во время изготовленiя, то достаточно было одинъ разъ вдохнуть его, чтобы мгновенно умереть. Сентъ-Круа поэтому работаль

всегда въ тонкой стеклянной маскѣ. Однажды маска упала у него съ лица, когда онъ всыпаль въ склянку изготовленный порошокъ. Онъ вдохнулъ тонкую пыль порошка и упаль мертвымъ. У него не было наслѣдниковъ, и судъ поспѣшилъ явиться, чтобы наложить печати на оставшееся имущество. При этомъ нашли въ запертомъ ящикѣ весь адскій арсеналь ядовъ, которымъ располагалъ Сентъ-Круа. А кромѣ того найдены были также письма Бренвилье, не оставлявшія сомнѣній въ ея преступности. Она бѣжала въ Люттихъ и спряталась тамъ въ одномъ монастырѣ. Въ поиски за нею отрядили жандармскаго чиновника Дегрэ. Переодѣтый священникомъ, онъ явился въ монастырь, гдѣ она укрывалась. Ему удалось завязать любовную связь съ ужасной женщиной и заманить ее на тайное свиданіе въ уединенный садъ загородомъ. Какъ только они туда пришли, ихъ окружили полицейскіе, любовникъ духовнаго сана внезапно превратился въ жандармскаго чиновника и усадилъ Бренвилье въ коляску, стоящую наготовѣ у входа въ садъ. Такъ ее отвезли подъ стражей прямо въ Парижъ. Ла Шоссэ уже до того отрубили голову. Бренвилье подвергли такой же казни, а затѣмъ тѣло ея было сожжено и пепель разсѣянъ по вѣтру.

Парижане свободно вздохнули, когда не стало чудовища, безнаказанно направлявшаго свое сокрытое смертоносное орудіе противъ друзей и недру-

говъ. Но вскорѣ обнаружилось, что страшное ремесло гнуснаго Лакруа передалось по наслѣдству кому-то другому. Убійство стало вкрадываться незримымъ коварнымъ призракомъ въ самые тѣсные союзы, созданные родствомъ, любовью, дружбой, и справлялось рѣшительно и быстро со своими несчастными жертвами. Сегодня человѣкъ былъ въ цвѣтушемъ состояніи здоровья, а на слѣдующій день онъ бродилъ больной и хилый, и никакое врачевальное искусство не въ состояніи было спасти его отъ смерти. Богатство, выгодная служба, красивая, быть можетъ слишкомъ молодая жена — этого было достаточно для преслѣдованія и убійства. Жестокая подозрительность разбивала самые священные узы. Мужъ дрожалъ передъ женой, отецъ передъ сыномъ, сестра передъ братомъ. Люди не касались ѣды, вино стояло непочатымъ за трапезой, предложенной другимъ друзьямъ, и тамъ, гдѣ прежде царила радость и шутки, одичалые взгляды выслѣживали теперь тайныхъ убійцъ. Отцы семействъ пугливо закупали припасы подальше отъ дому и сами приготавливали себѣ обѣдъ гдѣ нибудь въ харчевнѣ, боясь дьявольскаго предательства въ собственной семьѣ. И все же иногда самая большая осторожность оказывалась тщетной.

Чтобы положить предѣлъ все болѣе разрастающемуся злу, король учредилъ особый судъ, исключительно для разслѣдованія этихъ престу-

плений и для наказанія виновныхъ. Это была такъ называемая *Chambre Ardente*, засѣдавшая по близости отъ Бастиліи. Предсѣдателемъ ея былъ Ла Реньи. Старанія Реньи оставались долго безплодными, несмотря на все его усердіе, и только продувному Дегрэ удалось раскрыть тайные притоны преступниковъ. Въ предмѣстьи Сень Жермень жила старуха, которую звали Лавуазень. Она занималась гаданіемъ и вызывала духовъ. При помощи своихъ сообщниковъ Лесажа и Ле Вигурэ она приводила въ изумленіе и ужась даже такихъ людей, которыхъ никакъ нельзя было назвать слабыми и легковѣрными. Но она этимъ не ограничивалась. Какъ и Лакруа, Лавуазень была ученица Экзили, тоже умѣла изготовлять тонкій безслѣдный ядъ, и при помощи ея снадобій преступные сыновья ускоряли срокъ полученія наслѣдства, и развращенныя жены мѣняли стариковъ мужей на новыхъ, болѣе молодыхъ. Дегрэ проникъ въ ея тайну, и она во всемъ созналась. *Chambre ardente* приговорила ее къ сожженію на кострѣ, и приговоръ былъ приведенъ въ исполненіе на площади Грэвъ. У Лавуазень найденъ былъ списокъ лицъ, прибѣгавшихъ къ ея помощи, и тогда послѣдовали казни за казнями, а кромѣ того тяжелыя подозрѣнія пали даже на людей, занимавшихъ высокое положеніе. Такъ полагали, что кардиналь Бонзи досталъ у Лавуазень средство обречь на быструю смерть всѣхъ тѣхъ,

кому онъ долженъ былъ выплачивать пенсіи въ качествѣ архіепископа Нарбонскаго. Въ сношеніяхъ съ дьявольской женщиной обвиняли также герцогиню Бульонскую и графиню де Суасонъ, имена которыхъ стояли въ спискѣ. Не пощадили даже Франсуа Анри де Монморанси Будебеля, герцога Люксембургскаго, пэра и маршала Франціи. Страшная *Chambre Ardente* возбудила преслѣдованія и противъ него. Онъ самъ явился въ Бастилію, гдѣ Лувуа и Ла Реньи заключили его въ дыру, длиною въ шесть футовъ. Прошли мѣсяцы прежде, чѣмъ вполнѣ выяснилось, что преступленіе герцога было призрачное. Онъ только поручилъ однажды Лесажу поставить ему гороскопъ.

Слѣпое рвеніе предсѣдателя Ла Реньи вело дѣйствительно къ насилію и жестокостямъ. Судъ принялъ совершенно инквизиціонный характеръ; малѣйшаго подозрѣнія достаточно было, чтобы подвергнуться строжайшему заточенію, и часто предоставляли только какому нибудь случаю установить невинность человѣка, осуждаемаго на смерть. Ла Реньи былъ къ тому же отвратительный съ виду и злобный по натурѣ человѣкъ и вскорѣ его стали ненавидѣть вмѣсто того, чтобы видѣть въ немъ защитника и мстителя за пострадавшихъ. Герцогиня Бульонская, когда онъ спросилъ ее на допросѣ, видала ли она дьявола, отвѣтила: „Я, кажется, вижу его передъ собою теперь“.

Въ то время, какъ на площади Грэвъ текла ручьями кровь виновныхъ и подозрѣваемыхъ и когда, наконецъ, случаи тайнаго отравленія стали прекращаться, вдругъ произошли новаго рода злодѣянія, вызвавшія общую тревогу. Какая-то шайка мошенниковъ видимо задалась цѣлью завладѣть всѣми драгоцѣнными камнями въ городѣ. Едва кто-нибудь пріобрѣталъ драгоцѣнныя украшенія, какъ они немедленно же исчезали непонятнымъ образомъ, куда бы ихъ ни прятали. Но еще хуже было то, что нельзя было выйти вечерней порой, имѣя при себѣ драгоцѣнности, чтобы не подвергнуться грабежу прямо на улицѣ или въ темныхъ проходахъ домовъ. Были даже случаи убійства. Спасшіеся отъ смерти рассказывали, что они падали, сраженные ударомъ кулака въ голову, потомъ просыпались отъ забытья ограбленные и уже совсѣмъ не тамъ, гдѣ произошло нападеніе. На тѣлахъ убитыхъ — ихъ почти ежедневно подбирали утромъ на улицѣ или находили въ домахъ — обнаруживали одинаковую во всѣхъ случаяхъ смертельную рану: ударъ кинжаломъ въ грудь, убивавшій, по опредѣленію врачей, такъ твердо и быстро, что раненный навѣрно падалъ на-земь, не успѣвъ издать ни звука. Кто при пышномъ дворѣ Людовика XIV не былъ запутанъ въ тайную любовную интригу, кто не пробирался ночью къ возлюбленной, имѣя иногда при себѣ дорогой подарокъ?

Шайка грабителей всегда объ этомъ знала: они были какъ бы въ заговорѣ съ нечистой силой, освѣдомлявшей ихъ. Часто несчастный не доходилъ до дома, гдѣ надѣялся вкусить счастье любви, часто падалъ бездыханнымъ на порогъ иногда даже передъ самой комнатою возлюбленной, и она съ ужасомъ находила утромъ у дверей окровавленный трупъ.

Министръ полиціи Аржансонъ тщетно сажалъ въ тюрьму всѣхъ сколько нибудь подозрительныхъ людей въ Парижѣ. Тщетно также неистовствовалъ и Ла Реньи, стараясь вырвать признанія у арестованныхъ; тщетно усиливали патрули. На слѣдъ виновныхъ никакъ нельзя было напасть. Помогала только отчасти личная предусмотрительность: нужно было выходить изъ дому вооруженнымъ до зубовъ и въ сопровожденіи слугъ, освѣщавшихъ путь факелами. Но и то бывали случаи, когда слугъ запугивали, швыряя въ нихъ камнями, и въ ту же минуту господинъ ихъ оказывался убитымъ и ограбленнымъ.

И страннымъ образомъ, несмотря на поиски всюду, гдѣ такъ или иначе велась торговля брилльантами, ни малѣйшая изъ украденныхъ драгоценностей не выплывала наружу, и въ этихъ мѣстахъ тоже не нападали ни на какой слѣдъ.

Дегрэ былъ внѣ себя отъ бѣшенства, что негодяи ускользали даже отъ его пронизательной хитрости. Кварталь города, гдѣ онъ самъ нахо-

дился въ данное время, оставался нетронутымъ, но всегда гдѣ нибудь въ другомъ мѣстѣ, гдѣ никто не ждалъ ничего дурного, злодѣи тѣмъ вѣрнѣе настигали намѣченные ими жертвы.

Дегрэ придумалъ хитрость: онъ создалъ нѣсколькихъ Дегрэ, до того похожихъ другъ на друга по походкѣ, движеніямъ, языку, фигурѣ, лицу, что даже полиція не знала, гдѣ обрѣтается настоящій Дегрэ. Тѣмъ временемъ онъ самъ шпионилъ, рискуя жизнью, по самымъ тайнымъ притонамъ и слѣдилъ издали за людьми, которые по его наущенію, носили при себѣ драгоценности. На этихъ людей нападеній не было. Значить, злодѣи узнали и объ этой уловкѣ. Дегрэ пришелъ въ полное отчаяніе.

Однажды утромъ Дегрэ явился къ предсѣдателю Ла Реньи блѣдный, съ искаженнымъ лицомъ, внѣ себя. — „Ну что, какія вѣсти? Напали на слѣдъ?“ спрашиваетъ предсѣдатель при видѣ его. — „Ахъ, господинъ предсѣдатель“, начинаетъ Дегрэ, запинаясь отъ бѣшенства, „ахъ, господинъ предсѣдатель, вчера ночью — неподалеко отъ Лувра на маркиза де ла Фара напали въ моемъ присутствіи“. — „О небо и земля!“ радостно восклицаетъ Ла Реньи — „наконецъ-то они у насъ въ рукахъ!“ — Выслушайте“, прерываетъ его Дегрэ съ горькой усмѣшкой, „выслушайте сначала мое донесеніе. Стою это я у Лувра и караулю — весь адъ кипѣлъ у меня при этомъ въ груди —

этихъ дьяволовъ, надсмѣхающихся надо мною. Вдругъ мимо меня кто-то проходитъ нерѣшительными шагами, все время озираясь назадъ и не замѣчая меня. При мерцаніи мѣсяца узнаю маркиза де ла Фара. Я не удивился его появленію; я зналъ куда онъ пробирался. Едва онъ прошелъ десять — двѣнадцать шаговъ, отойдя отъ меня, какъ точно изъ подъ земли выросла вдругъ фигура какого-то человѣка: онъ однимъ ударомъ повалилъ маркиза и бросился на него. Меня такъ ошеломилъ этотъ случай, отдававшій мнѣ убійцу прямо въ руки, что я необдуманно вскрикнулъ громкимъ голосомъ и выпрыгнулъ изъ своей засады, чтобы кинуться на злодѣя. Но тутъ я вдругъ запутываюсь въ плащъ и падаю. Я вижу, какъ убійца уносится точно на крыльяхъ вѣтра, поднимаюсь, лечу за нимъ, и на бѣгу начинаю трубить въ рогъ. Издалека мнѣ отвѣчаютъ свистки полицейскихъ; поднимается шумъ, лязгъ оружія, топотъ лошадей со всѣхъ сторонъ. — Сюда — сюда — Дегрэ — Дегрэ! кричу я такъ, что по улицамъ идетъ гуль. У меня теперь все время передъ глазами этотъ человѣкъ. Я вижу какъ онъ убѣгалъ отъ меня при яркомъ лунномъ свѣтѣ, какъ онъ, чтобы навести меня на ложный слѣдъ, загибалъ то въ одну, то въ другую улицу. Такъ мы дошли до улицы Никэзъ. Тутъ онъ, казалось, сталъ ослабѣвать. Я тогда побѣжалъ за нимъ съ удвоенной быстротой. Между нами осталось не

болѣе пятнадцати шаговъ разстояніа“ — „И вотъ вы нагнали его — схватили, прибѣжала полиція“, прервалъ его Ла Реньи, сверкая глазами, и схватилъ Дегрэ за плечо, точно онъ и есть убѣгавшій убійца. „Въ пятнадцати шагахъ отъ меня“, продолжалъ Дегрэ глухимъ голосомъ, тяжело переводя дыханіе, „въ пятнадцати шагахъ отъ меня онъ отскочилъ въ сторону, вступилъ въ тѣнь и исчезъ сквозь стѣну“. — „Исчезъ — сквозь стѣну? Да вы съ ума сошли, что ли?“ воскликнулъ Ла Реньи, отступивъ на два шага, и всплеснулъ руками. — „Назовите меня безумцемъ“, продолжалъ Дегрэ и сталъ усердно тереть себѣ лобъ какъ человѣкъ, котораго мучать злыя мысли. „Пусть я глупецъ, который вѣритъ въ привидѣнія, но увѣряю васъ, что все было такъ, какъ я говорю вамъ. Я стоялъ застывъ отъ ужаса, когда ко мнѣ прибѣжали задыхаясь нѣсколько полицейскихъ. Съ ними былъ и маркизь де ла Фаръ, который оправился и обнажилъ мечъ. Мы зажгли факелы. Шарили вдоль стѣны; нигдѣ ни слѣда двери, скна или какого нибудь отверстія. Только толстая каменная стѣна, прислоненная къ дому, гдѣ живутъ люди, которыхъ никакъ нельзя ни въ чемъ заподозрить. Я сегодня опять все снова осмотрѣлъ. Какой-то чортъ дуррачить насъ“. Исторія Дегрэ разнеслась по всему Парижу. У всѣхъ мысли были заняты чудесами, вызываніемъ духовъ, связью съ нечистой силой Вуазень, Вигурэ, пресловутаго священника Лесажа.

А ужь отъ вѣчности такъ устроено, что влеченіе къ сверхестественному, къ чудесному перевѣшиваешь въ насъ силу разума, и поэтому вскорѣ всѣ дѣйствительно повѣрили тому, что Дегрэ сказалъ просто съ досады — т. е. что самъ дьяволъ охраняетъ гнусныхъ убійцъ, продавшихъ ему свои души. Вполнѣ понятно, конечно, что рассказъ Дегрэ передавали изъ устъ въ уста съ невообразимыми прикрасами. Рассказъ о его приключеніи — съ гравированной виньеткой, изображающей отвратительную фигуру чорта, который проваливается сквозь землю на глазахъ испуганнаго Дегрэ — былъ напечатанъ и продавался на всѣхъ углахъ. Уже этого одного было достаточно, чтобы запугать населеніе и даже полицейскихъ. Они лишь со страхомъ и дрожью пробирались ночью по улицамъ, обвѣшанные амулетами и окропивъ себя святой водой.

Видя, что всѣ старанія *Chambre Ardente* тщетны, Аржансонъ обратился къ королю съ просьбой назначить для новыхъ преступленій судъ, которому было бы предоставлены еще болѣе широкія полномочія въ дѣлѣ выслѣживанія преступниковъ и кары за преступленія. Король, убѣжденный, что онъ и такъ далъ слишкомъ много власти *Chambre Ardente*, потрясенный ужасомъ безчисленныхъ казней, свершенныхъ по приказу кровожаднаго Ла Реньи, круто отклонилъ его просьбу.

Тогда прибѣгли къ другому средству оказать воздѣйствіе на короля.

Въ покояхъ Мэntenонъ, гдѣ король проводилъ дневные часы, а также часто работаль, принимая министровъ, до поздней ночи, ему передано было стихотвореніе отъ имени пострадавшихъ любовниковъ. Они жаловались, что имъ приходится теперь рисковать жизнью каждый разъ, когда долгъ галантности повелѣваетъ имъ направляться къ возлюбленной съ богатымъ подаркомъ. Радостно и почетно проливать кровь за возлюбленную въ рыцарскомъ бою. Но совсѣмъ другое дѣло становится жертвой коварнаго убійцы, противъ котораго нельзя защититься оружіемъ. Пусть Людовикъ, сіяющая полярная звѣзда любви и галантности, прорѣжетъ яркимъ лучемъ темную ночь и освѣтитъ тайну, скрывающуюся во мглѣ. Божественный герой, сразившій своихъ враговъ, обнажить теперь свой побѣдно сверкающій мечъ. Какъ Геркулесъ лернійскую змѣю, какъ Тезей Минотавра, онъ сразитъ опасное чудовище, которое пожираетъ всякую усладу любви и омрачаетъ всякую радость, превращая ее въ глубокую печаль, въ безутѣшное страданіе.

При всей серьезности повода, вызвавшего стихотвореніе, оно изобиловало утонченными, остроумными оборотами, особенно въ изображеніи того, какъ любовники по неволѣ полны страха, когда тайно пробираются къ возлюбленнымъ, какъ страхъ убиваетъ въ зародышѣ всякую радость любви, всякую красоту любовныхъ приключеній.

Къ тому же стихи заканчивались высокопарнымъ панегирикомъ Людовику XIV. Король поэтому прочелъ стихи съ явнымъ удовольствіемъ. Прочитавъ, онъ, не отводя глазъ отъ бумаги, быстро повернулся къ Мэntenонъ, прочелъ ей еще разъ стихи и спросилъ съ ласковой улыбкой, какого она мнѣнія о просьбѣ пострадавшихъ любовниковъ. Мэntenонъ, вѣрная строгости своихъ воззрѣній, отвѣтила, въ тонѣ слегка задѣтаго благочестія, что запретные пути не заслуживаютъ особаго покровительства, но что, конечно, слѣдуетъ принять самыя чрезвычайныя мѣры къ искорененію гнусныхъ преступниковъ. Король, раздосадованный ея уклончивымъ отвѣтомъ, сложилъ листокъ со стихами и хотѣлъ направиться къ министру, который работалъ въ сосѣдней комнатѣ. Но, повернувъ голову, онъ увидѣлъ мадемуазель де Скюдери. Она присутствовала при разговорѣ, и въ эту минуту пересѣла въ кресло поближе къ Мэntenонъ. Привѣтливая улыбка, которая играла вокругъ губъ и на щекахъ короля, а потомъ исчезла подъ вліяніемъ досады, теперь появилась вновь. Подойдя къ мадемуазель де Скюдери и вновь развернувъ листокъ со стихами, онъ мягко сказалъ: „Маркиза упорно знать не желаетъ про галантныя приключенія нашихъ влюбленныхъ кавалеровъ и отходить отъ меня на путяхъ, менѣе всего запретныхъ. Но каково же ваше мнѣніе, мадемуазель, объ этомъ стихотворномъ ходатайствѣ?“ Скюдери почти-

тельно поднялась съ кресла. Мимолетный румянецъ пробѣжалъ, какъ отблескъ вечерней зари, по блѣднымъ щекамъ старой почтенной женщины, и она произнесла, тихо наклонившись и опуская глаза:

„Un amant, qui craint les voleurs,
n'est point digne d'amour.“*)

Король пораженный рыцарскимъ духомъ этихъ нѣсколькихъ словъ, побивавшихъ стихотвореніе съ его аршинными тирадами, воскликнулъ, сверкая глазами: „Клянусь Діонисомъ, вы правы, мадемуазель! Я не стану защищать трусовъ никакими слѣпыми мѣрами, направленными противъ невинныхъ наравнѣ съ виновными. Пусть Аржансонъ и Ла Реньи сами справляются со своими дѣлами“.

Всѣ эти ужасы Мартиньеръ и описывала въ яркихъ краскахъ, когда на слѣдующее утро стала рассказывать своей госпожѣ о событіяхъ минувшей ночи и потомъ передала ей, дрожа отъ страха, таинственную шкатулку. И она, и Батистъ — онъ стоялъ съ поблѣднѣвшимъ лицомъ въ углу, отъ страха и тревоги теребилъ въ рукахъ ночной колпакъ и едва могъ выговорить слово — горестно заклинали свою госпожу всѣмъ святымъ, чтобы она какъ можно осторожнѣе открывала шкатулку.

*) „Любовникъ, если онъ боится воровъ, не достоинъ тѣмъ самымъ любви.“

Мадемуазель де Скюдери, разглядывая и раскачивая въ рукахъ запертую тайну, сказала съ улыбкой: „Вы пугаетесь пустыхъ призраковъ! Что я не богата, что у меня нѣтъ сокровищъ, изъ за которыхъ стоило бы меня убивать, это тѣ проклятые злодѣи, которые, по вашимъ же словамъ, вывѣдываютъ все, что происходитъ въ домахъ, знаютъ такъ же хорошо, какъ мы съ вами. Вы боитесь покушенія на мою жизнь? Но кто можетъ быть заинтересованъ въ смерти семидесятитрехлѣтней женщины, такой, какъ я? Я никогда никого не преслѣдовала, кромѣ злодѣевъ въ моихъ собственныхъ романахъ, мои посредственные стихи навѣрное не вызываютъ ничьей зависти, и я ничего не оставляю послѣ смерти кромѣ гардероба старой дѣвицы, иногда бывавшей при дворѣ, и нѣсколько десятковъ книгъ въ хорошихъ переплетахъ и съ золотымъ обрѣзомъ. И какъ ты ни стараешься изобразить появленіе незнакомца въ самомъ ужасномъ видѣ, я все же не думаю, что у него было дурное на умѣ. Такъ вотъ посмотримъ!“

Мартиньеръ отпрянула на нѣсколько шаговъ; Батистъ полуопустился на колѣни, испустивъ глухое „ахъ!“, когда мадемуазель де Скюдери, нажала на маленькую стальную кнопку и шкатулка съ шумомъ открылась.

Каково было удивленіе мадемуазель де Скюдери, когда передъ глазами ея засверкали два золотыхъ браслета, осыпанные драгоценными камнями,

и такое же ожерелье. Она вынула драгоценности и стала восторгаться изумительной работой ожерелья. Мартиньеръ же любовалась въ это время пышными браслетами и все повторяла, что даже тщеславная Монтеспанъ не имѣеть такихъ брильянтовъ. „Но что это все означаетъ?“ воскликнула мадемуазель де Скюдери. Въ это мгновеніе она увидала на днѣ шкатулки маленькій сложенный листокъ и съ полнымъ основаніемъ подумала, что тутъ она и найдетъ разгадку тайны. Но едва она прочла содержаніе записки, какъ бумажка выпала у нея изъ дрожащихъ рукъ. Она подняла къ небу многогрѣчивый взоръ и почти безъ чувствъ упала въ кресло. Мартиньеръ въ испугѣ подбѣжала къ ней, а за Мартиньеръ Батистъ. „О“, воскликнула мадемуазель де Скюдери, „какое оскорбленіе, какой страшный позоръ! Нужно же, чтобы я дожила до этого на старости лѣтъ! Неужели я поступила опрометчиво, какъ безразсудная дѣвочка? О Боже, какъ могли вложить такой ужасный смыслъ въ полушутливыя слова! Неужели меня, вѣрную долгу добродѣтели и благочестія, меня, безупречную съ дѣтства, смѣютъ обвинить въ преступленіи сообщничества?“

Мадемуазель де Скюдери поднесла платокъ къ глазамъ и такъ горько плакала и рыдала, что Мартиньеръ и Батистъ, совершенно растерянные и перепуганные, не знали, какъ утѣшить свою добрую госпожу въ ея великой скорби.

Мартиньеръ подняла съ полу злополучный листокъ. На немъ стояло :

„Un amant, qui craint les voleurs,
n'est point digne d'amour.

Вашъ пронизательный умъ, высокочтимая госпожа, спасъ насъ отъ великихъ опасностей: насъ преслѣдуютъ за то, что мы пользуемся правомъ сильныхъ по отношенію къ слабости и трусости и присваиваемъ себѣ сокровища для того, чтобы ихъ не растрчивали недостойнымъ образомъ. Мы просимъ васъ принять ожерелье и запястья въ знакъ нашей признательности. Это самое драгоценное, что намъ удалось добыть за долгое время, хотя вы, конечно, достойны болѣе прекрасныхъ украшеній, чѣмъ эти. Мы просимъ васъ сохранить къ намъ дружескія чувства и ваше милостивое расположеніе.

Невидимые.“

„Мыслимо-ли“, воскликнула мадемуазель де Скюдери, нѣсколько оправившись, „мыслимо-ли заходить такъ далеко въ безстыдной дерзости, въ гнусной насмѣшкѣ?“ Солнце ярко свѣтило сквозь оконныя занавѣси алаго шелка, и брильянты, лежавшіе на столѣ подлѣ открытой шкатулки, сверкали краснымъ отблескомъ. Взглянувъ на нихъ, Скюдери съ ужасомъ закрыла лицо и приказала Мартиньеръ немедленно убрать страшные камни, къ которымъ прилипла кровь убитыхъ. Мартиньеръ

заперла ожерелье и браслеты въ шкатулку и сказала, что по ея мнѣнію самое лучшее немедленно передать брильянты министру полиціи и рассказать ему о напугавшемъ ихъ появленіи молодого человѣка и о принесенной имъ шкатулкѣ.

Скюдери встала и стала молча ходить по комнатѣ, точно еще обдумывала, какъ ей поступить. Затѣмъ она отправила Батиста за носилками и велѣла Мартиньеръ подать ей одѣться, такъ какъ она немедленно отправится къ маркизѣ де Мэntenонъ.

Носилки ея остановились у дверей маркизы какъ разъ въ тотъ часъ, когда послѣдняя, какъ это было извѣстно мадемуазель де Скюдери, была одна въ своихъ покояхъ. Шкатулку съ драгоценностями мадемуазель де Скюдери взяла съ собой.

Маркиза была, конечно, крайне поражена, когда мадемуазель де Скюдери — она была всегда само достоинство и даже, несмотря на свои преклонные годы, сама прелесть, сама грація — вошла блѣдная, съ искаженнымъ лицомъ, едва держась на ногахъ. „Что съ вами?“ воскликнула маркиза при видѣ несчастной, встревоженной гостыи, которая, держась съ трудомъ, чтобы не упасть, торопилась дойти до кресла, придвинутаго ей маркизой. Наконецъ, собравшись съ силами, мадемуазель де Скюдери рассказала, какое глубокое, неизгладимое огорченіе навлекла на нее невинная шутка, которой она отвѣтила на обращеніе къ ко-

ролю пострадавшихъ любовниковъ. Маркиза выслушала, какъ все произошло отъ первой минуты до послѣдней, и сказала, что Скюдери принимаетъ слишкомъ близко къ сердцу все это странное происшествіе: насмѣшка гнусныхъ злодѣевъ не можетъ задѣть благочестивую благородную душу. Затѣмъ она попросила показать ей ожерелье и браслеты.

Скюдери передала маркизѣ раскрытую шкатулку, и при видѣ дивныхъ камней маркиза не могла удержаться отъ громкаго выраженія восторга. Она вынула ожерелье и браслеты и подошла съ ними къ окну, то любуясь игрой камней на солнцѣ, то поднося ихъ близко къ глазамъ, чтобы точно рассмотретьъ, съ какимъ изумительнымъ искусствомъ сработано было каждое маленькое звено перевитыхъ цѣпочекъ.

Вдругъ маркиза быстро обернулась къ мадемуазель де Скюдери и воскликнула: „Знаете, это ожерелье, эти браслеты несомнѣнно сдѣланы Ренэ Кардильякомъ — никто другой не умѣетъ такъ работать!“ Ренэ Кардильякъ былъ въ то время лучшій ювелиръ въ Парижѣ, одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ мастеровъ и въ то же время одинъ изъ самыхъ странныхъ людей своего времени. Скорѣе небольшого роста, но широкоплечій и крѣпкаго, мускулистаго сложенія, Кардильякъ, хотя ему уже было сильно за пятьдесятъ лѣтъ, обладалъ еще силой и подвижностью

юноши. Объ его необычайной силѣ свидѣльствовали также густые, курчавые рыжеватые волосы и накупившееся тяжелое лицо. Не будь Кардильякъ извѣстенъ во всемъ Парижѣ, какъ честнѣйшій человекъ, безкорыстный, искренній, всегда готовый помочь, то странный взглядъ его маленькихъ, глубоко сидящихъ, сверкающихъ зеленымъ блескомъ глазъ могъ бы навлечь на него подозрѣнiе въ зломномъ коварствѣ. Въ своемъ дѣлѣ Кардильякъ былъ, какъ уже сказано, самымъ искуснымъ мастеромъ не только въ Парижѣ, но и всюду въ его время. Онъ доподлинно зналъ природу драгоценныхъ камней и такъ умѣлъ отдѣлывать ихъ и вставлять въ соотвѣтственную оправу, что камни, казавшіеся совершенно невзрачными, выходили изъ мастерской Кардильяка изумительными по блеску. Каждый заказъ онъ принималъ съ пламенной жадностью и назначалъ ничтожную цѣну, совершенно несоизмѣримую съ количествомъ работы. Но взятый заказъ не давалъ ему покоя. День и ночь слышно было, какъ онъ стучалъ молоткомъ у себя въ мастеркой, и часто, когда работа была уже почти закончена, ему вдругъ почему либо не нравилась форма, или же онъ сомнѣвался въ изяществѣ какой-нибудь подробности оправы, какой нибудь мелочи — и этого достаточно было, чтобы снова бросить работу въ плавленный горшокъ и начать все сначала. Такъ, каждая работа становилась въ концѣ концовъ по

истинѣ неподражаемымъ мастерскимъ произведе-
ніемъ искусства, и приводила въ изумленіе заказ-
чика. Но получить у Кардильяка изготовленную
имъ вещь было почти невозможно. Подъ тысячью
предлогами онъ отсылалъ заказчика ни съ чѣмъ
цѣлыми недѣлями, иногда мѣсяцами. Тщетно пред-
лагали ему за работу двойную плату, онъ не со-
глашался брать ни одинъ луи больше условленной
суммы. Когда, наконецъ, ему приходилось усту-
пить настойчивости заказчика и выдать драгоцен-
ность, онъ обнаруживалъ величайшее раздраженіе,
какое-то кипѣвшее въ немъ бѣшенство. А когда
дѣло шло объ исключительно дорогой вещи, цѣн-
ностью, быть можетъ, во много тысячъ по рѣдкости
камней, по необычайному изяществу ювелирной ра-
боты, то онъ бѣгалъ прямо какъ сумасшедшій, про-
клиная себя, свою работу и все вокругъ себя. Но
какъ только кто-нибудь, бывало, побѣжитъ за нимъ
и громко крикнетъ: „Ренэ Кардильякъ, не срабо-
таете ли вы мнѣ красивое ожерелье для моей
невѣсты — браслеты для моей подружки и т. д.“,
онъ сразу останавливался, глядѣлъ, сверкнувъ ма-
ленькими глазами на окликнувшего его и, потирая
руки, спрашивалъ: „А что у васъ тутъ имѣется?“
Тотъ вынимаетъ коробочку и говоритъ: „Вотъ
мои камни; ничего особеннаго, самые обыкновен-
ные камни, но въ вашихъ рукахъ“ — Кардильякъ
не даетъ ему договорить до конца, вырываетъ у
него коробочку изъ рукъ, вынимаетъ камни, дѣй-

ствительно не имѣющіе большой цѣны, подносить ихъ къ свѣту и восклицаетъ въ полномъ восхищеніи: „Вотъ какъ — самые обыкновенные камни? Совершенно невѣрно! Очень красивые — дивные камни — предоставьте ихъ только мнѣ. И если вамъ не жалко потратить лишнюю горсточку золотыхъ, то я вамъ вставляю еще сюда пару камешковъ, которые будутъ сверкать какъ солнышко у васъ передъ глазами —“. Тотъ отвѣчаетъ: „Я вполне полагаюсь на васъ, мэтръ Ренэ, и заплачу сколько скажете.“ И тогда, кто бы это ни былъ, богатый человѣкъ средняго класса или знатный придворный, Кардильякъ пылко бросался ему на шею, обнималъ и цѣловалъ его, говорилъ, что онъ счастливъ и что заказъ будетъ выполненъ черезъ недѣлю. Онъ мчался со всѣхъ ногъ домой, прямо въ мастерскую, стучалъ тамъ во всю молоткомъ и черезъ недѣлю мастерски выполненная работа была готова. Но какъ только являлся заказчикъ, чтобы съ радостью уплатить условленную ничтожную плату и взять изготовленную вещь, Кардильякъ приходилъ въ раздраженіе, начиналъ ругаться и упираться. „Но, мэтръ Кардильякъ, подумайте, завтра вѣдь моя свадьба“.

— „Что мнѣ за дѣло до вашей свадьбы, зайдите черезъ двѣ недѣли.“ — „Ожерелье готово, вотъ деньги, дайте мнѣ мою вещь.“ — „А я вамъ говорю, что мнѣ нужно еще кое-что измѣнить, и я не могу отдать заказъ сегодня.“ — „А я вамъ от-

вѣчаю, что если вы мнѣ не выдадите мою вещь по добру — я, конечно, готовъ уплатить за работу вдвое больше — то я сейчас же явлюсь къ вамъ съ трабантами Аржансона.“ — „Такъ пусть же васъ терзаетъ Сатана сотней раскаленныхъ щипцовъ, пусть онъ привѣситъ тяжесть въ три пуда къ ожерелью, чтобы задушить вашу невѣсту!“ Съ этими словами Кардилькъ соваль ожерелье жениху въ боковой карманъ, хваталь его за руку выше локтя и выталкиваль за дверь, такъ что тотъ летѣль кубаремъ внизъ по лѣстницѣ. Кардильякъ же дьявольски хохоталь, глядя изъ окна, какъ бѣдный молодой человекъ выходиль прихрамывая, изъ дому и держаль платокъ у окровавленнаго носа. Совершенно необъяснимо было также, почему Кардильякъ, съ восторгомъ принявъ сначала какой-нибудь заказъ, потомъ вдругъ со всей видимостью глубокаго душевнаго волненія, съ потрясающими заклинаніями, иногда въ слезахъ, съ рыданіями, призывая на помощь Мадонну и всѣхъ святыхъ, умоляль заказчика освободить его отъ заказа. Нѣкоторые высоко чтимые королемъ и народомъ люди тщетно предлагали большія суммы Кардильяку за какую нибудь, хотя бы самую маленькую вещь его работы. Онъ бросался на колѣни передъ королемъ и молилъ его оказать ему милость и не давать ему никогда заказовъ для себя. Точно также онъ отказывался отъ всякой работы для Мэntenонъ и съ отвращеніемъ и

ужасомъ отклонилъ ея предложеніе сдѣлать для нея маленькое кольцо, украшенное эмблемами искусства; она предназначала это кольцо для подарка Расину.

„Клянусь“, сказала, помня это, Мэntenонъ, „клянусь, что Кардильякъ, если я даже и пошлю за нимъ, чтобы узнать, для кого онъ сдѣлалъ это ожерелье и браслеты, откажется придти ко мнѣ. Онъ побоится, что я хочу сдѣлать ему заказъ; онъ ни за что не соглашается работать для меня. Впрочемъ, онъ теперь какъ будто отошелъ отъ непреклоннаго упрямства и работаетъ, какъ говорятъ, еще усерднѣе, чѣмъ прежде.“ Скюдери очень важно было, будь то еще возможно, вернуть какъ можно скорѣе драгоценности въ руки законнаго владѣльца. Она поэтому предложила сразу же сообщить чудаку ювелиру, что его призываютъ не для заказа, а чтобы онъ высказалъ свое мнѣніе о брильянтахъ, которые ему хотятъ показать. Маркиза одобрила этотъ планъ. Сейчасъ же послали за Кардильякомъ и черезъ короткое время — точно его позвали, когда онъ уже самъ шелъ къ маркизѣ — онъ вошелъ въ комнату.

При видѣ мадемуазель де Скюдери Кардильякъ былъ видимо очень пораженъ, и какъ чело-вѣкъ, забывающій отъ неожиданности правила вѣжливости, сначала глубоко и почтительно поклонился гостьѣ, а потомъ только обратился къ хозяйкѣ дома. Маркиза указала на камни — они сверкали

на столѣ, покрытомъ темно зеленой скатертью — и торопливо спросила, его ли эта работа. Кардильякъ едва взглянулъ на ожерелье и браслеты, быстро вложилъ ихъ въ шкатулку, стоящую рядомъ, глядя все время въ упоръ на маркизу, и оттолкнулъ шкатулку. Уродливая улыбка лоснилась на его красномъ лицѣ. „Да, маркиза“, сказалъ онъ, „нужно плохо знать работу Кардильяка, чтобы подумать на мгновение, что какой-либо другой ювелиръ въ мірѣ можетъ такъ оправить камни. Конечно, это моя работа“. — „Такъ скажите“, продолжала маркиза, „для кого вы оправляли эти камни.“ — „Только для меня самага“, отвѣтилъ Кардильякъ. „Можетъ быть“, продолжалъ онъ, когда обѣ, Мэntenонъ и Скюдери, съ изумленіемъ взглянули на него, одна съ недоувѣріемъ, другая съ томительнымъ выжиданіемъ, какъ все обернется. „Можетъ быть, вамъ это покажется страннымъ, маркиза, но это такъ. Я собралъ лучшіе мои камни только для того, чтобы создать нѣчто прекрасное и работалъ изъ любви къ искусству старательнѣе и усерднѣе, чѣмъ когда либо. Недавно эти вещи непостижимымъ образомъ исчезли у меня изъ мастерской“. — „Благодарю небо“, воскликнула Скюдери, и глаза ея засверкали радостью. Быстро и проворно, какъ молодая дѣвушка, она вскочила съ кресла, подошла къ Кардильяку и положила ему обѣ руки на плечи. „Я возвращаю вамъ, мэтръ Ренэ,“ сказала она, „вашу собственность, похищенную у васъ

гнуемыми злодѣями“. И она рассказала въ подробностяхъ, какимъ образомъ шкатулка съ драгоценностями попала ей въ руки. Кардильякъ выслушалъ ея рассказъ, молча и опустивъ глаза. Отъ времени до времени онъ только восклицалъ едва слышно: „Гм — вотъ какъ! Подумать вѣдь — го — го!“ и то закидывалъ руки за спину, то поглаживалъ себѣ тихонько подбородокъ и щеки. Когда Скюдери кончила свой рассказъ, Кардильякъ какъ будто сначала боролся съ какими-то совершенно особыми мыслями, которыя пришли ему теперь въ голову и точно не хотѣлъ послѣдовать какому-то внутреннему рѣшенію. Онъ теръ себѣ лобъ, вздыхалъ, провелъ рукой по глазамъ, точно удерживая выступавшія слезы. Наконецъ, онъ схватилъ шкатулку, которую ему передала Скюдери, медленно опустился на колѣни и сказалъ: „Вамъ, благородная, почтенная госпожа, предназначено судьбой владѣть этими драгоценностями. Теперь только я понимаю, что во время работы я думалъ о васъ, работалъ для васъ. Не откажите же принять отъ меня и носить эти украшенія — лучшее, что я сдѣлалъ за долгое время!“ — „Что вы, что вы?“ отвѣтила Скюдери любезно шутивнымъ тономъ, „развѣ мнѣ подобаешь въ мои годы украшать себя сверкающими камнями? И на какомъ основаніи вы бы дѣлали мнѣ такіе роскошные подарки? Нѣтъ, нѣтъ, мэтръ Ренэ. Будь я такъ красива, какъ маркиза де Фонтанжъ, и къ тому же богата,

я бы дѣйствительно не выпустила изъ рукъ эти камни. Но зачѣмъ украшать увядшія руки роскошью запястій, на что это сверкающее ожерелье моей закутанной шеѣ?— Кардильякъ тѣмъ временемъ поднялся и сказалъ, видимо крайне взволнованный, глядя одичалымъ взоромъ: „Окажите мнѣ милость, мадемуазель, примите эти драгоценности. Вы не представляете себѣ, какое глубокое почтеніе я питаю въ сердцѣ къ вашей добродѣтели, вашимъ высокимъ заслугамъ. Примите же мой ничтожный даръ въ знакъ моего стремленія доказать вамъ глубину моихъ чувствъ.“ Скъудери все еще колебалась, но Мэntenонъ взяла шкатулку изъ рукъ Кардильяка и сказала: „Помилуй Богъ, мадемуазель, почему вы все говорите о вашихъ преклонныхъ лѣтахъ! Какое намъ съ вами дѣло до бѣгущихъ лѣтъ и ихъ тяжести? И вы теперь право похожи на робкую дѣвочку, которой очень хочется принять предлагаемый ей запретный сладкій плодъ, но только такъ, чтобы не коснуться его при этомъ пальцами. Не отказывайтесь принять отъ славнаго мастера Ренэ въ подарокъ то, что тысячи другимъ не удастся получить отъ него ни за какое золото и никакими мольбами.“

Мэntenонъ почти насильно сунула шкатулку въ руки мадемуазель де Скъудери, и Кардильякъ тогда снова бросился на колѣни, сталъ цѣловать платье, руки Скъудери — стоналъ, вздыхалъ, плакалъ, рыдалъ, и точно безумный, опрокидывая

столы, такъ что зазвенѣло стекло и фарфоръ, выбѣжалъ изъ комнаты.

„Что съ нимъ такое, во имя всего святого?“ воскликнула испуганная Скюдери. Но маркиза пришла въ необыкновенно веселое настроеніе и даже съ несвойственной ей шаловливостью громко засмѣялась и сказала: „Вотъ такъ штука, мадемуазель! Ренэ Кардильякъ въ васъ смертельно влюбился и по доброму старому обычаю истинной влюбленности начинаетъ штурмовать ваше сердце богатыми подарками.“ Мэntenонъ продолжала развивать дальше свою шутливую мысль, уговаривала Скюдери не быть слишкомъ жестокой и не приводить въ отчаяніе своего влюбленнаго поклонника. Скюдери, отдаваясь своему природному юмору, тоже увлеклась и бурливымъ потокомъ понесли остроумныя шутки. Скюдери сказала, что видимо ей придется наконецъ признать себя побѣжденной и явить міру неслыханный примѣръ семидесятитрехлѣтней невѣсты ювелира, принадлежащей къ чистокровнѣйшему аристократическому роду. Мэntenонъ предложила самой сплести вѣнокъ для невѣсты и преподать ей обязанности хорошей хозяйки дома — гдѣ же такому ребеночку знать все, что нужно.

Когда, наконецъ, Скюдери встала, чтобы уходить, она среди смѣха и шутокъ вдругъ сдѣлалась очень серьезной, взявъ въ руки шкатулку съ драгоценностями. „А все-таки, маркиза“,

сказала она, „я никогда не надѣну этихъ камней. Какъ ни какъ, а вещи эти побывали въ рукахъ тѣхъ дьявольскихъ злодѣевъ, которые съ дерзостью Сатаны, быть можетъ даже въ союзѣ съ нимъ, грабятъ и убиваютъ людей. Мнѣ страшна кровь, которая точно прилипла къ сверкающимъ камнямъ. И къ тому же, я должна сознаться, поведеніе Кардильяка какое-то жуткое. Я не могу отдѣлаться отъ смутнаго предчувствія, что за всѣмъ этимъ таится какая-то страшная тайна. Но когда я себѣ ясно представляю съ малѣйшими подробностями все, что произошло, то никакъ не могу, съ другой стороны, понять, въ чемъ состоитъ эта тайна и какъ бы вообще могло случиться, что честный славный Ренэ, образецъ добраго, благочестиваго обывателя, пришелъ въ соотношенія съ чѣмъ-то нечестивымъ и злодѣйскимъ. Одно только несомнѣнно — что я никогда не рѣшусь надѣть эти камни“.

Маркиза возразила, что она заходитъ слишкомъ далеко въ своей совѣстливости. Но когда Скюдери попросила сказать ей совершенно искренно, какъ бы маркиза сама поступила въ такихъ обстоятельствахъ, Мэntenонъ отвѣтила серьезно и рѣшительно: „Скорѣе бросила бы ожерелье и браслеты въ Сену, чѣмъ надѣть ихъ на себя“.

Сцена съ мэтромъ Ренэ вдохновила Скюдери на граціозные стихи, которые она прочла на слѣдующій день королю въ покояхъ Мэntenонъ.

Сдѣлавъ мэтра Ренэ предметомъ своихъ шутокъ, она изобразила, преодолевъ всѣ жуткія предчувствія, въ живыхъ краскахъ очаровательный образъ семидесятитрехлѣтней родовитой невѣсты простого ювелира. Король очень смѣялся и клялся, что она превзошла Буало Депрэо, и стихотвореніе Скюдери прослыло поэтому самымъ остроумнымъ изъ всѣхъ, когда либо написанныхъ.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ, и случилось однажды, что Скюдери переѣзжала черезъ Pont Neuf въ стеклянной каретѣ герцогини Монтозье. Новоизобрѣтенныя стеклянные каретки были тогда новинкой, и на улицахъ люди сбѣгались толпой глядѣть на нихъ. На этотъ разъ тоже толпа звѣвакъ окружила на мосту карету Монтозье, почти преграждая путь лошадямъ. Вдругъ Скюдери услышала ругань и проклятія и увидѣла какъ сквозь самую гущу толпы пробирался какой-то человекъ, расчищая себѣ путь кулаками и локтями. Когда онъ приблизился къ ней, она увидѣла обращенное къ ней смертельно блѣдное, искаженное скорбью лицо юноши: онъ глядѣлъ на нее въ упоръ пронизывающимъ взглядомъ и продолжалъ пробиваться впередъ. Наконецъ, онъ подошелъ къ дверцѣ кареты, стремительно открылъ ее, бросилъ Скюдери записку на колѣни и затѣмъ, толкаясь и получая въ отвѣтъ толчки и удары, исчезъ также внезапно, какъ и явился. Въ ту минуту, какъ онъ очутился у дверцы кареты, Мартиньеръ, ко-

торая сидѣла въ каретѣ вмѣстѣ съ Скюдери, громко вскрикнула и упала безъ чувствъ на подушки сидѣнья. Скюдери тщетно дергала за шнурокъ и звала кучера. Точно одержимый дьяволомъ, кучерь изо всѣхъ силъ хлесталъ лошадей, и они, брызжа пѣной, вздымаясь на дыбы, помчались, наконецъ, быстрымъ галопомъ черезъ мостъ. Скюдери вылила свой нюхательный флакончикъ на лежащую въ обморокѣ служанку, и та, наконецъ, открыла глаза. Вся дрожа, судорожно ухватившись за свою госпожу, она простонала съ выраженіемъ страха и ужаса на блѣдномъ лицѣ: „Пресвятая Дѣва! Что ему нужно было, этому ужасному человѣку? Вѣдь это онъ, тотъ самый человѣкъ, который принесъ вамъ шкатулку въ ту страшную ночь!“ Скюдери успокоила несчастную, убѣждая ее, что вѣдь ничего худого не случилось и нужно только знать, что сказано въ запискѣ. Она развернула листокъ и прочла слѣдующія слова: „Злой рокъ, который вы можете отвратить, толкаетъ меня въ бездну. Я заклинаю васъ, какъ сынъ горячо любимую мать, отправьте ожерелье и браслеты, переданныя вамъ черезъ меня, подъ какимъ нибудь предлогомъ — для починки или передѣлки — ювелиру Ренэ Кардильяку. Отъ этого зависитъ ваша невредимость, ваша жизнь. Если вы этого не сдѣлаете до послѣ завтра, я проникну въ вашъ домъ и убью себя на вашихъ глазахъ.“ „Теперь несомнѣнно“, сказала Скюдери, прочтя

записку, „что если даже этотъ таинственный человекъ и принадлежитъ къ шайкѣ гнусныхъ разбойниковъ и убійцъ, то противъ меня онъ ничего дурного не замышляетъ. Если бы ему удалось повидать меня ту ночь, какъ знать, не разъяснилось ли бы для меня нѣкое странное событіе, нѣкое странное соотношеніе вещей, о которомъ я теперь тщетно ищу какого либо представленія въ душѣ. Но какъ бы дѣло ни обстояло, то, что мнѣ тутъ предписано, я выполню, хотя бы для того, чтобы отдѣлаться отъ злосчастныхъ драгоцѣнностей: они сдѣлались для меня точно адскимъ талисманомъ дьявола. Кардильякъ, надѣюсь, останется вѣренъ своей привычкѣ и не выпуститъ такъ легко камней изъ своихъ рукъ.“ Скюдери собиралась отправиться къ ювелиру уже на слѣдующій день. Но такъ случилось, что вся умственная знать Парижа, точно сговорившись, осаждала въ этотъ день все утро мадемуазель де Скюдери стихами, драматическими пьесами, анекдотами. Едва ей прочель Ла Шапель сцену изъ своей новой трагедіи, коварно увѣряя, что теперь онъ, наконецъ, превзошелъ Расина, какъ въ комнату вошелъ самъ Расинъ и сразилъ Ла Шапеля возвышенной тирадой какого-то короля, а затѣмъ мрачное небо трагедіи прорѣзались сверкающими воздушными шарами сатиры Буало: ему надоѣла вѣчная болтовня о колоннадѣ Лувра, въ которую его втиснулъ архитектурный докторъ Перро.

Время затянулось за полдень и Скюдери пора было ѣхать къ герцогинѣ Монтозье. Визитъ къ Кардильяку пришлось отложить до слѣдующаго утра.

Скюдери мучило странное безпокойство. Передъ глазами ея стояло все время лицо юноши, и какое то смутное воспоминаніе поднималось у нее съ глубины души. Она точно уже видѣла когда то это лицо, эти черты. Пугающіе сны тревожили ее, едва она засыпала. Ей казалось, точно она легкомысленно, даже преступно не подала, какъ это слѣдовало сдѣлать, руку помощи несчастному, который взывалъ къ ней, падая въ бездну. Ей даже казалось, точно она содѣйствуетъ какому-то страшному дѣлу, какому-то роковому преступленію. Какъ только наступило утро, она приказала подать ей одѣться и, взявъ шкапу, отправилась къ ювелиру.

По направленію къ улицѣ Никэзъ, гдѣ жилъ Кардильякъ, бѣжала толпа. Люди тѣснились у входа въ домъ, кричали, шумѣли, бѣсновались, врывались во внутрь, и расходившуюся толпу съ трудомъ сдерживала жандармерія. Среди дикаго гула гнѣвные голоса восклицали: „Разорвите въ клочья проклятаго убійцу!“ Наконецъ, появляется Дегрэ съ многочисленнымъ отрядомъ, который расчищаетъ ему дорогу среди толпы. Дверь раскрывается, оттуда выводятъ человѣка, закованнаго въ цѣпи, и уводятъ его подъ страшныя проклятія

разъяренной толпы. Въ ту минуту, какъ Скюдери, полумертвая отъ испуга и страшнаго предчувствія, видитъ все это, въ ухахъ ея раздается пронзительный крикъ. „Впередъ — скорѣе впередъ!“ кричитъ она внѣ себя кучеру, и тотъ искуснымъ быстрымъ движеніемъ расчищаетъ густую толпу и останавливается у самой двери Кардильяка. Тутъ Скюдери видитъ передъ собою Дегрэ, и у ногъ его молодую дѣвушку, прекрасную какъ день, съ распущенными волосами, полураздѣтую, съ выраженіемъ дикаго ужаса и безнадежнаго отчаянія на лицѣ. Она обнимаетъ его колѣни и кричитъ голосомъ, полнымъ страшной, раздирающей смертельной муки: „Онъ вѣдь невиновенъ. Онъ невиновенъ!“ Напрасно самъ Дегрэ, напрасно помощники его пытаются отстранить ее, поднять ее съ земли. Наконецъ, какой-то сильный неуклюжій дѣтина хватаетъ несчастную дѣвушку грубыми руками, оттаскиваетъ ее силой отъ Дегрэ, но неуклюже спотыкается и выпускаетъ ее изъ рукъ. Она скатывается съ каменныхъ ступенекъ и падаетъ на улицѣ какъ мертвая. Скюдери не въ силахъ дольше смотрѣть на это. — „Что тутъ случилось, скажите ради Христа!“ восклицаетъ она, быстро открываетъ дверцу кареты и выходитъ. Народъ почтительно разступается передъ почтенной дамой. Видя, что нѣсколько сердобольныхъ женщинъ подняли дѣвушку, посадили ее на ступеньки и оттираютъ ей виски спиртомъ, Скюдери подходит къ

Дегрэ и рѣзко повторяетъ свой вопросъ. — „Случилось нѣчто ужасное“, говоритъ Дегрэ., „Сегодня утромъ Ренэ Кардильяка нашли мертвымъ: его зарѣзали ударомъ кинжала. Убійца — его подмастерье Оливье Брюсонъ. Его только что увели въ тюрьму“. — „А дѣвушка?“ крикнула Скюдери. — „Дѣвушка эта Мадлонъ, дочь Кардильяка. Негодяй Брюсонъ былъ ея любовникъ. Она плачетъ, реветъ и все кричитъ, что Оливье неповиненъ въ убійствѣ. А какъ знать, можетъ быть и она замѣшана въ это дѣло. Я отправлю и ее въ Консьержери.“ Дегрэ взглянулъ при этихъ словахъ на дѣвушку такимъ злобнымъ торжествующимъ взглядомъ, что Скюдери вздрогнула отъ ужаса. Дѣвушка начала тихо дышать, но еще не въ силахъ была ни двинуться, ни выговорить слово. Она лежала съ закрытыми глазами, и окружающіе не знали, унести ли ее въ домъ или продолжать приводить въ чувство. Глубоко потрясенная Скюдери глядѣла со слезами на невиннаго ангела. Дегрэ и его помощники внушали ей ужасъ. Въ это время послышался глухой топотъ шаговъ внизъ по лѣстницѣ: уносили трупъ Кардильяка. Скюдери, быстро рѣшившись, громко произнесла: „Я беру дѣвушку къ себѣ — все остальное ваше дѣло.“ Въ толпѣ пронесся громкій гулъ одобренія. Женщины подняли дѣвушку, всѣ столпились вокругъ нихъ, сотни рукъ тянулись помочь имъ, и дѣвушка точно понеслась по воздуху: ее внесли въ карету, и со всѣхъ устъ

неслись благословенія почтенной дамѣ, которая спасла невинную отъ кроваваго суда.

Благодаря стараніямъ Серона, знаменитѣйшаго врача въ Парижѣ, удалось, наконецъ, окончательно привести въ чувство Мадлонъ, пролежавшую много часовъ въ неподвижномъ безсознательномъ состояніи. Скудери завершила то, что началъ врачъ. Она засвѣтила мягкій теплый лучъ надежды въ душѣ дѣвушки. У нея хлынула, наконецъ, изъ глазъ бурный потокъ слезъ и, облегчивъ душу въ слезахъ, Мадлонъ рассказала, какъ все произошло. Только отъ времени до времени избытокъ пронизывавшихъ ее страданій заглушалъ ея слова тяжкими рыданіями.

Въ полночь ее разбудилъ тихій стукъ въ дверь, и она услышала голосъ Оливье. Онъ умолялъ ее сейчасъ же встать, потому что отецъ ея умираетъ. Она въ ужасѣ вскочила съ постели и открыла дверь. Оливье, блѣдный, съ искаженнымъ лицомъ, направился со свѣчой въ рукѣ, шатаясь и обливаясь потомъ, въ мастерскую, и она послѣдовала за нимъ. Тамъ, въ мастерской, лежалъ ея отецъ. Она съ плачемъ кинулась къ нему, и тогда только замѣтила, что у него рубашка въ крови. Оливье мягко отстранилъ ее и сталъ промывать цѣлебнымъ бальзамомъ и перевязывать рану отца на лѣвой сторонѣ груди. Тѣмъ временемъ отецъ пришелъ въ чувство, пересталъ хрипѣть. Онъ посмотрѣлъ на нее, а потомъ на Оливье глубокимъ

душевымъ взглядомъ, взялъ ея руку, положилъ ея въ руку Оливье и крѣпко сжалъ ихъ. Оба, Оливье и она, опустились на колѣни у постели отца. Онъ съ раздирающимъ крикомъ поднялся въ постели, но потомъ снова опустился и, глубоко вздохнувъ, скончался. Тогда они оба громко плакали и рыдали. Оливье затѣмъ разсказалъ ей, что отца ея убили въ его присутствіи, когда онъ, по приказу своего хозяина, вышелъ съ нимъ изъ дому по одному дѣлу. Онъ разсказалъ, что съ величайшимъ напряженіемъ силъ понесъ хозяина домой на рукахъ, не думая, что онъ раненъ на смерть. Какъ только наступило утро, всѣ жильцы дома пришли къ нимъ — они слышали уже ночью шумъ и плачь наверху — и застали ея и Оливье безутѣшно стоявшими на колѣняхъ у трупа отца. Поднялся шумъ, явилась жандармерія, и Оливье потащили въ тюрьму по обвиненію въ убійствѣ хозяина. Въ добавленіе къ своему разсказу Мадлонъ трогательно описывала добродѣтель, благочестіе и преданность своего возлюбленнаго Оливье. По ея словамъ онъ высоко чтилъ хозяина, какъ собственнаго отца, и отецъ отвѣчалъ ему полной взаимностью. Онъ избралъ Оливье своимъ зятемъ несмотря на его бѣдность, потому что его умѣлость въ работѣ равнялась его преданности и благородству. Все это Мадлонъ разсказывала съ полнымъ простосердечіемъ и сказала въ заключеніе, что если бы даже Оливье у нея на глазахъ уда-

рилъ отца ея кинжаломъ въ грудь, то она скорѣе сочла бы это дьявольскимъ навожденіемъ, чѣмъ повѣрила, что Оливье способенъ на такое страшное, возмутительное преступленіе.

Скюдери, глубоко потрясенная несказанными страданіями Мадлонъ и вполнѣ склоняясь къ тому, чтобы повѣрить въ невинность Оливье, стала собирать свѣденія о юношѣ. Все, что Мадлонъ рассказывала о личныхъ отношеніяхъ между хозяиномъ и подмастерьемъ, вполнѣ подтвердилось. Жильцы дома и сосѣди единодушно хвалили Оливье за его примѣрное поведеніе, его скромность, благочестіе и преданность. Никто не зналъ о немъ ничего худого, но все же, когда рѣчь переходила на совершенное злодѣяніе, каждый пожималъ плечами и говорилъ, что тутъ есть что-то непостижимое.

Оливье, представъ передъ *Chambre Ardente*, отрицалъ свою виновность, какъ сообщили Скюдери, съ величайшей твердостью, съ полной ясностью духа и утверждалъ, что на хозяина напали на улицѣ въ его присутствіи, что Кардильякъ упалъ отъ удара, но все же Оливье удалось донести его еще живымъ домой, гдѣ онъ вскорѣ умеръ. Это тоже совпадало съ передачей Мадлонъ.

Скюдери по много разъ спрашивала про всѣ подробности страшнаго происшествія. Она разузнавала въ точности, происходили ли когда нибудь ссоры между хозяиномъ и подмастерьемъ, не подверженъ ли былъ Оливье внезапнымъ при-

падкамъ вспыльчивости, которые бываютъ порою у самыхъ благодушныхъ людей и вызываютъ совершенно произвольные поступки. Но Мадлонъ такъ восторженно рассказывала о мирномъ домашнемъ счастье, объ узахъ искренней любви, соединявшей ихъ троихъ, что у Скюдери все болѣе исчезала всякая тѣнь подозрѣнія противъ Оливье. Точно все взвѣсивая — причемъ она нарочно исходила изъ предположенія, что Оливье, вопреки всему, говорящему за его невинность, все же и есть убійца Кардильяка — Скюдери не находила въ предѣлахъ возможнаго какихъ бы то ни было побудительныхъ причинъ, объяснявшихъ страшное злодѣяніе: оно во всякомъ случаѣ разрушало счастье Оливье. Онъ былъ бѣдный, но способный юноша. Ему удалось снискать расположеніе знаменитѣйшаго мастера; онъ полюбилъ дочь своего хозяина; хозяйинъ покровительствовалъ его любви. Ему открывается на всю жизнь счастье и благосостояніе. Предположивъ даже, что неизвѣстно чѣмъ разгнѣванный, охваченный бѣшенствомъ Оливье напалъ на своего благодѣтеля, своего отца и убилъ его, то какое нужно дьявольское лицемѣріе, чтобы послѣ того вести себя такъ, какъ онъ велъ. Твердо убѣжденная въ невинности Оливье, Скюдери рѣшила спасти юношу, чего бы это ни стоило.

Ей казалось наилучшимъ — прежде, чѣмъ обратиться къ милости короля — повидаться и по-

говорить съ предсѣдателемъ суда Ла Реньи, обратиться его вниманіе на обстоятельства, доказывающія невинность Оливье. Быть можетъ, ей удастся пробудить въ душѣ предсѣдателя расположеніе къ обвиняемому, и это передастся также судьямъ.

Ла Реньи принялъ Скюдери съ глубокой почтительностью, на которую эта достойная дама, высоко почитаемая самимъ королемъ, имѣла по справедливости всѣ права. Онъ спокойно выслушалъ все, что она рассказала ему про страшное злодѣяніе, про обстоятельства жизни Оливье, про его характеръ. Но только тонкая и скорѣе злобная усмѣшка была знакомъ, что онъ не пропустилъ мимо ушей всѣ ея увѣренія, сопровождаемыя частыми слезами увѣщанія, что судья не долженъ быть врагомъ обвиняемаго, а долженъ помнить также все, говорящее въ его пользу. Когда мадемуазель де Скюдери, наконецъ, умолкла, совершенно обезсиленная и утирая слезы, Ла Реньи возразилъ ей слѣдующее: „Вполнѣ достойно вашего прекраснаго сердца, мадемуазель,“ сказалъ онъ, „что вы тронулись слезами влюбленной молодой дѣвушки и повѣрили всему, что она вамъ говоритъ. Вы, конечно, не въ состояніи и вообразить себѣ такое страшное злодѣяніе. Но другое дѣло судья, привыкшій срывать маски съ дерзкаго лицемѣрія. Мнѣ, правда, не подобаетъ раскрывать передъ каждымъ, кто спрашиваетъ меня, ходъ уголовного процесса. Я исполняю свой долгъ,

мадемуазель, и меня не касаются сужденія свѣта. Нужно, чтобы злодѣи дрожали передъ *Chambre Ardente*, которая не признаетъ никакихъ иныхъ каръ, кромѣ крови и огня. Но мнѣ не хочется казаться чудовищемъ суровости и жестокости въ вашихъ глазахъ, почтеннѣйшая мадемуазель де Скюдери. Позвольте же мнѣ поэтому ясно доказать вамъ въ нѣсколькихъ словахъ кровавую вину молодого злоумышленника, который — благодареніе небу — преданъ теперь возмездію. Вашъ проницательный умъ самъ откажется тогда отъ добродушія, которое дѣлаетъ честь вамъ, но отнюдь не подобало бы мнѣ. Такъ вотъ, слушайте: Утромъ Кардильяка нашли мертвымъ. Онъ былъ убитъ ударомъ кинжала. При немъ не было никого, кромѣ его подмастерья Оливье Брюсона и дочери. Въ комнатѣ Оливье, среди всего другого, нашли кинжалъ со свѣжими слѣдами крови; кинжалъ точно подходитъ къ ранѣ. „Кардильяка“ говоритъ Оливье, „ударил кинжаломъ ночью на моихъ глазахъ.“ — „Хотѣли ограбить его?“ — „Этого я не знаю.“ — „Ты былъ съ нимъ и не могъ защитить его отъ убійцы? Не могъ схватить убійцу? Позвать на помощь“ — „Хозяинъ шель шаговъ на пятнадцать—двадцать впереди меня: я шель позади.“ — „Почему же ты шель на такомъ далекомъ разстояніи? — „Такъ хотѣлъ хозяинъ.“ — „Да и зачѣмъ было мэтру Кардильяку выходить такъ поздно изъ дому?“ — „Этого я не

могу сказать.“ — „Вообще онъ вѣдь никогда не выходилъ изъ дому позже девяти часовъ вечера?“ — Тутъ Оливье замаялся, растерялся, ударился въ слезы, сталъ увѣрять всѣмъ святымъ, что Кардильякъ дѣйствительно вышелъ изъ дому въ ту ночь и былъ убитъ. А теперь замѣтите слѣдующее, мадемуазель. Съ полной несомнѣнностью доказано, что Кардильякъ въ ту ночь не покидалъ дома — и утверженіе Оливье, что онъ вышелъ вмѣстѣ съ нимъ, наглая ложь. Двери дома запираются большимъ тяжелымъ замкомъ, который пронзительно скрипитъ, когда его открываютъ или закрываютъ. Самая дверь раскрывается тоже съ нестерпимымъ воемъ, такъ что — это подтвердили произведенные опыты — шумъ слышенъ даже въ верхнемъ этажѣ дома. Нужно вамъ знать также, что въ самомъ нижнемъ этажѣ, т. е. непосредственно у входной двери, живетъ старикъ Клодъ Патрю со своей экономкой, женщиной лѣтъ около восьмидесяти, но еще подвижной и веселой. Они оба слышали, какъ Кардильякъ — онъ это продѣлывалъ каждый вечеръ — ровно въ девять часовъ спустился съ лѣстницы, заперъ съ шумомъ дверь на ключъ и на засовъ, затѣмъ снова поднялся наверхъ, громко прочелъ вечернюю молитву и затѣмъ — они слышали, какъ захлопнулась дверь — отправился къ себѣ въ спальню. Мэтръ Клодъ, какъ всѣ старики, страдаетъ бессонницей. И въ ту ночь онъ тоже не могъ сомкнуть глазъ. Эко-

номка его — дѣло было около половины десятаго — зажгла въ кухнѣ свѣчу, сѣла къ столу, за которымъ сидѣлъ мѣтръ Клодь, и стала читать старую хронику. Старикъ же, погруженный въ свои мысли, то садился въ кресло, то опять вставалъ и медленно, тихо ходилъ по комнатѣ, чтобы вызвать усталость и желаніе сна. Такъ все было тихо и спокойно до полуночи. Тогда они услышали наверху тяжелые шаги, потомъ шумъ паденія точно чего-то очень тяжелаго, и вслѣдъ затѣмъ слышались глухіе стоны. Обоимъ имъ сдѣлалось жутко. Ужась страшнаго злодѣянія, совершеннаго въ ту минуту, охватилъ ихъ душу, и только когда настало утро, обнаружилось то, что было затѣяно въ темнотѣ.“ — „Но скажите мнѣ ради всего святаго,“ прервала его Скюдери, „какъ вы себѣ представляете при тѣхъ обстоятельствахъ, которыя я только что вамъ пространно изложила, что могло дать поводъ къ такому адскому злодѣянію.“ — „Гм,“ отвѣтилъ Ла Реньи, „Кардильякъ былъ не бѣденъ — у него имѣлись отличные камни.“ — „Но развѣ все это не перешло бы къ дочери,“ продолжала Скюдери. — „Вы забываете, что Оливье долженъ былъ стать зятемъ Кардильяка.“ Можетъ быть онъ обязанъ былъ дѣлиться, или даже возможно, что онъ убивалъ по почину не собственному, а другихъ,“ сказалъ Ла Реньи — „Дѣлиться? Убивалъ по чужому почину?“ переспросила, ничего не понимая, Скюдери. — „Знайте,“ продолжалъ пред-

сѣдатель, „знайте, мадемуазель, что кровь Оливье уже давно бы пролилась на Грѣвской площади, если бы преступленіе его не стояло въ связи съ непроницаемой тайной, грозно тяготѣющей надъ всѣмъ Парижемъ. Оливье, повидимому, принадлежитъ къ той гнусной шайкѣ, которая, надсмѣхаясь надъ всѣми стараніями, всѣми розысками судебной власти, твердо и безнаказанно выполняетъ свои предпріятія. Черезъ Оливье все раскроется — должно раскрыться. Рана Кардильяка совершенно такая же, какъ у всѣхъ убитыхъ и ограбленныхъ въ домахъ и на улицахъ Парижа. Но вотъ что имѣетъ самое рѣшающее значеніе: съ минуты ареста Оливье Брюсона убійства и грабежи совершенно прекратились. По улицамъ можно ходить ночью съ такой же безопасностью, какъ и днемъ. Развѣ это не доказательство, что Оливье былъ вѣроятно даже главаремъ шайки. Пока онъ еще не сознается, но есть средства заставить его сознаться.“ — „А Мадлонъ?“ воскликнула Скюдери. „Вѣрная, невинная голубка Мадлонъ“. — „Ба,“ отвѣтилъ Ла Реньи съ ядовитой усмѣшкой, „кто поручится, что и она не была въ заговорѣ. Что ей до отца, она плачетъ только объ убійствѣ.“ — „Что вы говорите,“ крикнула Скюдери. „Это невысказано. Родного отца! И такая дѣвушка!“ — „Да что тамъ,“ продолжалъ Ла Реньи. „Вспомните Бренвилье! Вы ужъ простите меня, если я вскорѣ буду вынужденъ отнять у васъ дѣ-

Sc. aus der Erzählung: Das Fräulein von Scuderi, von F. Hoffmann.

вушку, за которую вы заступились и посадить ее въ Консьержери.“ Скюдери пришла въ ужась отъ такого неслыханнаго подозрѣнія. У нея было чувство, точно никакая правда, никакая праведность не существуетъ для этого ужаснаго человѣка, точно онъ выслѣживаетъ только злодѣйство въ самыхъ затаенныхъ мысляхъ. Она поднялась. „Будьте человѣчны“ — вотъ все, что она смогла выговорить, едва переводя духъ. Въ ту минуту, когда она уже стала спускаться съ лѣстницы, до которой ее проводилъ предсѣдатель съ церемонной вѣжливостью, ей вдругъ — она сама не могла объяснить почему — пришла въ голову странная мысль. „Разрѣшили ли бы вы мнѣ повидать несчастнаго Оливье Брюсона?“ спросила она предсѣдателя, быстро обернувшись къ нему. Онъ посмотрѣлъ на нее съ опасеніемъ, но потомъ на лицѣ его показалась свойственная ему противная улыбка. „Вы желаете, конечно,“ сказалъ онъ, „рѣшить сами, виновенъ ли Оливье или нѣтъ, и болѣе довѣряете, почтеннѣйшая мадемуазель де Скюдери, своему собственному чувству, своему внутреннему голосу нежели тому, что произошло передъ нашими глазами. Но если васъ не пугаетъ мрачное обиталище преступленія, если вамъ не отвратительны картины паденія на всѣхъ ступеняхъ, то вамъ сткроютъ черезъ два часа ворота Консьержери. Вамъ покажутъ этого Оливье, судьба котораго вызываетъ ваше сочувствіе.“

Скюдери дѣйствительно не вѣрила въ виновность Оливье. Правда, все говорило противъ него, и никакой судья въ мірѣ не поступилъ бы иначе чѣмъ Ла Реньи ввиду такихъ убѣдительныхъ фактовъ. Но картина семейнаго счастья, которую Мадлонъ ей такъ ярко нарисовала, вытѣсняла всякое недоброе подозрѣніе, и Скюдери готова была скорѣе предположить существованіе необъяснимой тайны, чѣмъ повѣрять тому, противъ чего возмущалась вся ея душа.

Она рѣшила попросить Оливье, чтобы онъ еще разъ рассказалъ ей все, что произошло въ ту роковую ночь, и надѣялась такимъ образомъ проникнуть въ тайну; быть можетъ, тайна эта оставалась непроницаемой для судей только потому, что они считали безцѣльнымъ вникать въ нее.

Въ Консьержери, когда туда прибыла Скюдери, ее провели въ большую свѣтлую комнату. Вскорѣ раздался лягъ цѣпей. Привели Оливье Брюсона. Но какъ только онъ вошелъ въ дверь, Скюдери упала на полъ безъ чувствъ. Когда она пришла въ себя, Оливье уже исчезъ. Она возбужденно потребовала, чтобы ее сейчасъ же провели къ каретѣ. Ей нетерпѣлось скорѣе, въ ту же минуту покинуть эти комнаты, укрывавшія преступное злодѣйство. Ахъ, она съ перваго же взгляда узнала въ Оливье Брюсонѣ того молодого человѣка, который бросилъ ей шкатулку съ драгоценностями. Всѣ сомнѣнія разсѣялись, страшное

предположеніе Ла Реньи вполнѣ подтвердилось. Оливье Брюсонъ навѣрно принадлежалъ къ той страшной разбойничьей шайкѣ, и несомнѣнно, что именно онъ убилъ своего хозяина. — А Мадлонъ? Обманутая болѣе горько чѣмъ когда либо въ своихъ чувствахъ, смертельно испуганная бѣсовской силой, въ существованіе которой она никогда прежде не вѣрила, Скюдери разувѣрилась во всякой правдѣ. Она стала допускать страшную мысль, что и Мадлонъ была въ заговорѣ съ убійцами и, быть можетъ, была соучастницей кроваваго преступленія. И такъ какъ всегда, едва только въ умѣ возникаетъ какая нибудь картина, какъ мысль старательно ищетъ и находитъ краски, чтобы какъ можно ярче ее расписать, то и Скюдери стала разбирать въ мельчайшихъ подробностяхъ всѣ обстоятельства дѣла и малѣйшія черты поведенія Мадлонъ. И многое стало подтверждать ея страшное подозрѣніе. То, что до того казалось ей доказательствомъ невинности и чистоты, превращалось въ явный знакъ преступной злобы, нарочитаго притворства. Раздирающіе крики и кровавыя слезы Мадлонъ могли быть вызваны смертельнымъ страхомъ не за возлюбленнаго, а за собственную жизнь. Она боялась, что очутится сама въ рукахъ палача. Немедленно же избавиться отъ змѣи, которую она пригрѣла у себя на груди — таково было рѣшеніе Скюдери, когда она выходила изъ кареты. Но едва она вошла къ себѣ въ комнату,

какъ Мадлонъ бросилась къ ея ногамъ. Поднявъ на нее небесные глаза — у ангела Божія не могло быть болѣе правдиваго взора — сложивъ руки на порывисто вздымавшейся груди, Мадлонъ рыдала и громко молила о помощи и утѣшеніи. Скюдери, съ трудомъ сдерживая себя, сказала, насколько ей возможно было спокойнымъ твердымъ тономъ: „Иди — иди — примиришь съ судьбой убійцы, котораго ждетъ справедливое наказаніе за его гнусныя дѣянія. Да предотвратитъ святая Дѣва, чтобы и на тебѣ оказалась тяжелая кровавая вина.“ „Ахъ, теперь все погибло!“ вскрикнула Мадлонъ и упала безъ чувствъ на полъ. Скюдери предоставила дѣвушку заботамъ Мартиньеръ и сама удалилась въ другую комнату.

Раздираемая въ душѣ сомнѣніями, разочарованная во всемъ на землѣ, Скюдери утратила всякое желаніе длить жизнь въ мірѣ, полномъ дьявольскаго обмана. Ей было горестно, что по горькой насмѣшкѣ судьбы, ей дано было прожить столько лѣтъ, укрѣпиться въ своей вѣрѣ въ добродѣтель и вѣрность — а теперь въ старости прекрасная картина, освѣщавшая ей жизнь, вдругъ уничтожена.

Она услышала, какъ Мартиньеръ увела Мадлонъ, которая тихо стонала и говорила: „Ахъ, и ее — и ее обошли эти жестокіе люди. Горемнѣ — несчастный Оливье.“ Звуки ея голоса проникали въ самое сердце Скюдери, и снова изъ

глубины ея души поднималось предчувствіе какой то тайны, вѣра въ невинность Оливье. Охваченная самыми противорѣчивыми чувствами, совершенно внѣ себя, Скюдери воскликнула: „Какой злой духъ запуталъ меня въ эту ужасную исторію, которая будетъ стоить мнѣ жизни!“ Въ эту минуту вошелъ Батистъ, блѣдный и испуганный и сообщилъ, что пришелъ Дегрэ. Со времени ужаснаго процесса Вуазень появленіе въ чьемъ либо домѣ Дегрэ было неминуемымъ предзнаменованіемъ какого нибудь тяжкаго обвиненія. Это и было причиной испуга Батиста, и поэтому мадемуазель де Скюдери спросила его съ доброй улыбкой: „Что съ тобой, Батистъ? Вѣрно въ списокѣ Вуазень оказалось также имя Скюдери?“ „Ахъ, да храни насъ Спаситель! Какъ вы могли произнести что либо подобное?“ возразилъ Батистъ, дрожа всемъ тѣломъ. „Но Дегрэ — ужасный Дегрэ такъ таинственно, такъ настойчиво требуетъ, чтобы я доложилъ о немъ. Ему не терпится скорѣе повидать васъ.“ „Ну, что же,“ сказала Скюдери, „пусти его, этого человѣка, который внушаетъ вамъ такой ужасъ. Во мнѣ во всякомъ случаѣ онъ не вызываетъ никакой тревоги.“ „Предсѣдатель суда,“ сказалъ Дегрэ, входя въ комнату, „предсѣдатель Ла Реньи прислалъ меня къ вамъ съ просьбой, на выполненіе которой онъ не питалъ бы никакихъ надеждъ, если бы ему не была извѣстна ваша добродѣтель, ваше мужество. Въ вашихъ рукахъ

находится послѣднее средство пролить свѣтъ на тяжкое преступленіе, и вы уже и такъ приняли участіе въ ужасномъ процессѣ, который занимаетъ всѣ помыслы *Chambre Ardente* и всѣхъ насъ. Оливье Брюсонъ внѣ себя съ той минуты какъ видалъ васъ. Казалось уже, что онъ близокъ къ сознанию. Теперь же онъ опять клянется Христомъ и всѣми святыми, что совершенно не повиненъ въ убійствѣ Кардильяка, но не отказывается претерпѣть казнь, такъ какъ говоритъ, что заслужилъ ее. Послѣднія слова, замѣтьте, ясно указываютъ на преступленія, тяготѣющія на немъ. Но всѣ старанія добиться отъ него хоть слова объясненія совершенно тщетны; даже угроза пыткой ни къ чему не привела. Онъ молить, заклинаетъ насъ доставить ему возможность поговорить съ вами. Вамъ, только вамъ одной онъ все откроетъ. Снизойдите, мадемуазель, выслушать исповѣдь Брюсона.“ „Какъ!“ — воскликнула съ возмущеніемъ Скюдери, „чтобы я служила орудіемъ для кроваваго суда? Чтобы я злоупотребила довѣріемъ чело-вѣка и повела его на эшафотъ? Нѣтъ, Дегрэ. Пусть Брюсонъ дѣйствительно гнусный убійца, все же я никакъ не соглашусь такъ коварно предать его. Я не хочу знать его тайнъ; и, во всякомъ случаѣ онъ остались бы сокрытыми у меня въ груди какъ тайна исповѣди.“ „Быть можетъ,“ возразилъ ей Дегрэ съ тонкой усмѣшкой, „быть можетъ, ваше мнѣніе измѣнится, когда вы выслушаете Брюсона. Вѣдь

вы сами взывали къ предсѣдателю, прося его быть человѣчнымъ. Вотъ онъ во имя человѣчности и уступаетъ неразумному желанію Брюсона. Онъ испытываетъ тѣмъ самымъ послѣднее средство прежде чѣмъ прибѣгнуть къ пыткамъ, хотя уже давно пора это сдѣлать.“ Скъодери невольно вздрогнула отъ ужаса. „Конечно“, продолжалъ Дегрэ, „конечно, почтеннѣйшая мадемуазель де Скъодери, никто не требуетъ, чтобы вы вновь вступили въ тѣ мрачные покои, которые преисполнили васъ ужасомъ и отвращеніемъ. Въ тишинѣ ночи, незамѣтно для людскихъ взоровъ, Оливье Брюсона привезутъ къ вамъ въ домъ какъ свободнаго человѣка. Никто не будетъ подслушивать вашей бесѣды, но вы будете подъ надежной охраной, и онъ сможетъ безъ всякаго принужденія высказать вамъ все. Что и вамъ лично при этомъ не будетъ грозить никакой опасности со стороны злодѣя, за это я вамъ ручаюсь своей жизнью. Онъ говоритъ о васъ съ пламенной преданностью. Онъ клянется, что только грозный рокъ, помѣшавшій ему повидать васъ раньше, виной тому, что онъ обреченъ на смерть. Затѣмъ въ вашей воли передать лишь то изъ признаній Брюсона, что вы сочтете нужнымъ. Вѣдь принудить васъ сказать больше нельзя. Не правда ли?“ Скъодери глядѣла въ пространство, глубоко задумавшись. Ей казалось, что она должна повиноваться высшей силѣ, требующей отъ нея раскрытія какой то страшной

тайны. Она была точно уже не въ силахъ вырваться изъ таинственнаго сплетенія событій, въ которое судьба втянула ее противъ воли. Сразу отважившись, она отвѣтила Дегрэ съ твердымъ достоинствомъ: „Господь дастъ мнѣ рѣшимость и стойкость. Приведите Брюсона, я съ нимъ поговорю“.

Какъ въ тотъ разъ, когда Брюсонъ принесъ ей шкатулку, въ полночь у дома Скюдери раздался стукъ. Предупрежденный о ночномъ посѣщеніи Батистъ открылъ дверь. Ледяной ужасъ охватилъ Скюдери, когда она поняла по звуку тихихъ шаговъ и по глухому топоту, что стража, которая привела Брюсона, размѣстилась по корридорамъ дома.

Наконецъ дверь ея комнаты тихо открылась. Вошелъ Дегрэ, а за нимъ Оливье Брюсонъ, безъ оковъ, въ своемъ обычномъ платьи. „Вотъ“, сказала Дегрэ, съ почтительнымъ поклономъ, „вотъ Брюсонъ, почтеннѣйшая мадемуазель де Скюдери“. Съ этими словами онъ вышелъ изъ комнаты.

Брюсонъ бросился на колѣни передъ Скюдери, поднялъ къ ней руки съ мольбой, и изъ глазъ его потекли частыя слезы.

Скюдери глядѣла на него поблѣднѣвъ, и не могла выговорить ни слова. Лицо его преобразила скорбь, исказила тяжкая мука, и все же юношескія черты отражали чистѣйшую вѣрную

душу. Чѣмъ дольше глаза Скюдери покоились на лицѣ Брюсона, чѣмъ живѣе въ мысляхъ ея мелькало воспоминаніе о комъ то любимомъ, кого она не могла ясно припомнить. Чувство ужаса совершенно исчезло. Она забыла, что на колѣняхъ передъ нею убійца Кардильяка, и обратилась къ нему со свойственной ей привлекательной, спокойной ласковостью. „Что же вы хотите мнѣ сказать, Брюсонъ?“ спросила она. Брюсонъ продолжалъ стоять на колѣняхъ, глубоко вздохнулъ и заговорилъ съ выраженіемъ пламенной скорби. „О, глубокочтимая, достойнѣйшая мадемуазель де Скюдери, неужели въ памяти вашей исчезъ всякій слѣдъ воспоминанія обо мнѣ?“ Скюдери еще разъ внимательно посмотрѣла на него и отвѣтила, что она дѣйствительно находитъ въ его чертахъ сходство съ кѣмъ то, кто ей былъ дорогъ, и только изъ за этого сходства преодолѣла свое глубокое возмущеніе противъ убійцы и согласилась спокойно выслушать его. Брюсонъ, глубоко оскорбленный ея словами, быстро поднялся и, опустивъ мрачный взоръ, отступилъ на шагъ. Затѣмъ онъ проговорилъ глухимъ голосомъ: „Неужели вы совершенно забыли Анну Гюйо? Вѣдь передъ вами стоитъ ея сынъ Оливье, котораго вы такъ часто качали на своихъ колѣняхъ!“ — „О силы небесныя!“ воскликнула Скюдери и, закрывъ лицо обѣими руками, откинулась на подушки. Она имѣла дѣйствительно достаточ-

ное основаніе придти въ ужась. Анна Гюйо, дочь обѣднѣвшаго буржуа, съ дѣтства жила у Скюдери, которая воспитала ее какъ родная мать, съ величайшей преданностью и заботливостью. Когда дѣвушка выросла, руки ея сталъ добиваться красивый, благонравный юноша. Его звали Клодомъ Брюсонъ. Онъ былъ искусный часовщикъ и можно было надѣяться, что у него будутъ хорошіе заработки въ Парижѣ. Анна тоже полюбила его отъ души, и Скюдери поэтому безъ всякаго колебанія согласилась на бракъ своей воспитанницы. Молодая чета устроилась, жила тихой и счастливой семейной жизнью, и союзъ любви ихъ укрѣпился еще сильнѣе, когда у нихъ родился удивительно красивый мальчикъ, весь въ свою прелестную мать.

Скюдери обожала маленькаго Оливье, отнимала его на цѣлые часы, иногда на цѣлые дни у матери, ласкала и баловала его. Мальчикъ поэтому такъ привыкъ къ ней, что любилъ бывать съ нею не меньше чѣмъ съ матерью. Прошло три года, и вслѣдствіи недоброжелательства завистливыхъ товарищей по ремеслу, заработки Брюсона падали изо дня въ день. Въ концѣ концовъ онъ могъ лишь съ трудомъ прокормить себя и семью. Кромѣ того его стало тянуть на родину, въ прекрасную Женеvu, и наконецъ маленькая семья уѣхала туда, несмотря на противодействие Скюдери, которая обѣщала всяческую

поддержку, если они останутся въ Парижѣ. Анна нѣсколько разъ еще писала своей пріемной матери, потомъ замолкла. Скюдери думала, что счастливая жизнь на родинѣ Брюсона стерла у ея воспитанницы воспоминаніе о прежнихъ дняхъ.

Прошло ровно двадцать три года съ тѣхъ поръ какъ Брюсонъ съ женой и ребенкомъ оставили Парижъ и переѣхали въ Женеву.

„Какой ужасъ!“ воскликнула Скюдери, когда немного пришла въ себя. „Какой ужасъ! Это ты, Оливье — сынъ моей Анны. А теперь“ — „Да“, отвѣтилъ Оливье спокойно и твердо, „да, почтенная мадемуазель де Скюдери, вамъ бы не могло придти въ голову, когда вы баловали меня въ дѣтствѣ какъ нѣжная мать, качали на колѣняхъ, совали мнѣ въ ротъ сласти и называли меня нѣжнѣйшими именами, что сдѣлавшись взрослымъ юношей, я буду стоять передъ вами, обвиненный въ убійствѣ. — Я не говорю, что на мнѣ нѣтъ никакой вины. *Chambre Ardente* вправѣ обвинять меня. Но клянусь — и это такъ же вѣрно, какъ то, что я надѣюсь умереть неповиннымъ въ смертоубійствѣ, хотя бы и умеръ отъ руки палача — не мною убитъ и не на мнѣ вина въ томъ, что погибъ несчастный Кардильякъ“. Оливье весь дрожалъ и зашатался при этихъ словахъ. Скюдери молча указала на маленькую табуретку, стоявшую около Оливье. Онъ медленно опустился на нее.

„У меня было довольно времени,“ снова началъ онъ свой разсказъ, „чтобы подготовиться къ бесѣдѣ съ вами! — я считаю ее послѣдней милостью примиреннаго со мною неба — и набраться достаточнаго спокойствія и твердости духа, чтобы разсказать вамъ исторію моего ужаснаго, неслыханнаго злосчастія. Окажите мнѣ милосердіе, выслушайте меня спокойно, какъ бы васъ не изумило, не преисполнило ужасомъ раскрытіе тайны, о которой вы ничего не подозрѣваете. О, если бы мой бѣдный отецъ никогда не покидалъ Парижъ! Съ тѣхъ поръ какъ только я себя помню въ дѣтствѣ въ Женевѣ, родители мои всегда неутѣшно плакали. И я самъ проливалъ слезы, слушая ихъ непонятныя для меня тогда жалобы. Позже только я сталъ ясно все чувствовать и видѣлъ гнетущую нужду и глубокое несчастіе моихъ родителей. Отца моего обманули всѣ надежды. Удрученный тяжкимъ горемъ, раздавленный жизнью, онъ умеръ какъ разъ тогда, когда ему удалось помѣстить меня въ ученіе къ одному ювелиру. Мать моя много говорила о васъ, хотѣла написать вамъ о своихъ несчастіяхъ; но потомъ на нее напало малодушіе, свойственное людямъ, когда ихъ одолеваетъ нужда. И это, а также ложный стыдъ, часто грызущій раненныя на смерть души, удержали ее отъ выполненія ея намѣренія. Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ смерти отца сошла въ могилу и моя мать“. — „Бѣдная Анна! Бѣдная Анна!“

воскликнула горестно Скюдери. „Благодареніе и слава вѣчному могуществу небесъ, что она ушла изъ жизни и не увидитъ, какъ ея любимый сынъ падетъ отъ руки палача, заклеянный позоромъ!“ Оливье громко выкрикнулъ эти слова и поднялъ къ небу одичалый, измученный взглядъ. За дверьми зашевелились, стали ходить въ разныя стороны. „Ха, ха!“ сказала Оливье съ горькой усмѣшкой, „Дегрэ будитъ своихъ молодцовъ, какъ будто я могу бѣжать отсюда! — Но я продолжаю. Мастеръ, у котораго я учился, былъ суровъ ко мнѣ, хотя я вскорѣ сталъ работать лучше всѣхъ и, наконецъ, превзошелъ даже самого хозяина. Однажды къ намъ въ мастерскую пришелъ незнакомый человѣкъ для покупки драгоценностей. Увидавъ прекрасное ожерелье моей работы, онъ ласково хлопнулъ меня по плечу, и любясь ожерельемъ, сказалъ: „Смотрите пожалуйста! Да вѣдь это превосходно сработано, мой молодой другъ. Прямо не знаю, кто могъ бы васъ превзойти въ мастерствѣ кромѣ Ренэ Кардильяка — но онъ, конечно, первый ювелиръ на всемъ свѣтѣ. Непремѣнно отправьтесь къ нему. Онъ охотно возьметъ васъ къ себѣ въ мастерскую: вы одинъ можете быть ему помощникомъ въ его работѣ и только отъ него одного вы еще можете научиться новому.“ Слова эти глубоко запали мнѣ въ душу. Я не находилъ себѣ больше покоя въ Женевѣ; меня силой тянуло прочь оттуда. На-

конецъ, мнѣ удалось отдѣлаться отъ моего хозяина. Я пріѣхалъ въ Парижъ. Ренэ Кардильякъ принялъ меня холодно и сурово. Я не отставалъ отъ него, требовалъ, чтобы онъ поручилъ мнѣ какую нибудь работу, хотя бы самую незначительную. Онъ далъ мнѣ сработать кольцо. Когда я принесъ ему выполненную работу, онъ остановилъ на мнѣ недвижный взглядъ своихъ сверкающихъ глазъ, точно хотѣлъ заглянуть мнѣ въ душу. Потомъ онъ сказалъ: „Ты хорошій, надежный работникъ. Поступай ко мнѣ и будь моимъ помощникомъ по мастерской. Буду тебѣ хорошо платить. Остаешься доволенъ мною“. Кардильякъ сдержалъ слово. Я прожилъ у него нѣсколько недѣль прежде чѣмъ увидѣлъ Мадлонъ. Она тогда, если не ошибаюсь, гостила въ деревнѣ у одной родственницы Кардильяка. Наконецъ, она вернулась домой. О превѣчныя силы небесныя, что случилось со мною, когда я увидѣлъ этого ангела! А теперь — о Мадлонъ!“

Оливье не могъ говорить отъ душевной муки. Онъ закрылъ лицо обѣими руками и громко рыдалъ. Наконецъ, преодолевъ силой муку, охватившую его, онъ продолжалъ:

„Мадлонъ взглянула на меня привѣтливымъ взоромъ. Она стала все чаще приходитъ въ мастерскую. Я радостно убѣждался въ ея любви ко мнѣ. Какъ строго ни слѣдилъ за нами отецъ, тайныя рукопожатія были для насъ залогомъ за-

ключеннаго союза. Я надѣялся пріобрѣсти сначала расположеніе Кардильяка, а потомъ, достигнувъ званіе мастера, добиваться руки Мадлонъ. Однажды утромъ, когда я собирался сѣсть за работу, Кардильякъ подошелъ ко мнѣ. Мрачный взглядъ его выражалъ гнѣвъ и подозрѣніе. „Я не нуждаюсь болѣе въ твоей работѣ,“ сказалъ онъ. „Убирайся вонъ изъ моего дома сію же минуту, и никогда не показывайся мнѣ на глаза. Мнѣ нечего тебѣ объяснять, почему я не потерплю болѣе твоего присутствія здѣсь. Сладкій плодъ, къ которому ты тянешься, виситъ слишкомъ высоко для такого нищаго какъ ты.“ Я хотѣлъ возразить ему, но онъ схватилъ меня за руку и вытолкалъ за дверь съ такой силой, что я упалъ и сильно расшибъ себѣ голову и руку.

Возмущенный, раздираемый тяжкими страданіями, я покинулъ его домъ и нашелъ наконецъ пріютъ въ самомъ концѣ Сент-Мартинскаго предмѣстья: одинъ добрый пріятель помѣстилъ меня у себя на чердакѣ. Я не находилъ себѣ покоя. Въ ночное время я бродилъ вокругъ дома Кардильяка въ надеждѣ, что Мадлонъ услышитъ мои вздохи, мои жалобы и что ей, быть можетъ, удастся поговорить со мною тайкомъ изъ окна. Въ мысляхъ моихъ возникали и скрещивались самые отважные планы, и я надѣялся склонить ее къ ихъ выполненію. Къ дому Кардильяка на улицѣ Никэзъ примыкаетъ высокая стѣна съ нишами, а

въ нихъ стоять старыя полуразбитыя каменныя фигуры. Вотъ я разъ стою у одной такой фигуры и гляжу вверхъ къ окнамъ, выходящимъ на дворъ, окруженный стѣной. Вдругъ замѣчаю свѣтъ въ мастерской Кардильяка. Была полночь, и въ этотъ часъ Кардильякъ обыкновенно уже спалъ; онъ отправлялся на покой ровно въ девять часовъ. У меня забилося сердце отъ жуткаго предчувствія; я сталъ ждать чего то, что дастъ мнѣ возможность проникнуть въ домъ. Но свѣтъ снова исчезъ. Я прижался къ каменной фигурѣ, втиснулся въ нишу, но тотчасъ же въ ужасѣ отпрянулъ, такъ какъ почувствовалъ обратный толчокъ — фигура точно сдѣлалась живой. Въ мерцающемъ ночномъ свѣтѣ я увидѣлъ, что камень медленно поворачивается, изъ-за него выступаетъ кто-то темный и тихими шагами выходитъ на улицу. Я снова подбѣгаю къ каменной фигурѣ: она по прежнему стоитъ плотно прислоненная къ самой стѣнѣ. Противъ собственной воли, точно побуждаемый какой-то внутренней силой, я слѣдую крадучись за человѣкомъ, вышедшимъ на улицу. Какъ разъ у образа Мадонны онъ оглядывается, лицо его освѣщаетъ полный свѣтъ лампы, горячей передъ образомъ. Это Кардильякъ! Непостижимый страхъ, жуткое чувство ужаса охватываетъ меня. Точно зачарованный, иду слѣдомъ за лунатикомъ, похожимъ на привидѣніе. Кардильякъ казался мнѣ лунатикомъ, бродящимъ во снѣ, хотя

въ ту ночь и не было полнолунія, когда мѣсяць колдуеть надъ спящими. Наконецъ, Кардильякъ свернулъ въ сторону и исчезъ въ глубокой тѣни. По его тихому, но знакомому мнѣ откашливанію я однако могъ прослѣдить, что онъ зашелъ въ ворота дома по близости. Что это значитъ? Что онъ тутъ дѣлаеть? въ изумленіи спрашивалъ я себя и плотно прижимался къ стѣнамъ домовъ. Спустя короткое время на улицѣ показался человекъ. На шляпѣ его развѣвались перья; онъ шелъ, позвякивая шпорами. Кардильякъ, выбѣжавъ изъ своей засады, кинулся на прохожаго, точно тигръ на добычу, и въ ту же минуту человекъ съ хрипомъ упалъ на земь. Я съ крикомъ ужаса подскочилъ къ нему. Кардильякъ склонился надъ лежавшимъ на землѣ. „Мэтръ Кардильякъ, что вы дѣлаете?“ громко крикнулъ я. „Проклятый!“ реветъ Кардильякъ, пробѣгаетъ съ быстротой молніи мимо меня и исчезаетъ. Совершенно внѣ себя, едва передвигая ноги, я подхожу къ раненному. Опускаюсь на колѣни передъ нимъ. Можетъ быть, думаю, его еще возможно спасти. Но въ немъ уже нѣтъ признаковъ жизни. Я пришелъ въ такой смертельный ужась, что не замѣтилъ, какъ меня окружила жандармерія. „Ага, опять эти черти свалили человекъ! Хе, хе, молодой человекъ, ты что тутъ дѣлаешь — ты можетъ тоже изъ ихъ шайки? Убирайся подальше!“ Такъ они кричали въ перебивку и схватили меня. Я

едва только пробормоталъ, что не въ силахъ былъ бы свершить такое гнусное преступленіе и попросилъ оставить меня въ покоѣ. Тогда одинъ изъ нихъ посвѣтилъ мнѣ фонаремъ въ лицо и воскликнулъ со смѣхомъ: „Да это Оливье Брюсонъ, подмастерье, работающій въ ювелирной мастерской нашего славнаго мастера Ренэ Кардильяка! Онъ то не станетъ убивать людей на улицѣ — не похожъ на это — да и развѣ сталъ бы кто-нибудь изъ этихъ злодѣевъ убиваться надъ трупомъ убитаго и даваться намъ въ руки. Ну, какъ это произошло, скажи, молодецъ, не робѣй!“ „Прямо передо мной“, сказалъ я, „какой то человѣкъ наскочилъ на вотъ этого, ударилъ его кинжаломъ и убѣжалъ съ быстротой молніи, услышавъ мой крикъ. Я хотѣлъ посмотреть, нельзя ли еще спасти раненнаго.“ „Нѣтъ, сынъ мой“, сказалъ одинъ изъ поднявшихъ трупъ. „Это дѣло конченное. Ударъ кинжаломъ какъ всегда, попалъ прямо въ сердце.“ „Чортъ возьми!“ сказалъ другой, „мы опять пришли слишкомъ поздно, какъ третьяго дня“. Съ этими словами они ушли, унося съ собой трупъ.

Каково мнѣ было на душѣ, я вамъ не могу сказать. Я оцупалъ себя, чтобы провѣрить, не терзаетъ ли меня злой кошмаръ. Мнѣ казалось, что я долженъ сейчасъ проснуться и самъ буду пораженъ, какъ это мнѣ снился такой дикій вздоръ. Кардильякъ — отецъ моей Мадлонъ — гнусный

убійца! Я въ изнеможеніи опустился на каменные ступени. Наступало утро. На улицѣ становилось все свѣтлѣе. Передо мною лежала на мостовой офицерская шляпа, богато украшенная перьями. Я отчетливо вновь увидѣлъ передъ собой кровавое злодѣяніе Кардильяка, совершенное на томъ мѣстѣ, гдѣ я сидѣлъ. Я убѣждалъ, охваченный ужасомъ.

Совершенно растерянный, почти безъ чувствъ, сидѣлъ я у себя на чердакѣ, какъ вдругъ открывается дверь и входитъ Ренэ Кардильякъ: „Христось съ вами! Что вамъ нужно?“ крикнулъ я при видѣ его. Онъ, не обращая вниманія на мой возгласъ, подходитъ ко мнѣ и улыбается съ добродушіемъ и спокойствіемъ, которыя еще болѣе усиливаютъ мое внутреннее отвращеніе. Онъ подвигаетъ старый, расшатанный табуретъ и садится около меня. Я лежалъ на соломѣ и не могъ подняться. „Ну что, Оливье, какъ тебѣ живется, бѣдный мальчикъ? Я дѣйствительно не хорошо поступилъ, что поспѣшилъ прогнать тебя. Ты мнѣ очень недостаешь. Я какъ разъ задумалъ работу, которую никакъ не могу закончить безъ тебя. Какъ ты думаешь, не вернуться ли тебѣ работать у меня въ мастерской? Ты молчишь? Да, я знаю, я обидѣлъ тебя. Не скрываю, что я разозлился за то, что ты сталъ ухаживать за моей Мадлонь. Но потомъ я поразмыслилъ и нахожу, что при твоихъ способностяхъ, твоемъ прилежаніи и

твоей вѣрности я не могу желать лучшаго зятя чѣмъ ты. Такъ пойдемъ со мной и постарайся завоевать сердце Мадлонъ.“

Слова Кардильяка рѣзали мнѣ душу точно ножемъ. Меня потрясало его злодѣйство, и я не могъ выговорить ни слова. „Ты колеблешься“, продолжалъ онъ рѣзкимъ тономъ, и его сверкающіе глаза пронизывали меня, „ты колеблешься? Быть можетъ, тебѣ некогда пойти со мной сегодня, такъ какъ у тебя другія дѣла. Быть можетъ, ты собираешься навѣстить Дегрэ или тебя даже представлятъ д'Аржансону или Ла Реньи. Берегись, молодчикъ, какъ бы когти, которыя ты точишь на другихъ, не вонзились въ твое собственное тѣло и не разодрали тебя.“ Тогда мое глубокое внутреннее возмущеніе вдругъ вырвалось наружу. „Пусть тѣ“, воскликнулъ я, „пусть тѣ, которые сознають себя виновными въ страшныхъ преступленіяхъ, чувствуютъ значеніе именъ, которыя вы называете! Мнѣ не нужно — мнѣ до нихъ нѣтъ никакого дѣла.“ „Въ сущности“, продолжалъ Кардильякъ, „въ сущности, Оливье, тебѣ дѣлаетъ честь, что ты работаешь у меня, самаго знаменитаго мастера своего времени, всюду высоко чтимага за свою честность и добросовѣстность, столь уважаемаго, что всякій злой навѣтъ на него тяжело палъ бы на голову клеветника. Что касается Мадлонъ, то я долженъ тебѣ сознаться, что ты обязанъ моею уступчивости всецѣло ей

одной. Она любить тебя съ такой пламенностью, какой я бы не ожидалъ отъ такого нѣжнаго ребенка. Какъ только ты ушелъ, она бросилась къ моимъ ногамъ, обняла мои колѣни и призналась, обливаясь слезами, что не можетъ жить безъ тебя. Я думалъ, что это одно воображеніе. Всѣ влюбленныя дѣвочки готовы умереть, какъ только на нихъ взглянетъ первый молокососъ. Но моя Мадлонъ стала дѣйствительно хирѣть и заболѣла. И когда я хотѣлъ выбить у нея изъ головы этотъ вздоръ, она сто разъ называла твое имя. Что же мнѣ было дѣлать, чтобы не доводить ее до отчаянія? Вчера вечеромъ я ей сказалъ, что на все согласенъ и пойду за тобой сегодня. Тогда она расцвѣла за ночь какъ роза и ждетъ тебя, изнемогая отъ любви.“

Да простить мнѣ всемогущее небо, но я самъ не знаю, какъ случилось, что я вдругъ вернулся въ домъ Кардильяка, что Мадлонъ съ громкимъ радостнымъ крикомъ: Мой Оливье — мой возлюбленный — мой супругъ! бросилась ко мнѣ, крѣпко прижимала меня къ груди. И я въ избыткѣ счастья клялся святой Дѣвой и всѣми святыми, что никогда ее больше не покину.“

Потрясенный воспоминаніемъ объ этой рѣшительной минутѣ, Оливье остановился. Онъ не въ силахъ былъ продолжать. Скюдери охватилъ ужась передъ злодѣйствомъ человека, котораго она считала воплощеніемъ добродѣтели и чест-

ности. „Какой ужасъ!“ воскликнула она. „Ренэ Кардильякъ принадлежитъ къ разбойничьей шайкѣ, которая превратила нашъ честный городъ въ разбойничій притонъ?“ „Вы напрасно говорите с шайкѣ“, возразилъ Оливье. „Никакой шайки не было. Кардильякъ одинъ зарыскивалъ съ дьявольскимъ рвеніемъ свои жертвы во всемъ городѣ. Въ томъ, что онъ дѣйствовалъ единолично, и заключается тайна той увѣренности, съ которой онъ выполнялъ свои замыслы. И въ этомъ причина, почему такъ трудно было напасть на слѣды убійцы. Но позвольте мнѣ продолжить разсказъ. Дальнѣйшее развитіе событій объяснить вамъ тайну самаго ужаснаго и вмѣстѣ съ тѣмъ самаго несчастнаго изъ людей. Каково было мое положеніе, когда я вернулся къ Кардильяку, легко понять всякому. Сдѣлавъ этотъ шагъ, я уже не могъ пойти обратно. Иногда мнѣ казалось, что я сообщникъ Кардильяка въ его преступленіяхъ. Только въ любви Мадлонъ я забывалъ внутреннюю муку, которая терзала меня; только при ней мнѣ удавалось стирать всѣ внѣшніе слѣды невыразимыхъ страданій. Но работая со старикомъ въ мастерской, я не могъ взглянуть ему въ лицо, не могъ произнести слова отъ ужаса въ обществѣ страшнаго человѣка, преисполненнаго днемъ всѣхъ добродѣтелей нѣжнаго отца и честнаго гражданина, и совершавшаго злодѣянія подъ покровомъ ночи. Мадлонъ, добронравное, чистое, какъ ангель

дита, боготворила его. У меня разрывалось сердце при мысли, что если когда нибудь изобличеннаго злодѣя постигнуть должная кара, она, обманутая его сатанинской хитростью, умереть отъ отчаянія. Это одно уже смыкало мнѣ уста, если бы мнѣ даже пришлось умереть за это смертью преступника. Хотя мнѣ открылась правда изъ словъ жандармовъ, все же преступленія Кардильяка, его побужденія, способъ выполненія, оставались для меня загадкой. Вскорѣ однако все разъяснилось. Однажды Кардильякъ — онъ всегда былъ очень веселъ за работой, шутилъ и смѣялся и этимъ въ особенности вызывалъ во мнѣ отвращеніе — сидѣлъ задумчивый и мрачный. Потомъ онъ вдругъ отбросилъ вещь, надъ которой работалъ, такъ сильно оттолкнулъ ее, что камни и жемчугъ покатались во всѣ стороны, порывисто всталъ съ мѣста и сказалъ: „Оливье, такъ между нами не можетъ оставаться. Наши отношенія нестерпимы для меня. То, что не удалось вывѣдать Дегрэ и его помощникамъ при всей ихъ проницательности, далъ тебѣ въ руки слѣпой случай. Ты видѣлъ меня за моей ночной работой, на которую меня толкаетъ мой злой рокъ. Всякое сопротивленіе ему тщетно. И тебя тоже толкнулъ твой злой рокъ, когда ты пошелъ слѣдомъ за мною. Это онъ окуталъ тебя непроницаемыми покровами, онъ далъ легкость твоимъ шагамъ, такъ что ты шель неслышно, точно самое ма-

ленькое животное. Я зорко, точно тигръ, все вижу среди ночной тьмы, я слышу на разстояніи цѣлыхъ улицъ малѣйшій шумъ, жужжаніе мухи — а тебя я не замѣтилъ. Твой злой рокъ сдѣлалъ тебя моимъ сообщникомъ. О предательствѣ съ твоей стороны не можетъ быть больше и рѣчи при теперешнихъ условіяхъ. Поэтому ты долженъ все знать.“ — „Я никогда не буду твоимъ сообщникомъ, лицеѣрный злодѣй!“ Такъ я хотѣлъ крикнуть ему въ отвѣтъ, но внутренній ужасъ, который охватилъ меня при словахъ Кардильяка, стягивалъ мнѣ горло. Въмѣсто словъ я только произнесъ невнятный звукъ. Кардильякъ снова сѣлъ на рабочій стулъ. Онъ вытеръ потъ со лба. Охваченный тяжкими воспоминаніями прошлаго, онъ видимо могъ лишь съ трудомъ владѣть собою. Наконецъ, онъ началъ: „Мудрые люди много говорятъ о странныхъ впечатлѣніяхъ, остающихся иногда въ сознаніи беременныхъ женщинъ, и о таинственномъ вліяніи на ребенка такихъ сильныхъ произвольныхъ воздѣйствій извнѣ. О моей матери мнѣ рассказали очень удивительную исторію. Когда она была на первомъ мѣсяцѣ беременности мною, то присутствовала, вмѣстѣ съ еще другими женщинами, на блестящемъ придворномъ балу въ Трианонѣ. Тамъ взгляды ея остановился на одномъ кавалерѣ въ испанскомъ одѣяніи. Онъ носилъ на шеѣ цѣпь изъ сверкающихъ драгоценныхъ камней, и мать моя не могла отвести глазъ

отъ этой цѣпи. Все ея существо преисполнилось вождельніемъ къ сверкающимъ камнямъ — обладаніе ими казалось ей неземнымъ блаженствомъ. Тотъ же кавалеръ за нѣсколько лѣтъ до того, когда мать моя еще не была замужемъ, стремился ее соблазнить, но она съ отвращеніемъ отвергла его. Моя мать узнала его на балу, но теперь ей казалось, что, окруженный сверканіемъ алмазовъ, онъ самъ превратился въ высшее существо, въ воплощеніе всяческой красоты. Кавалеръ замѣтилъ пламенные, тянущіеся къ нему взоры моей матери. Онъ подумалъ, что, быть можетъ, на этотъ разъ его ожидаетъ большая удача чѣмъ прежде. Онъ пробрался къ ней поближе, болѣе того — отвлекъ ее отъ ея знакомыхъ и заманилъ въ уединенное мѣсто. Тамъ онъ страстно обнялъ ее; мать ухватилась за прекрасную цѣпь, но въ ту же минуту онъ упалъ и потянулъ мою мать съ собой на землю. Неизвѣстно, случился ли съ нимъ ударъ, или причина была другая, но довольно того, что онъ тутъ же умеръ. Тщетны были старанія моей матери высвободиться изъ застывшихъ въ предсмертной судорогѣ рукъ мертвеца. Устремивъ на нее пустой взглядъ потухшихъ глазъ, онъ катался съ нею по землѣ. Ея пронзительный крикъ о помощи донесся наконецъ до проходившихъ вдали. Они прибѣжали и высвободили ее изъ объятій страшнаго любовника. Мать моя тяжело заболѣла отъ ужаса. Считали, что и она и я погибли, но

она выздоровѣла, и роды были болѣе счастливые, чѣмъ можно было надѣяться. Но испугъ той страшной минуты отозвался и на мнѣ. Взошла моя несчастная звѣзда и зажгла искру, заронившую въ душу мою одну изъ самыхъ странныхъ и пагубныхъ страстей. Уже въ раннемъ дѣтствѣ я больше всего любилъ сверкающіе алмазы, золотыя украшенія. Это считали обыкновеннымъ дѣтскимъ увлеченіемъ. Но вскорѣ сказалось, что это нѣчто большее, такъ какъ мальчикомъ я кралъ золото и драгоценные камни, гдѣ только могъ достать ихъ. Я инстинктивно отличалъ, не хуже опытныхъ знатоковъ, настоящія драгоценности отъ поддѣльныхъ. Только настоящее притягивало меня, на поддѣльные камни и чеканное золото я не обращалъ вниманія. Отецъ жестоко наказывалъ меня, и это сдерживало мои наклонности. Но чтобы все-таки держать въ рукахъ золото и драгоценные камни, я сталъ изучать ювелирное дѣло, страстно отдался работѣ и вскорѣ сдѣлался первостепеннымъ мастеромъ. Но тогда наступила новая пора въ моей жизни: прирожденный инстинктъ, придушенный въ теченіи столь долгаго времени, теперь силой прорвался наружу и мощно разрослся, пожирая все вокругъ себя. Какъ только я заканчивалъ какой-нибудь заказъ и отдавалъ заказчику сдѣланную вещь, мною овладѣвало безпокойство и безутѣшность, лишавшія меня сна, здоровья — всякой жизненной энергіи. Точно при-

видѣніе стоялъ передъ моими глазами день и ночь тотъ, для кого я изготовилъ драгоцѣнность, и на немъ я видѣлъ свое издѣліе. И какой-то голосъ шепталъ мнѣ на ухо: „Это вѣдь твое — твое — возьми себѣ — на что драгоцѣнные камни мертвецу!“ Тогда я занялся воровствомъ. У меня былъ свободный доступъ въ дома высокопоставленныхъ лицъ. Я не упускалъ ни одного случая, ни одинъ замокъ не могъ противостоятъ моей ловкости, и въ самое короткое время драгоцѣнная вещь, сработанная мною, была снова въ моихъ рукахъ. Но потомъ и этого было мало чтобы разсѣять мою тревогу. Тотъ жуткій голосъ не смолкалъ. Онъ надсмѣхался надо мной и говорилъ: „Хо — хо, твои камни украшаютъ мертвеца!“ Я самъ не могу сказать, какъ это началось, но я сталъ питать невыразимую ненависть къ тѣмъ, для кого изготовлялъ драгоцѣнные украшения. Въ глубинѣ души зарождалось желаніе ихъ убить, и я самъ содрогался отъ этого чувства. Тогда какъ разъ я купилъ этотъ домъ. Я договорился съ прежнимъ владѣльцемъ, и мы сидѣли вотъ въ этой комнатѣ, довольные заключенной сдѣлкой и распивали бутылку вина. Наступилъ вечеръ, и я уже собирался уходить; тогда продавецъ дома сказалъ мнѣ: „Послушайте, мѣтръ Ренэ, прежде чѣмъ вы уйдете, я долженъ открыть вамъ одну тайну этого дома.“ Съ этими словами онъ открылъ вдѣланный въ стѣну шкафъ, раздвинулъ его заднюю стѣнку, всту-

пилъ въ маленькое помѣщеніе, наклонился и под-
нялъ подъемную дверь. Мы спустились внизъ по
крутой узкой лѣстницѣ, пришли къ маленькой
дверцѣ, которую онъ открылъ и вышли на откры-
тый дворъ. Тогда старикъ домовладѣлецъ подо-
шелъ къ стѣнѣ, двинулъ небольшой желѣзный вы-
ступъ, и кусокъ стѣны отодвинулся настолько,
что черезъ отверстіе можно было легко просколь-
знуть и выйти на улицу. Ты посмотри какъ ни-
будь на этотъ потайной ходъ. Его навѣрно постро-
или хитрые монахи монастыря, когда-то находив-
шагося здѣсь, чтобы тайкомъ выходить и возвра-
щаться сюда. Это кусокъ дерева, выштукатурен-
ный только снаружи; къ нему пригнана снаружи
статуя, тоже деревянная, но сдѣланная подъ ка-
мень. Кусокъ дерева поворачивается вмѣстѣ
со статуей на скрытыхъ шарнирахъ. — При ви-
дѣ остроумнаго сооруженія во мнѣ зашевелилось
смутное предчувствіе, что это подготовленіе къ
такимъ моимъ начинаніямъ, которыя еще пока тай-
на для меня самого. Только что передъ этимъ я
сдалъ одному придворному богатую брошь, пред-
назначенную — я это зналъ — для нѣкой опер-
ной пѣвицы. Смертельная пытка не миновала ме-
ня и на этотъ разъ: призракъ прилѣпился къ мо-
имъ пятамъ, нашептывающей дьяволь колдовалъ у
меня надъ ухомъ. Я поселился въ новомъ домѣ.
Покрываясь кровавымъ потомъ отъ ужаса, я во-
рочался на постели безъ сна. Мнѣ все предста-

влялось, какъ этотъ человѣкъ крадется къ танцовщицѣ съ моей брошью. Кипя отъ бѣшенства, я вскакиваю — набрасываю плащъ — спускаюсь по потайной лѣстницѣ — прямо черезъ стѣну на улицу Никэзъ. Онъ идетъ, я нападаю на него, онъ вскрикиваетъ, но я схватываю его сзади, ударяю кинжаломъ въ сердце; брошь снова въ моихъ рукахъ. — Свершивъ это, я чувствую успокоеніе, душа моя довольна какъ никогда. Призракъ исчезъ, голосъ Сатаны смолкъ. Я понялъ, чего требуетъ мой злой рокъ, и нужно было или повиноваться или погибнуть. Теперь ты понимаешь мой образъ дѣйствій, Оливье. Не думай, что дѣлая то, чего не могъ не дѣлать, я совершенно утратилъ присущее душѣ человѣческой чувство жалости. Ты знаешь, какъ мнѣ тяжело сдать взятый заказъ на драгоценные предметы. Ты знаешь, что я отказываюсь работать на многихъ, чьей смерти я не хочу. Иногда даже, зная, что на слѣдующій день меня вновь одолѣетъ призракъ, я ограничиваюсь сильнымъ ударомъ кулака, чтобы свалить на земь владѣльца моего сокровища и завладѣть камнями.“ Сказавъ все это, Кардильякъ повелъ меня въ потаенный покой и показалъ свое собраніе драгоценностей. Ни у одного короля нѣтъ болѣе богатой сокровищницы. На каждой вещи виситъ записочка, на которой точно обозначено, для кого эта вещь была сдѣлана и какъ она взята обратно, при посредствѣ ли кражи, грабежа или убійства.

„Въ день твоей свадьбы“, сказалъ Кардильякъ глухимъ, торжественнымъ голосомъ, „въ день твоей свадьбы ты поклянешься мнѣ священной клятвой, положивъ руку на образъ распятаго Христа, что какъ только я умру, ты превратишь всѣ эти богатства въ прахъ тѣми средствами, которыя я тебѣ укажу. Я не хочу, чтобы какое-либо живое существо, и всего менѣе Мадлонъ и ты, владѣли этимъ купленнымъ кровью сокровищемъ.“

Попавъ въ лабиринтъ преступлений, терзаемый любовью и отвращеніемъ, блаженствомъ и ужасомъ, я былъ подобенъ обреченнымъ, которыхъ нѣжный ангелъ манить съ кроткой улыбкой ввысь, въ то время какъ Сатана цѣпко держитъ ихъ въ раскаленныхъ когтяхъ. Манящая любовью улыбка ангела, отражая въ себѣ все блаженство высокихъ небесъ, становится для нихъ тягчайшей пыткой. Я подумывалъ о бѣгствѣ, даже о самоубійствѣ — но что случилось бы съ Мадлонъ. Судите меня, высокочтимая мадемуазель де Скюдери, за то, что у меня не было силъ подавить страсть, приковывавшую меня къ преступнику! Но вѣдь я плачусь за это позорнѣйшей смертью.

Однажды Кардильякъ пришелъ домой въ необычайно веселомъ настроеніи духа. Онъ обнялъ Мадлонъ, ласково кивнулъ мнѣ, выпилъ за обѣдомъ бутылку тонкаго вина, что съ нимъ случилось только въ большіе праздники или по како-

му нибудь особенно торжественному случаю, пѣль и былъ радостно настроенъ. Мадлонъ оставила насъ, я поднялся, чтобы пойти въ мастерскую. „Нѣтъ, оставайся со мной,“ сказалъ Кардильякъ, останавливая меня. „На сегодня работѣ конецъ. Выпьемъ еще за здоровье почтеннейшей, благороднѣйшей дамы во всемъ Парижѣ.“ Послѣ того какъ я чокнулся съ нимъ и онъ осушилъ полный стаканъ, онъ сказалъ: „Послушай, Оливье, какъ тебѣ нравятся вотъ эти стихи:

Un amant, qui craint les voleurs
n'est point digne de l'amour.

Онъ разсказалъ тогда о томъ, что произошло въ покояхъ Мэntenонъ между вами и королемъ и прибавилъ, что онъ васъ издавна почитаетъ выше всѣхъ людей на свѣтѣ. Вы преисполнены столь высокой душевной доблести, сказалъ онъ, что его несчастная звѣзда блѣднѣетъ передъ вами, и вы могли бы носить прекраснѣйшее изъ драгоценностей имъ изготовленныхъ, не пробуждая въ немъ мыслей объ убійствѣ. „Послушай, Оливье, что я рѣшилъ“, продолжалъ онъ. „Много времени тому назадъ мнѣ заказано было ожерелье и браслеты для Генріетты Англійской, и мнѣ же поручено было достать нужные для работы драгоценные камни. Работа мнѣ удалась лучше всѣхъ другихъ, но у меня разрывалась душа при мысли, что придется разстаться съ драгоценностью, сдѣлавшейся для меня сокровищемъ

сердца. Ты знаешь, что принцесса убита была предательской рукой. Ожерелье и браслеты остались у меня, и вотъ я хочу послать ихъ мадемуазель де Скъдери въ знакъ моего глубокаго преклоненія, моей благодарности отъ имени преслѣдуемой шайки. Кромѣ того, этотъ осязательный знакъ побѣды Скъдери будетъ заслуженной насмѣшкой надъ Дегрэ и его молодцами. Поручаю тебѣ снести ей брильянты“. Какъ только Кардильякъ назвалъ ваше имя, мнѣ показалось, точно отдернулись черные покровы, и передо мною развернулась прекрасная свѣтлая картина моего дѣтства, сіяя пестрыми, яркими красками. Дивное успокоеніе проникло въ мою душу; меня осѣнилъ лучъ надежды, прогнавшій духовъ тьмы. Кардильякъ видимо замѣтилъ какое впечатлѣніе на меня произвели его слова и объяснилъ это по своему. „Повидимому тебѣ нравится мое рѣшеніе“, сказалъ онъ. „Я долженъ сознаться, что мнѣ приказываетъ такъ поступить глубокій внутренній голосъ, очень противоположный тому, который требуетъ кровавыхъ жертвъ точно ненасытный дикій звѣрь. Иногда душу мою властно охватываетъ странное чувство — внутренняя тревога, страхъ передъ чѣмъ то ужаснымъ, вѣющимъ на меня изъ далекаго потусторонняго міра. Мнѣ тогда даже кажется точно то, что моя злосчастная звѣзда творить черезъ меня, не падеть виной на мою безсмертную душу, непричастную къ этому. Въ та-

комъ настроеніи я рѣшилъ сработать прекрасный вѣнецъ изъ брильянтовъ для пресвятой Дѣвы въ церкви святого Евстахія. Но непонятный страхъ еще сильнѣе охватилъ меня, какъ только я принялся за работу, и я поэтому оставилъ ее. Теперь же у меня на душѣ такое чувство, точно я смиренно приношу жертву воплощенной душевной доблести и благочестію, и вымаливаю себѣ вѣрное заступничество, посылая Скюдери самую драгоценную вещь, когда либо сработанную мною“. Кардильякъ, въ точности знакомый съ вашимъ образомъ жизни, указалъ мнѣ какъ и когда, въ которомъ часу, отнести вамъ драгоценности, сложенные въ ловко прилаженную шкатулку. Все мое существо преисполнилось восторгомъ: само небо указало мнѣ черезъ преступнаго Кардильяка какъ выйти изъ ада, въ которомъ я томился точно отверженный грѣшникъ. Такъ я тогда думалъ. Совершенно не сообразуясь съ волей Кардильяка, я хотѣлъ проникнуть къ вамъ. Я мечталъ о томъ, что брошусь къ вашимъ ногамъ, признаюсь, что я сынъ Анны и вашъ питомецъ и все вамъ открою. Вы бы сами поняли, что нельзя разоблачать Кардильяка, чтобы не повергнуть въ невыразимое горе его дочь. Вы сохранили бы тайну Мадлонъ, но вашъ высокій проницательный умъ нашель бы средство обезвредить адскія злоумышленія Кардильяка, не разоблачая его. Не спрашивайте меня, въ чемъ эти средства. Я не

знаю. Но что вы спасете меня и Мадлонъ — это убѣжденіе такъ же твердо коренилось въ моей душѣ, какъ вѣра въ спасительную помощь Пресвятой Дѣвы. Вы знаете, что мой планъ проникнуть къ вамъ въ ту ночь не удался, но я не терялъ надежды, что буду счастливѣе въ другой разъ. Но вскорѣ Кардильякъ вдругъ загрустилъ. Онъ ходилъ хмурый, глядѣлъ недвижно передъ собой, бормоталъ непонятныя слова, размахивалъ руками, точно отгоняя отъ себя что то враждебное. Духъ его видимо мучили недобрыя мысли. Такъ онъ велъ себя однажды цѣлое утро. Наконецъ, онъ сѣлъ къ рабочему станку, потомъ сердито вскочилъ, выглянулъ изъ окна и сказалъ съ мрачнымъ видомъ: „А все-таки я жалѣю, что мое ожерелье и браслеты не достались Генріэттѣ Англійской.“ Эти слова привели меня въ ужась. Я понялъ, что его затуманенный духъ вновь во власти кроваваго призрака, что голосъ дьявола вновь раздастся надъ его ухомъ. Я понималъ, что вашей жизни грозитъ опасность отъ дьявольскаго убійцы. Нужно было такъ устроить, чтобы Кардильякъ получилъ обратно свои драгоценныя камни — этимъ ваша жизнь была бы спасена. Я встрѣтилъ васъ въ то время на Понтневѣ, протиснулся къ вашей коляскѣ и бросилъ вамъ записку, заклиная васъ сейчасъ же передать Кардильяку полученныя вами драгоценности. Вы не приходили. Страхъ мой дошелъ до отчаянія, ког-

да на слѣдующій день Кардильякъ все время неустанно говорилъ о дивныхъ брильянтахъ, которые мерещились ему всю ночь. Я видѣлъ въ этомъ прямой намекъ на ваши драгоценности и былъ увѣренъ, что Кардильякъ замышляетъ убійство и навѣрно уже думаетъ выполнить свой планъ въ ту же ночь. Я рѣшилъ, что долженъ спасти васъ — хотя бы это стоило жизни Кардильяка. Какъ только Кардильякъ по обыкновенію заперся у себя послѣ вечерней молитвы, я вылѣзъ черезъ окно на дворъ, пробрался черезъ отверстіе въ стѣнѣ на улицу и притаился въ глубокой тѣни. Короткое время спустя Кардильякъ вышелъ изъ дому и пошелъ тихими шагами внизъ по улицѣ. Я пошелъ за нимъ. Онъ направился къ улицѣ Сентъ Онорэ; у меня забилося сердце. Кардильякъ вдругъ исчезъ у меня изъ виду. Я рѣшилъ тогда стать на стражѣ у вашихъ дверей. Вдругъ, какъ въ тотъ разъ, когда случай сдѣлалъ меня свидѣтелемъ злодѣйства Кардильяка, мимо меня прошелъ офицеръ, весело напѣвая пѣсню. И въ ту же минуту выскочила откуда то изъ засады темная фигура и напала на него. Это былъ Кардильякъ. На этотъ разъ я хотѣлъ предотвратить убійство, и съ громкимъ крикомъ очутился въ два три прыжка около нихъ. Не офицеръ — а Кардильякъ падаетъ въ эту минуту на землю, сраженный противникомъ. Офицеръ бросаетъ кинжалъ, выхватываетъ шпагу изъ ноженъ и, считая меня со-

общникомъ убійцы, воинственно наступаетъ на меня. Но затѣмъ быстро убѣгаетъ, видя, что я не гляжу на него и наклонился надъ раненымъ. Кардильякъ еще дышалъ. Я спряталъ кинжалъ, брошенный офицеромъ, взялъ Кардильяка на плечи и потащилъ его — это было очень тяжело — домой и черезъ потайной ходъ въ мастерскую. Все дальнѣйшее вы знаете. Вы видите такимъ образомъ, почтеннейшая мадемуазель, де Скюдери: единственное мое преступленіе заключается въ томъ, что я не выдалъ суду отца Мадлонъ и тѣмъ самымъ не помогъ положить предѣлъ его злодѣянιάмъ. Но я не проливалъ крови. Никакая пытка не вынудить у меня тайну злодѣйствъ Кардильяка. Я не хочу, чтобы наперекоръ высшей волѣ, скрывшей отъ безпорочной дочери страшныя злодѣянія ея отца, на нее обрушился убійственнымъ ударомъ весь ужасъ минувшихъ лѣтъ, всего ея существованія. Я не хочу, чтобы земная месть вырыла трупъ изъ покрывавшей его земли, чтобы палачъ клеймилъ позоромъ истлѣвшій прахъ. Нѣтъ! Возлюбленная моей души будетъ оплакивать меня, зная что я погибъ безъ вины; время смягчить ея горе. Но еслибы узнала она объ адскихъ преступленіяхъ любимаго отца, и отчаяніе ея было бы безъисходно.“

Оливье кончилъ. Изъ глазъ его хлынулъ потокъ слезъ. Онъ бросился къ ногамъ Скюдери

и сталъ ее молить: „Вы теперъ убѣдились, что я невиновень — вѣдь вы мнѣ вѣрите? — такъ сжальтесь надо мной и скажите, что съ Мадлонъ“. Скюдери позвала Мартиньеръ, и черезъ нѣскольکو минутъ Мадлонъ бросилась на шею Оливье. „Ты здѣсь — значить все хорошо. Я знала, что великодушная мадемуазель де Скюдери спасеть тебя!“ Слова эти Мадлонъ повторила нѣскольکو разъ, и Оливье забылъ о своей судьбѣ, о томъ, что грозило ему. Онъ былъ свободень и счастливъ. Они трогательно жаловались другъ другу, говорили о томъ, какъ страдали другъ изъ-за друга, обнимались и плакали отъ счастья, что судьба ихъ вновь соединила.

Если бы Скюдери не была заранѣе убѣжденна въ невинности Оливье, то повѣрила бы въ нее, глядя на нихъ обоихъ: охваченные блаженствомъ глубокой любви, они забыли весь міръ, забыли свое собственное несчастіе и несказанныя страданія. „Нѣтъ“, воскликнула она, „лишь чистое сердце способно на такое забвеніе всего окружающаго.“

Лучи утренняго свѣта проникли въ окно. Дегрэ тихонько постучалъ въ дверь и напомнилъ, что пора увести Брюсона. „Позже“, сказала онъ, „трудно будетъ сдѣлать это незамѣтнымъ образомъ.“ Любящимъ пришлось разойтись.

Темныя предчувствія, охватившія душу Скюдери съ перваго появленія Брюсона у нея въ домъ, оправдались самымъ страшнымъ образомъ.

Сынъ ея любимой Анны невиннымъ образомъ запутался въ сѣти — такъ запутался, что почти немислимо было спасти его отъ позорной смерти. Она преклонялась передъ геройствомъ юноши: онъ предпочиталъ умереть заподозрѣннымъ въ преступленіи, лишь бы не выдать тайну, которая сразитъ на смерть его Мадлонъ. Въ предѣлахъ возможнаго Скюдери не видѣла средства вырвать несчастнаго изъ рукъ жестокихъ судей. И все же въ душѣ у нея созрѣло непоколебимое рѣшеніе: она не остановится ни передъ какой жертвой, чтобы предотвратить возмутительнѣйшую несправедливость. Она мучилась, изобрѣтая всяческіе планы; но они доходили до полной фантастичности, и она отказывалась отъ нихъ такъ же быстро, какъ ихъ создавала. Все болѣе исчезалъ всякій лучъ надежды, и она приходила въ полное отчаяніе. Но непосредственное набожно дѣтское довѣріе Мадлонъ, восторженность, съ которой она говорила о своемъ возлюбленномъ, о томъ, что онъ скоро будетъ оправданъ отъ всякой вины и обниметь ее, ставъ ея супругомъ, до глубины души трогало Скюдери и поднимало ея духъ.

Чтобы наконецъ что нибудь предпринять, Скюдери написала длинное письмо Ла Реньи. Она сообщила ему, что Оливье Брюсонъ доказалъ ей самымъ достовѣрнымъ образомъ свою полную непричастность къ убійству Кардильяка. Только геройское рѣшеніе — писала она — унести въ

могилу тайну, раскрытіе которой можетъ стать роковымъ для безпорочной добродѣтели, удерживаетъ его отъ полнаго признанія судьямъ. Его исповѣдь сняла бы съ него страшное подозрѣніе не только въ убійствѣ Кардильяка, но и въ принадлежности къ гнусной шайкѣ убійць. Скюдери вложила въ свое письмо все, чѣмъ только пламенная настойчивость и высокое краснорѣчіе могли бы смягчить жестокое сердце Ла Реньи. Черезъ нѣсколько часовъ пришелъ отвѣтъ Ла Реньи. Онъ выражалъ свою сердечную радость по поводу того, что Оливье Брюсону удалось вполнѣ оправдаться передъ своей высокой, достойнѣйшей покровительницей. Что же касается геройскаго рѣшенія Оливье унести въ могилу тайну, относящуюся къ этому дѣлу, то къ сожалѣнію Стамбре Argente не можетъ чтить такую тайну, а напротивъ того вынуждена прибѣгнуть къ самымъ рѣшительнымъ мѣрамъ, чтобы воспротивиться такому героизму. Онъ выразилъ затѣмъ надежду, что черезъ три дня овладѣетъ той странной тайной, которая вѣроятно обнаружитъ свершившіяся чудеса.

Скюдери слишкомъ хорошо знала, что понимаетъ ужасный Ла Реньи подъ средствами, которыя разобьютъ героизмъ. Несомнѣнно, что несчастнаго хотятъ подвергнуть пыткамъ. На смерть испуганной Скюдери пришло, наконецъ, въ голову, что нужно обратиться къ помощи какого нибудь юриста — хотя бы для того, чтобы добиться

отсрочки. Въ то время самымъ знаменитымъ адвокатомъ въ Парижѣ былъ Пьеръ Арно д'Андильи. Его обширныя знанія и высокій умъ равнялись его честности и добродѣтели. Къ нему направилась Скюдери и рассказала ему все, настолько это возможно было сдѣлать, не нарушая тайну Брюсона. Она думала, что д'Андильи ревностно возьмется за оправданіе невинно обвиненнаго, но ея надежда была горько обманута. Д'Андильи спокойно все выслушалъ и отвѣтилъ затѣмъ съ улыбкой словами Буало: „Правда иногда не правдоподобна.“ Онъ доказалъ Скюдери, что противъ Брюсона говорятъ очень поразительныя подтвержденія вызванныхъ имъ подозрѣній, сказалъ, что образъ дѣйствія Ла Реньи никакъ нельзя назвать жестокимъ и поспѣшнымъ. Напротивъ того, онъ дѣйствуетъ вполне законно, и не могъ бы иначе поступать, не нарушая обязанностей судьи. Что касается его, д'Андильи, то онъ не могъ бы самой умѣлой защитой уберечь Брюсона отъ пытки. Только самъ Брюсонъ могъ бы спасти себя или посредствомъ чистосердечнаго признанія или же рассказавъ въ точности всѣ обстоятельства убійства Кардильяка. Это, быть можетъ, дало бы поводъ къ новымъ разслѣдованіямъ. „Въ такомъ случаѣ я брошусь къ ногамъ короля и буду молить его о прощеніи“, сказала Скюдери совершенно внѣ себя, и голосъ ея душили слезы. „Не дѣлайте этого, ради Бога, не дѣлайте!“

воскликнулъ д'Андильи. Оставьте про запасъ это послѣднее средство; если оно одинъ разъ не удастся, то будетъ ужъ навсегда для васъ потеряно. Король никогда не помиуетъ такого преступника: ему бы этого не простило оскорбленное чувство народа. Возможно, что Брюсону удастся или раскрытіемъ своей тайны или другими средствами разсѣять выставленное противъ него подозрѣніе. Вотъ тогда вамъ нужно будетъ просить милости короля, и онъ не станетъ спрашивать что было доказано или не доказано на судѣ, а будетъ сообразоваться только со своимъ внутреннимъ убѣжденіемъ.“ Скюдери вынуждена была согласиться съ такимъ опытнымъ въ судейскихъ дѣлахъ человѣкомъ какъ д'Андильи. Погруженная въ глубокую печаль, неустанно думая о томъ, что ей предпринять, во имя Пресвятой Дѣвы и всѣхъ остальныхъ святыхъ, чтобы спасти несчастнаго Брюсона, сидѣла она однажды поздно вечеромъ у себя въ комнатѣ. Вдругъ вошла Мартиньеръ и доложила, что графъ Міосансъ, полковникъ королевской гвардіи, проситъ принять его по настоящему дѣлу.

„Простите“, сказала Міосансъ, и поклонился ей съ военной учтивостью, „простите, что пришелъ къ вамъ въ такой неподходящей часъ. Такова наша солдатская привычка, и къ тому же извиненіемъ мнѣ послужатъ два слова. Меня привелъ къ вамъ Оливье Брюсонъ.“ Скюдери, въ

высшей степени заинтересованная тѣмъ, что ей предстояло услышать, громко воскликнула: „Оливье Брюсонъ? Несчастнѣйшій изъ людей? Что у васъ съ нимъ общаго?“ — „Ну вотъ, я такъ и зналъ,“ продолжалъ съ улыбкой Миосансъ, „что достаточно будетъ произнести имя вашего лѣсбимца, чтобы привлечь ваше вниманіе. Весь свѣтъ убѣжденъ въ виновности Брюсона. Я знаю, что вы другого мнѣнія; но, какъ я слышала, оно основано только на увѣреніяхъ обвиняемаго. Про себя же я могу сказать совсѣмъ другое. Никто не можетъ быть болѣе убѣжденъ чѣмъ я — въ томъ, что Брюсонъ непричастенъ къ убійству Кардильяка.“ „Говорите же, говорите!“ воскликнула Скюдери, и глаза ея засверкали отъ радости. „Это я“, сказалъ Миосансъ твердымъ голосомъ, „это я закололъ стараго ювелира на улицѣ Сентъ Онорэ, по близости отъ вашего дома.“ „Силы небесныя, это были вы — вы!“ воскликнула Скюдери. „И могу вамъ поклясться, сударыня,“ продолжалъ Миосансъ, „что горжусь своимъ поступкомъ. Знайте, что Кардильякъ гнуснѣйшій, лицемѣрнѣйшій злодѣй, что это онъ предательски убивалъ и грабилъ по ночамъ и такъ долго ускользалъ отъ возмездія. Я самъ не знаю, какъ это у меня возникло въ душѣ подозрѣніе противъ стараго злодѣя, когда онъ принесъ заказанный мною драгоцѣнный уборъ. Онъ былъ явно взволнованъ, точно освѣдомился, для кого предназначенъ драгоцѣнный подарокъ, и

необыкновенно хитро разспрашивалъ моего камердинера, въ какое время, я навѣщаю одну особу. Я уже давно обратилъ вниманіе на то обстоятельство, что всѣ несчастныя жертвы гнуснѣйшаго грабителя носили на тѣлѣ совершенно одинаковую у всѣхъ смертельную рану. Очевидно убійца наострился въ искусствѣ наносить опредѣленный ударъ, который долженъ убивать сразу, и рассчитывалъ на неизмѣнную удачу своего приѣма. Не удайся ему первый ударъ — и должна начаться борьба на равныхъ условіяхъ. Ввиду этого я принялъ простую мѣру предосторожности — до того простую, что не понимаю, какъ и другіе давно уже до этого не додумались и не спаслись отъ грозившаго имъ убійства. Я носилъ на груди подъ жилетомъ легкій панцырь. Кардильякъ напалъ сзади. Онъ обхватилъ меня съ исполинской силой, но твердо нанесенный ударъ скользнулъ по желѣзу. Въ то же мгновеніе я вырвался изъ его рукъ и ударилъ его въ грудь кинжаломъ, который держалъ наготовѣ.“ „И вы молчите объ этомъ?“ спросила Скюдери. „Вы не сообщаете суду о томъ, что произошло?“ „Простите“, продолжалъ Міосансъ, „позвольте вамъ замѣтить, мадемуазель, что мое донесеніе если бы и не погубило меня, то во всякомъ случаѣ втянуло въ ужасный процессъ. Развѣ Ла Реньи, который видитъ всюду преступленія, повѣрилъ бы мнѣ, если бы я обвинилъ въ покушеніи на убійство честнаго Кардильяка —

слывшаго образцомъ благочестія и добродѣтели? Что если мечъ правосудія обернулся бы остриемъ противъ меня?“ — „Это недопустимо!“ воскликнула Скюдери, „Ваша принадлежность къ высокому роду — ваше общественное положеніе —.“ „Вспомните маршала Люксембургскаго“, возразилъ Міосансъ: „его заподозрили въ изготовленіи ядовъ и посадили въ Бастилію только потому, что у него явилась фантазія заказать свой гороскопъ Лесажу. Нѣтъ, клянусь святымъ Діонисіемъ, я не желаю рисковать ни часомъ свободы, ни кончикомъ уха, вступая въ сношенія съ бѣшеннымъ Ла Реньи. Онъ вѣдь радъ приставить ножъ къ горлу каждому изъ насъ.“ Но вѣдь вы толкаете на плаху невиннаго Брюсона“, сказала, перерывая его, Скюдери. „Невиннаго?“ отвѣтилъ Міосансъ. „Вы называете невиннымъ сообщника безбожнаго Кардильяка? Того, кто помогаль ему въ его преступленіяхъ? Да вѣдь онъ сто разъ заслужилъ казнь. Нѣтъ, ужъ его то кровь прольется по справедливости. Я открыль истину вамъ, почтеннѣйшая мадемуазель де Скюдери, лишь въ томъ предположеніи, что вы, не выдавая меня *Chambre Ardente*, сумѣете использовать мою тайну на пользу защищаемаго вами Брюсона.“

Скюдери была счастлива, что ея увѣренность въ правотѣ Брюсона подтвердилась такимъ рѣшительнымъ образомъ. Она безъ колебанія открыла всю правду графу, который и безъ того

зналъ о преступленіяхъ Кардильяка, и попросила его отправиться вмѣстѣ съ нею къ д'Андильи. Необходимо было довериться именно ему, чтобы онъ далъ совѣтъ, какъ дѣйствовать дальше.

Скюдери рассказала все въ точности д'Андильи, и онъ еще разъ распросилъ обо всѣхъ мельчайшихъ обстоятельствахъ дѣла. Онъ въ особенности освѣдомился у графа Миосанса, твердо ли онъ увѣренъ въ томъ, что на него напалъ Кардильякъ, и можетъ ли онъ опознать Брюсона какъ человѣка, который унесъ трупъ. „Помимо того“, отвѣтилъ Миосансъ, „что я сразу узналъ лицо ювелира при лунномъ свѣтѣ, я еще видѣлъ потомъ у Ла Реньи кинжалъ, которымъ былъ убитъ Кардильякъ. Это мой кинжалъ, я его узналъ по изящной отдѣлкѣ рукоятки. Юношу я бы вѣроятно опозналъ, такъ какъ стоялъ въ двухъ шагахъ отъ него и видѣлъ его лицо — у него упала шляпа съ головы.“

Д'Андильи подумалъ, поглядѣлъ молча нѣсколько мгновений передъ собой, и затѣмъ сказалъ: „Обычнымъ путемъ Брюсона невозможно вырвать изъ рукъ правосудія. Онъ изъ-за Мадлонъ не хочетъ открыть, что Кардильякъ былъ грабителемъ и убійцей. И даже лучше, чтобы онъ этого не открывалъ: если бы ему даже удалось подкрѣпить свое утвержденіе, обнаруживъ потайной ходъ и показавъ скопленные сокровища Кардильяка, все

же ему, какъ сообщнику злодѣя, грозить неминуемая казнь. То же самое произойдетъ и въ томъ случаѣ, если графъ Міосансъ расскажетъ судьямъ, какъ въ дѣйствительности все было. Единственно, о чемъ нужно хлопотать, это объ отсрочкѣ. Графъ Міосансъ пусть отправится въ Консьержери, пусть потребуетъ, чтобы ему привели Брюсона, и признаетъ въ немъ человѣка, который унесъ трупъ Кардильяка. Затѣмъ пусть онъ немедленно отправится къ Ла Реньи и скажетъ ему: „При мнѣ на улицѣ Сентъ Онорэ закололи человѣка. Я стоялъ подлѣ убитаго, когда подбѣжалъ другой человѣкъ, наклонился надъ трупомъ и, видя въ немъ еще признаки жизни, взвалилъ его себѣ на плечи и унесъ. Въ Оливье Брюсонѣ я узналъ этого человека. Показаніе графа поведетъ къ новому допросу Брюсона, затѣмъ сдѣлаютъ очную ставку подсудимаго съ графомъ Міосансомъ. Словомъ вопросъ о пыткѣ будетъ отложенъ и начнутся дальнѣйшія разслѣдованія. Тогда то нужно будетъ обратиться лично къ королю. Дѣло вашей находчивости, мадемуазель де Скюдери, сдѣлать это по возможности умѣлымъ образомъ. Я считаю, что лучше всего открыть королю всю тайну. Показаніе графа Міосанса подтверждаетъ признанія Брюсона. Тайный обыскъ въ домѣ Кардильяка тоже дастъ вѣроятно матеріаль, подтверждающій его слова. Все это не приведетъ къ оправданію по суду, но

основанное на внутреннемъ чувствѣ рѣшеніе короля, что слѣдуетъ противопоставить помилованіе карательному приговору суда, можетъ быть спасти Брюсона.“ — Графъ Міосансъ въ точности это выполнилъ, и все произошло какъ предвидѣлъ д'Андильи.

Оставалось главное: обратиться къ королю. Это было самое трудное. Король питалъ великое отвращеніе къ Брюсону, считая его единственнымъ виновникомъ грабежей и убійствъ, державшихъ въ страхѣ и ужасѣ весь Парижъ. При одномъ упоминаніи о занимавшемъ всѣхъ процессѣ онъ приходилъ въ ярость. Мэntenонъ, вѣрная своему правилу — никогда не говорить ни о чемъ неприятномъ королю — отказалась отъ всякаго посредничества, и судьба Брюсона была всецѣло въ рукахъ самой Скюдери. Послѣ долгихъ размышленій она сразу приняла рѣшеніе, столь же быстро осуществила его. Она облеклась въ пышное черное платье изъ тяжелаго шелка, надѣла драгоцѣнное ожерелье и браслеты Кардильяка, покрыла голову длинной черной вуалью и появилась въ такомъ видѣ въ покояхъ Мэntenонъ, въ тотъ часъ, когда тамъ находился король. Благородный обликъ почтенной старой дамы, столь торжественно одѣтой, былъ преисполненъ величія. Онъ вызывалъ глубокое почтеніе даже у легкомысленной толпы, которая наполняетъ пріемныя своей мелкой пустой суетой и не останавливаетъ

ни на чемъ серьезнаго вниманія. Всѣ разступились передъ нею, и когда она вошла, самъ король поднялся изумленный съ мѣста и пошелъ ей на встрѣчу. При видѣ сверкающихъ на ней дивныхъ камней онъ воскликнулъ: „Да вѣдь это драгоценный уборъ работы Кардильяка.“ И, обращаясь къ Мэntenонъ, онъ прибавилъ съ граціозной улыбкой: „Посмотрите, маркиза, какъ наша прекрасная невѣста оплакиваетъ своего жениха.“ „Что вы, Sige!“ отвѣтила Скюдери, отвѣчая въ тонъ на его шутку, „развѣ преисполненной скорбью невѣстѣ пришло бы въ голову такъ пышно нарядиться? Нѣтъ, я откинула всѣ помыслы о Кардильякѣ, бы совсѣмъ о немъ забыла, если бы иногда не вспоминалась ужасная картина, когда его трупъ пронесли мимо меня.“ — „Какъ, вы его видѣли, несчастнаго?“ воскликнулъ король. Скюдери рассказала тогда въ краткихъ словахъ, какъ случай (она еще не упомянула о вмѣшательствѣ Брюсона) привелъ ее къ дому Кардильяка какъ разъ въ ту минуту, когда обнаружилось убійство. Она изобразила безумное горе Мадлонъ, глубокое впечатлѣніе, которое произвело на нее ангельское дитя, рассказала, какъ она при ликованіи толпы спасла несчастную изъ рукъ Дегрэ. Затѣмъ она перешла къ все болѣе и болѣе захватывающимъ сценамъ съ Ла Реньи, Дегрэ — съ самимъ Оливье Брюсономъ. Король, увлеченный силой живой жизненной правды, пламенѣвшей въ передачѣ Скюдери,

не замѣтилъ, что рѣчь идетъ о гнусномъ процессѣ ненавистнаго ему Брюсона. Онъ не въ силахъ былъ выговорить ни слова, и только отъ времени до времени облегчалъ свои взволнованныя чувства восклицаніями. Прежде чѣмъ онъ смогъ опомниться отъ неслыханныхъ ужасовъ, о которыхъ узналъ, прежде чѣмъ успѣлъ что либо сообразить, Скюдери уже была у его ногъ и молила о пощадѣ Оливье Брюсона. „Что вы дѣлаете?“ воскликнулъ король, поднимая ее обѣими руками и усаживая въ кресло. „Вы страннымъ образомъ захватили меня въ расплохъ. Что за ужасная исторія! Кто поручится мнѣ за правду фантастической повѣсти Брюсона?“ „Показаніе Міосанса“, быстро отвѣтила ему Скюдери, „обыскъ въ домѣ Кардильяка — внутреннее убѣжденіе и чистое сердце Мадлонъ, которая чутко угадала такую же какъ ея собственная непорочность Брюсона.“ Король хотѣлъ ей что то отвѣтить, но услышавъ шумъ у дверей, обернулся. Въ комнату заглянулъ съ озабоченнымъ видомъ Лувуа, работавшій въ сосѣдней комнатѣ. Король всталъ и вышелъ изъ комнаты, слѣдуя за Лувуа. Обѣ, Скюдери и Мэнтенонъ, увидѣли большую опасность въ томъ, что разговоръ такъ неожиданно прервался. Застигнутый въ расплохъ одинъ разъ, король постарается не попасть вторично въ западню. Однако король вернулся черезъ нѣсколько минутъ, быстро прошелся по комнатѣ, заложивъ руки за спину, по-

томъ подошеть вплотную къ Скюдери и тихо проговориль, не глядя на нее: „Я бы хотѣль взглянуть на вашу Мадлонъ.“ „О, Sire!“ воскликнула Скюдери, „какого высокаго — высокаго счастья вы удостоиваете бѣднсе несчастное дитя! Достаточно вашего знака — бѣдная дѣвочка будетъ сейчасъ у вашихъ ногъ.“ И она побѣжала маленькими шажками такъ быстро, какъ позволяло тяжелое платье, къ двери и крикнула, что король приказываетъ допустить къ нему Мадлонъ Кардильякъ. Затѣмъ она вернулась и плакала, рыдала отъ радости и волненія. Скюдери предъугадала такую милость со стороны короля и поэтому привела съ собою Мадлонъ. Дѣвушка ждала, оставленная на попеченіе камеристки Скюдери. Она держала въ рукахъ краткое прошеніе, составленное для нея д'Андильи. Черезъ нѣсколько минутъ она упала къ ногамъ короля и не въ силахъ была вымолвить слово. Отъ страха — изумленія — робкаго преклоненія — отъ любви и скорби кровь все быстрѣе кипѣла въ ея жилахъ. Щеки ея горѣли, глаза блестѣли отъ свѣтлыхъ жемчужныхъ слезъ, капавшихъ сквозь шелковыя рѣсницы на лилейную грудь. Король былъ видимо пораженъ изумительной красотой ея ангельскаго юнаго лица. Онъ мягко поднялъ дѣвушку съ колѣнъ, сдѣлалъ движеніе, точно хотѣль поцѣловать ея руку, но отпустилъ ее и взглянулъ на прелестнсе дитя затуманеннымъ слезами, глу-

боко растроганнымъ взоромъ. Мэntenонъ въ это время тихо шепнула Скюдери: „Неправда-ли, эта дѣвочка удивительно похожа на Лавальеръ?“ Король погрузился въ сладостныя воспоминанія. „Ваше дѣло выиграно.“ Мэntenонъ сказала это очень тихо, но король видимо услышалъ ея слова. По лицу его пробѣжала краска, взгляды скользнулъ мимо Мэntenонъ, онъ прочелъ прошеніе, которое ему подала Мадлонъ и сказалъ ей мягко и ласково: „Я вѣрю, что ты, милое мое дитя, убѣждена въ невинности твоего возлюбленнаго, но послушаемъ, что скажетъ *Chambre Ardente*.“ Онъ мягкимъ движеніемъ руки простился съ дѣвушкой, которая заливалась слезами. Скюдери увидѣла къ ужасу своему, что воспоминаніе о Лавальеръ, — а оно казалось сначала такимъ благопріятнымъ — измѣнило настроеніе короля, какъ только Мэntenонъ назвала это имя. Возможно, что королю непріятно было неделикатное напоминаніе, что онъ будто готовъ принести строгую справедливость въ жертву красотѣ. Или, быть можетъ, онъ очутился въ положеніи спящаго, котораго пробудили отъ сна рѣзкимъ окликомъ: волшебные образы, которые онъ мнилъ обнять, быстро разсѣялись. Быть можетъ онъ уже не видѣлъ передъ собою духовнымъ окомъ свою Лавальеръ, а думалъ о *sœur Louise de la Misericorde* (таково было имя, принятое Лавальеръ въ монастырѣ кармелитокъ), которая мучила его своей набожностью и покаяніемъ. Остара-

лось спокойно выждать дальнѣйшія рѣшенія короля.

Тѣмъ временемъ узнали о показаніи графа Міосанса передъ *Chambre Ardente*. И такъ какъ люди часто переходятъ отъ одной крайности къ другой, то человѣка, котораго проклинали какъ безбожнѣйшаго убійцу и готовы были растерзать, всѣ теперь стали оплакивать — еще прежде чѣмъ онъ взошелъ на плаху — какъ невинную жертву варварскаго суда. Теперь только сосѣди стали вспоминать его безукоризненный образъ жизни, его великую любовь къ Мадлонъ, вѣрность, преданность душой и тѣломъ, которую онъ проявлялъ по отношенію къ старому золотыхъ дѣлъ мастеру. Цѣлыя толпы появлялись передъ дворцомъ Ла Реньи и кричали ему съ угрожающимъ видомъ: „Выдай намъ Оливье Брюсона; онъ невиновенъ!“ бросали камни въ окна, и случалось, что Ла Реньи вынужденъ былъ обратиться къ жандармеріи, прося защиты противъ озлобленной черни.

Прошло нѣсколько дней. Скюдери ничего не могла узнать о процессѣ Брюсона и отправилась въ полномъ отчаяніи къ Мэntenонъ; но та увѣряла, что король не говоритъ объ этомъ дѣлѣ, и она не совѣтуетъ напоминать ему о Брюсонѣ. Затѣмъ Мэntenонъ, странно улыбаясь, освѣдомилась, какъ поживаетъ маленькая Лавальеръ, и Скюдери поняла, что въ душѣ этой гордой женщины шевелится досада. Ей непріятно было, что впечатли-

тельнаго короля заманили въ область чувствъ, чары которыхъ ей недоступны. На Мэntenонъ такимъ образомъ нечего было рассчитывать.

Наконецъ, съ помощью д'Андильи Скъюдери удалось вывѣдать, что у короля была длинная тайная бесѣда съ графомъ Міосансомъ. Затѣмъ она узнала, что Бонтанъ, камердинеръ короля и его довѣренный по личнымъ дѣламъ, былъ въ Консьержери и говорилъ съ Брюсономъ, а также что однажды ночью Бонтонъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ людей отправился въ домъ Кардильяка и пробылъ тамъ довольно долго. Клодъ Патрю, жилецъ нижняго этажа, увѣрялъ, что всю ночь очень шумѣли у него надъ головой, и навѣрное, въ числѣ прочихъ, тамъ былъ также Оливье. Очевидно король приказалъ разслѣдовать, какъ въ дѣйствительности все обстояло. Непостижимо было только почему, судъ медлилъ приговоромъ. Ла Реньи навѣрно прилагалъ всѣ усилія, чтобы задержать зубами жертву, которую хотѣли у него вырвать. Это убивало въ зародышѣ всякую надежду.

Прошло около мѣсяца, какъ вдругъ Мэntenонъ послала сказать Скъюдери, что король желаетъ видѣть ее сегодня въ ея — Мэntenонъ — покояхъ.

У Скъюдери сильно забилось сердце; она знала, что рѣшается дѣло Брюсона. Она сказала объ этомъ бѣдной Мадлонъ, которая горячо молилась Пресвятой Дѣвѣ и всѣмъ святымъ, чтобы они про-

будили въ душѣ короля убѣжденіе въ невинности Брюсона.

И все же казалось, что король обо всемъ забылъ: какъ всегда онъ велъ пріятные разговоры съ Мэntenонъ и Скюдери, но не вспоминалъ ни словомъ о бѣдномъ Брюсонѣ. Наконецъ, явился Бонтанъ, подошелъ къ королю и сказалъ ему нѣсколько словъ такъ тихо, что обѣ дамы ничего не поняли. Скюдери внутренно содрогнулась. Вдругъ король всталъ, подошелъ къ Скюдери и сказалъ, глядя на нее сіяющимъ взоромъ: „Поздравляю васъ, мадемуазель де Скюдери. Вашъ Оливье Брюсонъ на свободѣ.“ У Скюдери хлынули слезы изъ глазъ, она не въ силахъ была выговорить ни слова и хотѣла броситься къ ногамъ короля. Но онъ удержалъ ее и сказалъ: „Что вы, что вы! Вамъ слѣдуетъ быть парламентскимъ адвокатомъ и выступать защитникомъ въ тяжбахъ. Противъ вашего краснорѣчія, клянусь Діонисомъ, никто не устоитъ. Но, все же“, прибавилъ онъ серьезнымъ тономъ, „тому, кого защищаетъ сама добродѣтель, нечего опасаться никакихъ злостныхъ обвиненій со стороны *Chambre Ardente* и всѣхъ судовъ на свѣтѣ.“ Скюдери, оправившись, стала въ пламенныхъ выраженіяхъ изливать свою благодарность. Король прервалъ ее и сообщилъ, что ее самую ожидаютъ дома еще гораздо болѣе пламенные изъявленія благодарности, чѣмъ тѣ, которыя онъ заслужилъ

отъ нея: въ эту минуту счастливый Оливье уже навѣрно обнимаетъ свою Мадлонъ. „Бонтанъ“, сказалъ король въ заключеніе, „выплатитъ вамъ тысячу лун. Передайте ихъ пожалуйста отъ моего имени въ приданое Мадлонъ. Пусть она выходитъ замужъ за своего Брюсона, который не заслуживаетъ такого счастья. Но послѣ того пусть они оба уѣдутъ изъ Парижа. Такова моя воля.“

Мартиньеръ быстрыми шагами выбѣжала навстрѣчу Скюдери, и за нею Батистъ. У обоихъ лица сіяли отъ радости, оба ликовали и кричали: „Онъ у насъ — онъ свободенъ! О, какіе они оба прелестные!“ Счастливая парочка бросилась къ ногамъ Скюдери. „Я знала, что вы, только вы одна спасете мнѣ мужа!“ воскликнула Мадлонъ. „Ахъ, вѣра въ васъ, мою мать, никогда не ослабѣвала у меня въ сердцѣ!“ вторилъ ей Оливье, и оба они цѣловали руки почтенной старой дамъ и проливали горячія слезы. Потомъ они снова обняли другъ друга, и увѣряли, что неземное блаженство этой минуты перевѣшиваетъ всѣ несказанныя страданія минувшихъ дней, и клялись не покидать другъ друга до самой смерти.

Нѣсколько дней спустя союзъ ихъ былъ освященъ церковью. Даже если бы и не была такова воля короля, Брюсонъ все же не оставался въ Парижѣ, гдѣ все напоминало ему ужасное время злодѣйствъ Кардильяка, гдѣ какая нибудь слу-

чайность могла вражески раскрыть злую тайну, известную пока лишь нѣсколькимъ людямъ, и навсегда разрушить его мирную жизнь. Сейчасъ же послѣ свадьбы онъ уѣхалъ со своей молодой женой въ Женеву, сопровождаемый благословіями Скюдери. Богато обеспеченный благодаря приданому Мадлонъ, на рѣдкость искусный въ своемъ мастерствѣ, обладая всѣми гражданскими добродѣтелями, Брюсонъ жилъ тамъ очень счастливо и беззаботно. Въ его жизни осуществились всѣ надежды, которыя обманывали его отца до самой его могилы.

Спустя годъ послѣ отъѣзда Брюсона появилось официальное извѣщеніе, подписанное Арлуа де Шовалономъ, архіепископомъ парижскимъ и парламентскимъ адвокатомъ Пьеромъ Арно д'Андильти; въ немъ говорилось, что нѣкій раскаявшійся грѣшникъ передалъ церкви подъ тайной исповѣди богатѣйшее награбленное имущество, состоящее изъ драгоценныхъ камней и золота. Каждому, у кого приблизительно до конца 1680 года похищена была какая нибудь драгоценность, главнымъ образомъ при грабительскомъ нападеніи на улицѣ, предлагалось заявиться у д'Андильти. Если его описаніе похищенной вещи точно совпадетъ съ которой нибудь изъ найденныхъ драгоценностей, и если не будетъ никакихъ сомнѣній въ правѣ собственности на эту вещь, то она будетъ возвращена владѣльцу.

Многіе, помѣченные въ списокѣ Кардильяка въ числѣ не убитыхъ, а только оглушенныхъ ударомъ кулака, приходили къ д'Андильи и къ великому своему изумленію получали назадъ похищенные у нихъ драгоценности. Все остальное перешло въ сокровищницу церкви святого Евстахія.

КАВАЛЕРЪ ГЛЮКЪ.

Поздней осенью въ Берлинѣ еще бываетъ обыкновенно нѣсколько хорошихъ дней. Солнце привѣтливо выступаетъ изъ-за тучъ, и сырость быстро испаряется въ мягкомъ воздухѣ. По Унтеръ день Линденъ тянется тогда по направленію къ Тиргартену длинная вереница гуляющихъ — самаго пестраго состава: тутъ и свѣтскіе франты, и бюргеры съ женами и дѣтками въ праздничныхъ платьяхъ. И священники, еврейки, судейскіе чиновники, дѣвицы легкаго поведенія, профессора, модистки, танцоры, офицеры и т. д. Вскорѣ послѣ того всѣ мѣста у Клауса и Вебера бываютъ заняты. Дымится морковный кофе, франты зажигаютъ сигары. Разговариваютъ, спорятъ о войнѣ, о ботинкахъ мадамъ Бетманъ*): носила ли она въ послѣдній разъ сѣрыя или зеленые, о торговомъ государствѣ**) и т. д.. пока все не расплывается въ арію изъ „Фаншонъ“, которою разбитая арфа, ненастроенная

*) Фридерика Августа Конрадиня Бетманъ (1766—1815) знаменитая нѣмецкая актриса.

**) „Der geschlossene Handelsstaat“ — Книга Юганна Готлиба Фихте, вышедшая въ Тюбингенѣ въ 1800 г.

скрипки, чахоточная флейта и судорожный фаготъ терзають себя и слушателя. У самыхъ периль, отдѣляющихъ помещеніе Вебера отъ большой дороги, стоятъ нѣсколько маленькихъ круглыхъ столиковъ. Тутъ можно дышать свѣжимъ воздухомъ, наблюдать за прохожими, сидя достаточно далеко отъ нестройно грохочущаго оркестра. Туда сажусь и я, и отдаюсь легкой игрѣ фантазіи. Она приводитъ ко мнѣ образы друзей, и я бесѣдую съ ними о наукѣ, объ искусствѣ, о томъ, что должно быть всего дороже человѣку. Все пестрѣ становится толпа гуляющихъ, которые проходятъ мимо меня, но ничто не мѣшаетъ мнѣ, ничто не можетъ разогнать образы моей фантазіи. Наконецъ, меня все же вырываетъ изъ міра грезъ проклятое трио, исполняющее гнуснѣйшій вальсъ. Я слышу только визгливые верхи скрипки и флейты и трескучій басъ фагота. Они чередуются октавами, раздирающими слухъ, и я невольно восклицаю, точно охваченный жгучей болью: „Какая дьявольская музыка! Какія отвратительныя октавы!“ Около меня кто то бормочетъ: „Чортъ возьми! Опять гонитель октавъ.“

Я поднимаю глаза и тогда только замѣчаю, что у моего столика, незамѣтно для меня, сѣлъ человѣкъ и смотритъ на меня въ упоръ. Я тоже не могу отвести отъ него взглядъ. Я никогда не видалъ лица, никогда не видалъ облика который бы производилъ сразу такое глубокое впе-

чатлѣніе. Мягко изогнутая линия носа подступала къ широкому открытому лбу съ ясно намѣченными выступами надъ косматыми сѣдоватыми бровями. Глаза сверкали изъ подъ нихъ почти дикимъ юношескимъ огнемъ (незнакомцу было на видъ лѣтъ за пятьдесятъ). Мягкая линия подбородка странно противорѣчила выраженію замкнутого рта, и шутовская улыбка, вызванная своеобразной игрой мускуловъ на впавшихъ щекахъ, точно возставала противъ глубокой грусти, покоившейся на лбу. Жидкіе сѣдые кудри зачесаны были назадъ за оттопыренные большія уши. Широкое модное пальто окутывало высокую, тощую фигуру. Какъ только взоръ мой остановился на незнакомцѣ, онъ опустил глаза и продолжалъ занятіе, отъ котораго его вѣроятно отвлекло мое восклицаніе. Занятіе это заключалось въ томъ, что онъ съ явнымъ наслажденіемъ пересыпалъ табакъ изъ маленькихъ пакетиковъ въ стоящую передъ нимъ большую табакерку, и смачивалъ его потомъ краснымъ виномъ изъ четвертной бутылки. Музыка прекратилась. Я почувствовалъ, потребность заговорить съ незнакомцемъ.

„Хорошо, что музыка наконецъ смолкла“, сказалъ я. „Это было невыносимо.“

Старикъ мелькомъ взглянулъ на меня и высыпалъ табакъ изъ послѣдняго пакетика.

„Лучше бы они совсѣмъ не играли“, снова началъ я. „Развѣ вы не того же мнѣнія?“

„Я вообще никакого мнѣнія“, сказалъ онъ.
„Вы музыкантъ и знатокъ по профессіи . . .“

„Вы ошибаетесь; я ни то, ни другое. Когда то я учился играть на рояли и изучалъ также контрапунктъ — какъ полагается образованному человѣку, и мнѣ среди прочаго внушали, что нѣтъ ничего отвратительнѣе, чѣмъ когда басъ идетъ въ октаву съ верхнимъ тономъ. Я принялъ это тогда на вѣру, и съ тѣхъ поръ всегда убѣждался, что это дѣйствительно такъ.“

„Да?“ сказалъ онъ, потомъ поднялся и медленно, степенно направился къ музыкантамъ, причемъ часто поднималъ глаза вверхъ и хлопалъ себя ладонью по лбу, точно стараясь пробудить какое то воспоминаніе. Я видѣлъ какъ онъ разговаривалъ съ музыкантами; у него былъ гордый, повелительный видъ. Потомъ онъ вернулся, и какъ только онъ сѣлъ, музыканты начали играть увертюру къ „Ифигеніи въ Авлидѣ.“

Полузакрывъ глаза, скрестивъ руки и опираясь ими на столъ, выслушалъ онъ анданте, отмѣчая легкимъ движеніемъ лѣвой ноги вступленіе голосовъ. Затѣмъ онъ поднялъ голову, быстро оглянулся вокругъ; лѣвая рука съ растопыренными пальцами лежала на столѣ — такъ, точно онъ взялъ аккордъ на фортепьяно, — а правую онъ поднималъ вверхъ: передо мною былъ дирижеръ, подающій оркестру знакъ перехода къ новому темпу. Правая рука опустилась — начинается аллегро.

Пламенный румянецъ пробѣгаетъ по блѣднымъ щекамъ. Брови сдвинуты, лобъ въ морщинахъ, внутренняя ярость зажигаетъ дикій взоръ огнемъ, съѣдающимъ улыбку, которая еще мелькала вокругъ полуоткрытаго рта. Вотъ онъ откидывается назадъ, брови вздымаются, возобновляется игра мускуловъ на щекахъ. Глаза блестятъ, глубокая внутренняя боль разрѣшается въ сладострастное наслажденіе, охватывающее и судорожно сотрясающее все его существо. Глубоко изъ груди вздымается дыханіе, на лбу появляются капли пота. Онъ отмѣчаетъ вступленіе tutti и другія главныя мѣста. Правая рука не перестаетъ отбивать тактъ; лѣвой онъ вынимаетъ платокъ и проводитъ имъ по лицу.

Такъ онъ оживлялъ скелеть увертюры — большаго не могли дать жалкія скрипки оркестра — облекая его плотью, накладывая краски. Мнѣ слышалась нѣжная томная жалоба, возносимая флейтой, когда затихаетъ буря скрипокъ и басовъ и молчитъ громъ барабановъ. Тихо вступали звуки віолончелей, фагота, наполняя сердце несказанной тоской. Потомъ снова возвращаются tutti, величаво, мощно шествуютъ униссоны, и глухая жалоба замираетъ подъ ихъ сокрушительнымъ шагомъ.

Увертюра кончилась. Незнакомецъ опустилъ руки и сидѣлъ, закрывъ глаза, точно обезсиленный чрезмѣрнымъ напряженіемъ силъ. Бутыл-

ка его была пуста; я налилъ ему въ стаканъ бургундскаго, который мнѣ принесли тѣмъ временемъ. Онъ глубоко вздохнулъ, точно просыпаясь отъ сна. Я предложилъ ему выпить вино. Онъ не заставилъ себя просить и, опорожнивъ сразу полный стаканъ воскликнулъ: „Я доволенъ исполненіемъ! Оркестръ хорошо игралъ.“

„И все же“, возразилъ я, „все же они лишь слабо обрисовали великое твореніе, написанное живыми красками.“

„Скажите: я не ошибаюсь? Вы вѣдь не берлинецъ?“

„Совершенно вѣрно. Я лишь иногда пріѣзжаю сюда.“

„Бургундское очень хорошее; но здѣсь становится холодно.“

„Такъ пойдемъ въ комнату и допьемъ бутылку тамъ.“

„Отличная мысль. Я васъ не знаю, но зато и вы не знаете меня. Не будемъ спрашивать имени другъ у друга. Имена иногда тягостны. Я пью бургундское, оно мнѣ ничего не стоитъ; намъ пріятно другъ съ другомъ. Вотъ и все.“

Онъ сказалъ это съ добродушной сердечностью. Мы вошли во внутрь ресторана. Когда онъ сѣлъ и распахнулъ пальто, я съ удивленіемъ увидѣлъ на моемъ незнакомцѣ длинный вышитый жилетъ, черные бархатные короткіе панталоны и

маленькую серебряную шпагу. Онъ успѣшилъ застегнуть пальто.

„Почему вы спросили, не берлинецъ ли я?“ началъ я.

„Потому что, будь это такъ, я былъ бы вынужденъ покинуть васъ.“

„Это звучить загадочно.“

„Ничуть, если я вамъ скажу, что я — словомъ, что я композиторъ.“

„Я все же не могу понять.“

„Въ такомъ случаѣ простите мнѣ мои слова. Я вижу, что вы совершенно не имѣете представленія о Берлинѣ и берлинцахъ.“

Онъ всталъ и взволновано прошелся нѣсколько разъ по комнатѣ. Потомъ онъ подошелъ къ окну и пропѣлъ едва слышно хоръ жриць изъ „Ифигеніи въ Тавридѣ“, отъ времени до времени постукивая по стеклу при вступленіи tutti. Я съ изумленіемъ замѣтилъ, что онъ передавалъ мелодіи съ измѣненными оттѣнками; они поражали силой и новизной. Я не прерывалъ его. Наконецъ онъ кончилъ и снова сѣлъ на свое мѣсто. Пораженный страннымъ поведеніемъ незнакомца и фантастическими проявленіями рѣдкаго музыкальнаго дарованія, я молчалъ. Черезъ нѣсколько минутъ онъ заговорилъ.

„Вы не композиторъ?“ спросилъ онъ.

„Я пробовалъ свои силы въ этомъ искусствѣ“, отвѣтилъ я. Но все, что я писалъ — какъ я по-

лагаль въ минуты вдохновенія, казалось мнѣ самому потомъ слабымъ и скучнымъ. Я поэтому бросилъ писать.

„Напрасно. Уже то, что вы относились критически къ собственнымъ опытамъ, не плохой знакъ вашего дарованія. Музыкѣ учатся въ дѣтствѣ потому что этого желаютъ папа и мама. Въ угоду имъ бренчатъ на рояли, пиликаютъ на скрипкѣ; но незамѣтнымъ образомъ душа становится болѣе отзывчивой къ мелодіямъ. Первымъ самостоятельнымъ музыкальнымъ замысломъ бываетъ иногда полузабытый мотивъ какой нибудь пѣсенки, которую поешь по иному. И этотъ зародышъ, съ трудомъ питаемый чужими силами, становится иногда великаномъ, пожираетъ все вокругъ, претворяя взятое въ собственную кровь и плоть. Да развѣ возможно хотя бы намѣтить тысячи путей, ведущихъ къ композиторству! Это широкая прѣзжая дорога, и по ней всѣ топчутся и ликують и кричатъ: „Мы посвященные! Мы у цѣли!“ Ворота изъ слоновой кости ведутъ въ царство сновъ. Лишь немногіе видятъ эти ворота, и еще меньше тѣхъ, которые проходятъ черезъ нихъ.

Тамъ все фантастично. Тамъ носятся дикія видѣнія, но каждое — одно больше, другое меньше — имѣетъ характерный обликъ. Они не выходятъ на большую дорогу; ихъ видно только за воротами изъ слоновой кости. Трудно выйти изъ этого царства; какъ передъ замкомъ Аль-

циней*) чудовища преграждаютъ путь. Все вертится — кружится — многимъ случается проспять сонъ въ царствѣ сновъ. Они расплываются во снѣ и не отбрасываютъ тѣни, а то бы они по тѣни замѣтили лучъ, проникающій въ царство. И лишь немногіе, пробудившись отъ сна, встаютъ, проходятъ черезъ царство сновъ и приходятъ къ истинѣ. Это высочайшій моментъ: соприкосновеніе съ вѣчнымъ, несказаннымъ! Взгляните на солнце: оно трезвучіе, изъ котораго аккорды низвергаются, подобные звѣздамъ, и обвиваютъ васъ огненными нитями. Вы лежите кокономъ въ огнѣ, пока Психея не вознесется на солнце.“

При послѣднихъ словахъ онъ вскочилъ, поднявъ взоръ, поднявъ руки ввысь. Потомъ онъ снова сѣлъ и быстро опорожнилъ стаканъ, который я ему налилъ. Наступило молчаніе, и я не хотѣлъ прервать его, чтобы не отвлечь въ сторону моего собесѣдника. Наконецъ онъ снова заговорилъ болѣе спокойнымъ тономъ:

„Когда я находился въ царствѣ сновъ, меня терзали тысячи страданій и тревогъ. Вокругъ меня была ночь, и меня пугали ухмыляющіяся личины чудовищъ. Они бросались на меня и то погружали меня въ бездну морскую, то поднимали высоко на воздухъ. Но тьму ночную прорѣзали лучи свѣта, и эти лучи были звуки, которые окутали меня нѣжной ясностью. Сонъ

Въ „Неистовомъ Орландѣ“ Аріоста.

моихъ страданій разсѣялся и я увидѣлъ, проснувшись, большое свѣтлое око. Оно глядѣло въ органъ, и какъ только взглядъ его проникалъ туда, изъ органа поднимались звуки. Они сверкали и сплетались въ дивныхъ аккордахъ, о какихъ я никогда не помышлялъ. Мелодіи бурно вздымались и опускались; я плыль въ этомъ потокѣ, и мнѣ хотѣлось утонуть въ немъ. Но око взглянуло и подняло меня надъ бурными волнами. Снова настала ночь, и ко мнѣ подступили два исполина въ сверкающихъ доспѣхахъ: Основной тонъ и Квинта. Они увлекли меня въ высь, но око улыбнулось: „Я знаю, чего жаждетъ твоя душа. Кроткій нѣжный юноша, Терція, присоединится къ исполинамъ. Ты услышишь его сладкій голосъ: ты вновь увидишь меня, и мои мелодіи станутъ твоими.“

Онъ остановился.

„И вы увидѣли вновь это око?“

„Да, увидѣлъ. Я цѣлые годы вздыхалъ въ царствѣ сновъ. Я сидѣлъ въ дивной долиинѣ и слушалъ, какъ пѣли цвѣты, общаясь между собой. Только одинъ подсолнечникъ молчалъ и грустно клонилъ къ землѣ закрытую чашечку. Невидимыя нити потянули меня къ цвѣтку. Онъ поднималъ головку — чашечка раскрылась, и въ ней сіяло обращенное на меня око. Тогда звуки понеслись точно солнечные лучи изъ головы моей къ цвѣтамъ, и они жадно ихъ впитывали. Ли-

стья подсолнечника становились все большими — изъ нихъ струилось пламя — оно охватило меня. Око исчезло, и я очутился самъ въ чашечкѣ цвѣтка.“

При послѣднихъ словахъ онъ вскочилъ и выбѣжалъ изъ комнаты быстрыми юношескими шагами. Я тщетно ждалъ его возвращенія и наконецъ рѣшилъ вернуться въ городъ.

Я уже подходилъ къ бранденбургскимъ воротамъ, какъ вдругъ увидѣлъ въ темнотѣ шагающую фигуру; подойдя ближе, я узналъ моего чудака. Я заговорилъ съ нимъ.

„Почему вы такъ внезапно ушли отъ меня?“

„Сдѣлалось слишкомъ жарко и сталъ звучать эвфонъ.“

„Я васъ не понимаю,“

„Тѣмъ лучше.“

„Тѣмъ хуже, потому что я хотѣлъ бы васъ вполнѣ понять.“

„Развѣ вы ничего не слышите?“

„Нѣтъ.“

„Теперь ужь кончено. Пойдемте! Я не люблю общества, но вы не композиторъ, — вы не берлинецъ.“

„Не могу постичь, что васъ такъ возбуждаетъ противъ берлинцевъ. Они такъ цѣнятъ искусство, и вамъ должно быть хорошо среди нихъ.“

„Вы ошибаетесь. Я на муку свою обречень скитаться здѣсь, какъ угасшій духъ въ пустынь!“

„Въ пустынь? Это вы про Берлинъ?“

„Да, вокругъ меня пустынно: нѣтъ ни одного родственнаго мнѣ по духу человѣка. Я совершенно одинокъ“.

„А художники, композиторы?“

„Ну ихъ! Они все критикуютъ, — утончаютъ все до послѣдней возможности, всячески стараются выискать хоть какую-нибудь жалкую мысль. Они столько болтаютъ объ искусствѣ, о пониманіи искусства и ужъ не знаю о чемъ, что у нихъ не остается времени творить. А если имъ иногда и вздумается вынести на свѣтъ кой-какія мысленки, то по ихъ страшному холоду видно, какъ они далеки отъ солнца. Это лапландское творчество.“

„Вашъ приговоръ мнѣ кажется слишкомъ суровымъ. Должны же васъ удовлетворять по крайней мѣрѣ великолѣпныя театральныя представленія.“

„Я сдѣлалъ надъ собой усиліе и пошелъ въ театръ послушать оперу моего молодого друга — какъ это она называется? Въ ней звучитъ весь міръ. Сквозь пеструю толпу нарядныхъ людей проносятся духи преисподней. Все тутъ обрѣтаетъ голосъ и мощно звучитъ — ахъ, чортъ, я вѣдь говорю о „Донъ Жуанъ!“! Но я не въ состояніи былъ прослушать даже увертюру, которую

сваляли престиссимо, безъ смысла и пониманія. А я готовился молитвой и постомъ, такъ какъ зналъ, что эвфонъ поддается вліянію массъ и нечисто звучить въ этихъ случаяхъ“

„Это вѣрно, что великія произведенія Моцарта здѣсь въ большинствѣ случаевъ въ законѣ — совершенно непонятно почему. Но вотъ ужъ творенія Глюка здѣсь исполняютъ достойнымъ образомъ.“

„Вы полагаете? Я хотѣлъ однажды послушать „Ифигенію въ Тавридѣ.“ Вхожу въ театръ и слышу, что играютъ увертюру къ „Ифигеніи въ Авлидѣ“. Гм, думаю. Тутъ навѣрно ошибка. Очевидно даютъ эту Ифигенію. Но къ изумленію моему, за увертюрой идетъ анданте, которымъ начинается „Ифигенія въ Тавридѣ“, а затѣмъ слѣдуетъ буря. Двадцать лѣтъ раздѣляютъ эти двѣ композиціи. Убито все впечатлѣніе; вся очень обдуманная композиція драмы пропадаетъ. Тихое море — буря — грековъ выбрасываетъ на берегъ — вотъ вамъ опера. Что же? Неужели композиторъ написалъ увертюру такъ себѣ, на обумъ и ее можно отбарабанить какъ любое попури — гдѣ и когда угодно?“

„Я согласенъ, что это неправильно. Но во всякомъ случаѣ дѣлается все, чтобы наилучшимъ образомъ исполнять произведенія Глюка“.

„Да, да“, отрывисто произнесъ онъ и горько улыбнулся. Потомъ онъ вдругъ вскочилъ съ мѣста,

и его уже нельзя было удержать. Онъ исчезъ въ одно мгновеніе и втеченіе нѣсколькихъ дней я тщетно искалъ его въ Тиргартенѣ.

Прошло нѣсколько мѣсяцевъ. Однажды, въ холодный дождливый вечеръ, я задержался въ отдаленномъ кварталѣ города и спѣшилъ къ себѣ домой на Фридрихштрассе. Мнѣ пришлось пройти мимо театра. Громкая музыка, трубы и барабаны напомнили мнѣ, что даютъ „Армиду“ Глюка. Я уже собирался войти въ театръ, какъ вдругъ вниманіе мое привлекъ странный разговоръ, который кто то велъ съ самимъ собой подъ окнами, гдѣ слышенъ былъ почти каждый звукъ оркестра.

„Вотъ идетъ король — они играютъ маршь — барабаньте же, барабаньте! Ничего, довольно весело. Да, да, они сегодня должны повторить его одиннадцать разъ — а то шествіе будетъ не шествіе. Ага вотъ *maestoso*! Тащитесь, дѣтки. — Ахъ, статистъ зацѣпился за кулису бантомъ туфли. — Вѣрно, въ двѣнадцатый разъ! И каждый разъ отбивать доминанту. — О силы небесныя, когда это кончится! Вотъ онъ откланивается. Армида покорнѣйше благодарить. Еще разъ? — Вѣрно, еще двухъ солдатъ не достааетъ. Теперь загремить речитативъ. Какой злой духъ приковалъ меня здѣсь къ мѣсту?“

„Злыя чары разбиты“, сказалъ я. „Пойдемте со мной.“

Я быстро схватилъ моего чудака изъ Тиргартена — это онъ разговаривалъ самъ съ собой — за руку и увлекъ его за собой. Онъ какъ будто удивился сначала, но молча пошелъ за мной. Мы уже дошли до Фридрихштрассе, когда онъ вдругъ остановился.

„Я васъ знаю“, сказалъ онъ. „Вы были въ Тиргартенѣ — мы много говорили — я пилъ вино — разгорячился — потомъ эфвонъ звучалъ два дня сряду. Я много вытерпѣлъ — теперь ужъ прошло.“

„Я радъ, что случай снова свелъ меня съ вами. Давайте, познакомимся поближе. Я живу неподалека отсюда. Что, если бы —.“

„Я не могу и не долженъ ходить ни къ кому.“

„Нѣтъ, вы отъ меня не отдѣляетесь. Я пойду съ вами.“

„Тогда вамъ придется пройти со мной еще нѣсколько сотъ шаговъ. А вы, кажется, направлялись въ театръ?“

„Я хотѣлъ послушать „Армиду“, но теперь —.“

„Теперь то вы и услышите „Армиду“. Идемте!“

Мы молча пошли вверхъ по Фридрихштрассе. Потомъ онъ быстро свернулъ въ боковую улицу, и я едва поспѣвалъ за нимъ — такъ скоро онъ шелъ, пока наконецъ не остановился передъ невзрачнымъ домомъ. Онъ довольно долго стучалъ

въ дверь, пока намъ наконецъ открыли. Идя ощупью въ темнотѣ, мы добрались до лѣстницы и поднялись на самый верхъ въ комнату, которую мой спутникъ тщательно заперъ за собой. Потомъ я услышалъ какъ открылась еще одна дверь. Вскорѣ послѣ того старикъ вошелъ съ зажженной свѣчей, и видъ странно убранной комнаты не мало меня поразилъ. Старомодные стулья съ богатой рѣзбой, стѣнные часы въ позолоченномъ футлярѣ и широкое громоздкое зеркало придавали комнатѣ мрачный видъ устарѣлой пышности. Посреди комнаты помѣщался маленькій рояль, а на крышкѣ его стояла большая фарфоровая чернильница и лежали нѣсколько листовъ нотной бумаги. Осмотрѣвъ внимательно эти приготовленія къ работѣ, я увидѣлъ, что здѣсь уже давно никто не писалъ: бумага пожелтѣла и чернильница была покрыта толстымъ слоємъ паутины. Старикъ подошелъ къ незамѣченному еще мною шкапу въ углу комнаты, и когда онъ отдернулъ занавѣску, я увидѣлъ рядъ красиво переплетенныхъ книгъ съ золотыми надписями: „Орфей“, „Армида“, „Альцестъ“, „Ифигенія“ и т. д.: передо мной стояли всѣ произведенія Глюка.

„У васъ имѣется весь Глюкъ?“ воскликнулъ я.

Онъ не отвѣтилъ, но губы его сложились въ судорожную улыбку. Игра мускуловъ на впалыхъ щекахъ мгновенно исказила лицо, превративъ его въ страшную маску. Онъ устремилъ на меня неподвижный мрачный взглядъ, схватилъ одну книгу—

это была „Армида“ — и торжественно подошелъ къ роялю. Я быстро открылъ рояль и выдвинулъ пюпитръ. Ему это, видимо, было пріятно. Онъ раскрылъ книгу и — какъ изобразить мое изумленіе? — я увидѣлъ передъ собою пустые листы нотной бумаги.

„Я сыграю увертюру“, сказалъ старикъ, „вы переворачивайте страницы, и пожалуйста поспѣвайте за мною.“ Я обѣщаль это ему, и онъ сталъ мастерски играть полнозвучными аккордами величественный *tempo di marcia*, которымъ начинается увертюра — почти въ точности слѣдуя оригиналу. Но уже аллегро было только переплетено съ основными темами Глюка. Онъ вносилъ въ свое исполненіе столько новыхъ геніальныхъ оттѣнковъ, что изумленіе мое все возростало. Особенно поразительны были его модуляціи, яркія, но не слишкомъ рѣзкія; онъ прибавлялъ такъ много мелодичныхъ фіоритуръ къ простой основной темѣ, что она точно возвращалась постоянно въ обновленномъ освѣженномъ видѣ. Лицо его пылало. То онъ сдвигаль брови — и точно силой вырывался наружу долго сдержанный гнѣвъ — то глаза его расплывались въ слезахъ глубокой печали. Мѣстами онъ пѣлъ — въ то время какъ руки его создавали искусныя фіоритурны — исполняя пріятнымъ теноромъ основную тему; кромѣ того онъ искусно воспроизводилъ голосомъ глухой звукъ ударовъ въ барабанъ. Я усердно перево-

рачиваль страницы, слѣдя за его взглядомъ. Онъ доигралъ до конца увертюру и обезсиленный, съ закрытыми глазами, откинулся въ кресло. Но вскорѣ онъ снова встрепенулся и, торопливо перевернувъ нѣсколько пустыхъ страницъ, сказалъ глухимъ голосомъ:

„Все это я написалъ, когда вышелъ изъ царства сновъ. Но я выдалъ нечестивымъ святыню, и холодная, какъ ледъ, рука сжала мое пламенное сердце. Оно не разбилось, но меня обрекли на то, чтобы я бродилъ среди нечестивыхъ какъ почившій духъ — безъ облика, для того, чтобы никто меня не узналъ, пока подсолнечникъ не вознесетъ меня вновь къ вѣчному. Давайте споемъ еще сцену Армиды.“

Онъ спѣлъ заключительную сцену Армиды съ такой силой выраженія, что я былъ потрясенъ до глубины души. И тутъ онъ тоже замѣтно отступалъ отъ непосредственной передачи оригинала, но своими измѣненіями онъ какъ бы выявилъ самое сокровенное въ сценѣ Глюка. Все, что ненависть, любовь, отчаяніе, неистовство могутъ выразить въ высшемъ своемъ напряженіи, онъ мощно вкладывалъ въ звуки. Голосъ его казался голосомъ юноши: отъ глухой глубины онъ поднимался до проникновенной силы. Я весь дрожалъ — я былъ внѣ себя. Когда онъ кончилъ, я бросился ему на шею и воскликнулъ сдавленнымъ голосомъ: „Что это такое? Кто вы?“

Онъ всталъ и окинулъ меня строгимъ пронизывающимъ взглядомъ. Но въ то время какъ я хотѣлъ продолжать вопросы, онъ вышелъ изъ комнаты со свѣчей и оставилъ меня въ темнотѣ. Прошло около четверти часа. Я уже отчаивался вновь увидѣть его и, сообразуясь съ мѣстомъ, гдѣ стоялъ рояль, сталъ пробираться къ двери, какъ вдругъ онъ вошелъ въ комнату со свѣчей въ рукѣ, одѣтый въ парадное платье съ вышитымъ жилетомъ; съ боку у него висѣла шпага.

Я оцѣпнѣлъ. Онъ торжественно подошелъ ко мнѣ, мягко взялъ за руку и произнесъ съ загадочной улыбкой: „Я кавалеръ Глюкъ!“

ДОНЪ ЖУАНЪ

(Сказочное приключеніе одного путешествующаго
любителя искусства).

Пронзительный звонокъ, оглушительный крикъ: „Представленіе начинается!“ пробудилъ меня отъ тихаго сна, въ который я погрузился. Гуденіе басовъ — ударъ въ барабанъ — трубы — отчетливое „А“ выдержанное гобоемъ — вступаютъ скрипки: я протираю глаза. Неужели недремлющій дьяволь, воспользовавшись моимъ опьяненіемъ...? Нѣтъ. Я въ комнатѣ отеля, гдѣ остановился вчера вечеромъ, пріѣхавъ совершенно разбитый. Прямо надъ моей головой украшенный большой кистью шнурокъ отъ звонка. Я рѣзко дергаю за шнурокъ. Является лакей.

„Ради Бога, что означаетъ эта странная музыка рядомъ со мной? Что у васъ тутъ сегодня концертъ?“

„Ваше сіятельство (я пилъ шампанское за табльдотомъ), ваше сіятельство, быть можетъ, не изволите еще знать, что нашъ отель примыкаетъ къ театру. Эта потайная дверь ведетъ въ маленькій корридоръ, а оттуда вы входите прямо въ ложу № 23. Это ложа для пріѣзжихъ.“

„Что такое? Театръ? — Ложа для пріѣзжихъ?“

„Да. Это маленькая ложа для двоихъ, самое большое для троихъ — только для знатныхъ господъ, обитая зеленымъ, съ рѣшетчатыми окошками и у самой сцены. Если вашему сіятельству будетъ угодно — у насъ идетъ сегодня „Донъ Жуанъ“ знаменитаго господина Моцарта изъ Вѣны. Плату за ложу, одинъ талеръ восемь зильбергрошей, мы припишемъ къ счету.“

Послѣднія слова онъ произнесъ уже открывая дверь въ ложу: такъ быстро я при словѣ „Донъ Жуанъ“ прошелъ черезъ потайную дверь въ корридоръ. Театръ былъ довольно помѣстительный для такого небольшого города, со вкусомъ убранный и ярко освѣщенный. Ложи и партеръ были переполнены. Первые аккорды увертюры убѣдили меня, что оркестръ превосходный и если пѣвцы будутъ хоть сколько нибудь сносные, я смогу глубоко насладиться великимъ твореніемъ мастера. — Во время анданте меня охватили ужасы страшнаго подземнаго *regno all piano**): Страшныя предчувствія ужасовъ овладѣли моей душой. Торжествующимъ кощунствомъ прозвучали въ моихъ ушахъ побѣдныя трубы въ седьмомъ тактѣ аллегро. Я видѣлъ какъ огненные демоны тянутся, выпуская изъ мрака свои раскаленные когти, за жизнью веселыхъ людей, пляшущихъ на тонкой покрывкѣ надъ бездонной пропастью. Борьба че-

*) Царство плача — обозначеніе ада въ „Божественной Комедіи“ Данте.

ловѣка съ невѣдомыми страшными силами, которыя окружають его, подстерегая его гибель, ясно предстала передь моимъ духовнымъ взоромъ. Наконецъ буря стихаетъ: занавѣсъ взвивается. Подрогшій и недовольный, закутанный въ плащъ, шагаетъ Леопорелло въ ночной темнотѣ передь павильономъ: *Notte e giorno faticar**). А, значить поють по итальянски? Тутъ, въ этомъ нѣмецкомъ городѣ по итальянски? Ah, *che piacesse!***)) Я услышу речитативы, услышу все такъ, какъ великій мастеръ самъ воспринималъ и созидалъ! Вотъ выбѣгаетъ донъ Жуанъ. За нимъ донна Анна: она удерживаетъ нечестивца за край плаща. Какое изумительное явленіе! Ей слѣдовало быть выше ростомъ, стройнѣе, имѣть болѣе величественную поступь. Но какое лицо! Изъ глазъ ея любовь, гнѣвъ, ненависть, отчаяніе бросаютъ точно изъ единого фокуса лучистую пирамиду сверкающихъ искръ, и они, точно греческій огонь, сжигаютъ неугасимымъ пламенемъ самую глубь души. Распущенные темные волосы спускаются на плечи волнистыми кольцами. Бѣлое ночное платье предательски разоблачаетъ опасныя для взоровъ чары. Сердце, раздираемое ужасомъ страшнаго дѣянія, вздрагиваетъ и учащенно бьется. — И вотъ — какой голосъ! *Non sperar*

*) Трудиться днемъ и ночью.

***) Какъ пріятно.

se poi m'uccidi *). Сквозь бурю инструментовъ сверкають молніями вылитые изъ эфирнаго металла звуки. Донъ Жуанъ тщетно старается вырваться. — Но развѣ онъ дѣйствительно этого хочетъ? Почему онъ не оттолкнетъ донну Анну твердой рукой и не убѣжитъ? Что онъ, обезсилѣлъ послѣ свершеннаго имъ злодѣянія, или же утратилъ мужество и силу въ душевной борьбѣ между ненавистью и любовью? Старый папаша поплатился жизнью за то, что имѣлъ глупость напасть въ темнотѣ на болѣе сильнаго противника; донъ Жуанъ и Лепорелло выступаютъ на аванъ сцену, разговаривая речитативомъ. Донъ Жуанъ откидываетъ плащъ и стоитъ передъ публикой въ великолѣпномъ костюмѣ изъ краснаго плюша съ серебряннымъ шитьемъ. Сильная, чудесная фигура: мужественное красивое лицо; крупный носъ, пронизывающіе глаза, мягко очерченныя губы, странная игра мускула надъ бровями придаетъ ему мгновеніями что-то мефистофелевское, вызывающее, не умаляя его красоты, невольный страхъ. Онъ точно обладаетъ волшебной притягательной силой очковой змѣи: кажется, что стоитъ ему взглянуть на женщину, чтобы она уже не могла уйти отъ него. Покоренная какой-то дьявольской силой, она должна сама завершить свою гибель. Длинный и сухой, въ красномъ съ бѣлымъ полосатомъ жилетѣ, въ маленькомъ крас-

*) Не надѣйся — если ты меня не убьешь.

номъ плащѣ, въ бѣлой шляпѣ съ краснымъ перомъ, семенить вокругъ него Лепорелло. Черты его лица представляютъ странную смѣсь добродушія, плутовства, похотливости и насмѣшливой дерзости; рѣзко выдѣляются черныя брови при сѣдинѣ въ бородѣ и волосахъ. Чувствуется, что старикъ достоинъ быть слугою и помощникомъ Донъ Жуана. Вотъ они благополучно спаслись, перелѣзли черезъ стѣну. Факелы. Являются донна Анна и донъ Оттавіо: изящный, принаряженный, прилизанный юнецъ, лѣтъ двадцати одного, никакъ не больше. Въ качествѣ жениха Анны онъ живетъ вѣроятно тутъ же, въ домѣ—поэтому его легко было сейчасъ же призвать. Онъ могъ бы даже прибѣжать и на первый шумъ — онъ навѣрно его слышалъ — и спасти отца. Но ему нужно было сначала пріодѣться, и онъ вообще не охотно рѣшается выходить изъ дому ночью. „Ma qual mai s'offre, o dei, spettacolo funesto agli occhi miei!“*). Болѣе чѣмъ отчаяніе, вызванное жестокимъ злодѣйствомъ, слышится въ страшныхъ, разрывающихъ душу звукахъ этого речитатива и дуэта. Не одно лишь дерзостное нападеніе донъ Жуана — ему самому оно только грозило гибелью, отцу же принесло смерть — не одно оно исторгло эти звуки тревоги у отчаянія: это голосъ смертельной борьбы, охватившей душу.

*) Но какое страшное зрѣлище, о боги, предстало передъ моими глазами.

Только что длинная сухая донна Эльвира — лицо ея носить слѣды большой, но увядшей красоты — набросилась съ руганью на предателя дона Жуана: „*Tu pido d'inganni*“*) и сострадательный Лепорелло умно замѣтилъ: „*parla come un libro stampato*“**), какъ я почувствовалъ чье то присутствіе рядомъ или позади меня. Очень легко было, конечно, открыть дверь и войти въ ложу. Меня точно кольнуло въ сердце. Я былъ такъ счастливъ, что сию одинъ въ ложѣ и ничто не мѣшаетъ мнѣ охватить всѣми нитями чувствъ, точно щупальцами полипа, такъ совершенно исполненное великое произведеніе и втянуть его въ глубину моего существа. Одно какое нибудь слово, въ особенности если оно окажется глупымъ — болѣзненно нарушило бы чары поэтически музыкальнаго восторга. Я рѣшилъ не обращать никакого вниманія на сосѣда и всецѣло углубиться въ музыку, ни разу не оглядываясь, не произнося ни слова. Опершись головой на руку, сидя спиной къ сосѣду, я глядѣлъ на сцену. Дальнѣйшій ходъ представленія вполнѣ соотвѣтствовалъ превосходному началу. Маленькая, похотливая, влюбленная Церлина утѣшала милыми звуками и мелодіями добродушнаго простака Мазетто. Донъ Жуанъ неприкрыто излилъ всю свою внутреннюю разорванность, свое презрѣніе къ жалкимъ людишкамъ

*) Ты гнѣздо обмановъ.

**) Говорить какъ печатная книга.

вокругъ него, существующимъ лишь ему на потѣху, лишь для того, чтобы онъ губительно вторгался въ ихъ безцвѣтную жизнь, въ дикой аріи „Finch'han dal vino“ *). Еще сильнѣе дрогнулъ мускуль у него на лбу. Входятъ маски. Ихъ трио — молитва, которая возносится къ небу чисто сіяющими лучами. Тутъ взвивается средняя занавѣсъ. Веселье: звенятъ бокалы, весело топчутся крестьяне, пляшутъ маски, привлеченныя пиромъ донъ Жуана. — И вотъ являются три заговорщика, замыслившіе дѣло мести. Все становится болѣе торжественнымъ, пока не начинается танецъ. Церлину спасаютъ, и въ гремящемъ финалѣ донъ Жуанъ, обнаживъ мечъ, отважно выступаетъ противъ своихъ враговъ. Онъ выбиваетъ изъ рукъ у жениха стальную парадную шпагу и пробиваетъ себѣ путь черезъ толпу черни, которую разбрасываетъ во всѣ стороны какъ храбрый Роландъ армію тирана Киморка.

Я уже нѣсколько разъ чувствовалъ за собой нѣжное теплое дыханіе, и слышалъ шуршаніе шелковаго платья. Это ясно указывало на присутствіе женщины; но я былъ такъ погруженъ въ поэтическій міръ, раскрывшійся мнѣ въ оперѣ, что не обращалъ на это вниманіе. Только когда опустилась занавѣсъ, я оглянулся на мою сосѣдку. Нѣтъ — нельзя выразить словами мое изумленіе:

*) До тѣхъ поръ, пока у нихъ довольно вина.

позади меня стояла донна Анна, въ томъ же костюмѣ, въ какомъ я ее только что видѣлъ на сценѣ. Она глядѣла на меня пронизывающимъ взоромъ глубокихъ глазъ. Я глядѣлъ на нее, онѣмѣвъ: ротъ ея (такъ мнѣ казалось) сложился въ тихую ироническую улыбку, въ которой я увидѣлъ себя, свой глупый видъ. Я чувствовалъ, что необходимо заговорить съ нею, но не могъ повернуть языкъ, точно парализованный изумленіемъ, даже вѣрнѣ испугомъ. Наконецъ, наконецъ, у меня бессознательно вырвались слова: „Какъ это могло случится, что вы здѣсь?“ На это она отвѣтила на чистѣйшемъ тосканскомъ языкѣ, что если бы я не понималъ и не говорилъ по итальянски, ей бы пришлось отказаться отъ удовольствія разговаривать со мною, такъ какъ она не говоритъ ни на какомъ другомъ языкѣ кромѣ своего. Точно пѣніе звучали эти сладостныя слова. Въ то время какъ она говорила, выраженіе ея темно синихъ глазъ углублялось; блескъ, вспыхивавшій въ ея глазахъ, разливался потокомъ пламени у меня въ груди; кровь все сильнѣе стучала у меня въ жилахъ, и я весь дрожалъ. Это была несомнѣнно донна Анна. Я не задумывался о томъ, возможно ли, чтобы она находилась одновременно на сценѣ и у меня въ ложѣ. Подобно тому какъ свѣтлый сонъ соединяетъ самое невозможное, какъ набожная вѣра понимаетъ сверхчувственное и простодушно приоб-

щаетъ его къ такъ называемымъ естественнымъ явленіямъ жизни, такъ и я впалъ, благодаря близости этой изумительной женщины, въ какое то состояніе сонambuлизма. Въ этомъ состояніи мнѣ раскрылись тайные узы, соединяющіе насъ такъ тѣсно, что она, даже появляясь на сценѣ, не могла удалиться отъ меня. Какъ бы я хотѣлъ, милый Теодоръ, передать тебѣ каждое слово удивительнаго разговора, который начался тогда между синьорой и мною. Но какъ только я хочу написать по нѣмецки то, что она говорила, каждое слово начинаетъ мнѣ казаться сухимъ и блѣднымъ, каждая фраза становится неуклюжей, совершенно не передающей то, что она такъ легко и граціозно высказывала по тоскански.

Она говорила о донъ Жуанѣ, о своей роли. У меня было чувство, точно мнѣ впервые открываются глубины великаго произведенія, точно я могу проникнуть въ нихъ яснымъ взоромъ и отчетливо разглядѣть фантастическія явленія чуждаго міра. Она говорила, что вся ея жизнь въ музыкѣ: ей часто кажется, что многое, таинственно сокрытое, то, что нельзя выразить словами, она понимаетъ когда поетъ. „Да, въ пѣніи я это понимаю“, продолжала она, возвысивъ голосъ, и глаза ея горѣли, „но во мнѣ все по прежнему мертво и холодно. И въ то время какъ публика аплодируетъ какому нибудь удачному трудному пассажи, ледяныя руки сжимаютъ мое пыла-

ющее сердце. Но ты — ты понимаешь меня. Я знаю что и тебѣ раскрылось волшебное романтическое царство, гдѣ живутъ небесныя чары звуковъ!“

„Какъ, дивная женщина — ты — ты знаешь меня?“

„Да развѣ не изъ глубины твоего существа вышло волшебное безуміе вѣчно тоскующей души въ роли ** въ твоей послѣдней оперѣ? Я поняла тебя; твоя душа открылась мнѣ въ пѣніи. Да (тутъ она назвала меня по имени) я пѣла тебя — и твои мелодіи — это я.“

Раздался звонокъ, и щеки донны Анны — она была безъ грима — внезапно покрылись блѣдностью. Она схватилась за сердце, точно почувствовала внезапную боль, и тихо произнесла: „Несчастливая Анна, теперь наступаютъ для тебя самыя страшныя минуты.“ Съ этими словами она исчезла изъ ложи.

Первое дѣйствіе меня восхитило, но послѣ чудеснаго происшествія въ антрактѣ музыка стала дѣйствовать на меня совершенно инымъ, очень страннымъ образомъ. Казалось, точно давно обѣщанное осуществленіе прекраснѣйшихъ мечтаній перенеслось изъ иного міра въ дѣйствительную жизнь, точно самыя затаенныя предчувствія восхищенной души заключены въ звуки и претворяются страннымъ образомъ въ чудесныя откровенія. Въ сценѣ донны Анны я трепеталъ въ сладо-

страстномъ упоеніи, чувствуя проносящееся черезъ меня нѣжное теплое дыханіе. У меня невольно закрылись глаза, и мнѣ казалось, что пламенный поцѣлуй обжигаетъ мнѣ губы. Но поцѣлуй этотъ былъ какъ бы долго звучащей нотой, продленной вѣчно жаждущимъ влеченіемъ.

Финаль начался кощунственнымъ весельемъ: „Gia la mensa è praparata!“ *) Донъ Жуанъ сидѣлъ между двумя дѣвушками, ласкалъ ихъ и открывалъ бутылку за бутылкой, чтобы предоставить свободную власть надъ собой герметически запертымъ бурливымъ духамъ. Сцена представляла узкую комнату съ большимъ готическимъ окномъ въ глубинѣ, черезъ которое виднѣлась ночь. Уже въ то время какъ Эльвира напоминала вѣроломному любовнику о всѣхъ его клятвахъ, въ окнѣ засверкали молніи и слышался глухой рокотъ надвигающейся грозы. Наконецъ раздастся грозный стукъ. Эльвира и четыре дѣвушки убѣгаютъ, и подъ звуки страшныхъ аккордовъ подземнаго міра духовъ входитъ мощный мраморный колосъ. Донъ Жуанъ кажется передъ нимъ пигмеемъ. Полъ дрожитъ подъ громовыми шагами великана, Донъ Жуанъ кричитъ сквозь бурю и громъ, сквозь вой демоновъ свое страшное „No!“ **). Наступилъ часъ гибели. Статуя исчезаетъ, густой дымъ наполняетъ комнату, изъ

*) Уже приготовленъ пирь.

**) Нѣтъ!

него выступают страшныя маски. Въ мукахъ ада извивается донъ Жуанъ, появляясь взорамъ то тутъ, то тамъ въ толпѣ окружающихъ его демоновъ. Раздается взрывъ точно отъ удара тысячи молній. Донъ Жуанъ и всѣ демоны исчезли неизвѣстно какимъ образомъ. Лепорелло лежитъ безъ чувствъ въ углу комнаты. Какъ благотельно дѣйствуетъ послѣ того появленіе остальныхъ лицъ. Они тщетно ищутъ донъ Жуана. Силы преисподней отняли его у земной мести. Только теперь я чувствую, что вырвался наконецъ изъ страшныхъ круговъ ада. Донна Анна появилась совершенно измѣнившаяся. Мертвенная блѣдность покрыла ея лицо, глаза потухли, голосъ дрожалъ, и потому такъ раздиралъ душу ея короткій дуэтъ съ милымъ женихомъ, который теперь, благополучено избавленный небомъ отъ опасной роли мстителя, торопится со свадьбой.

Фугообразный хоръ дивно округилъ оперу въ единое цѣлое, и я поспѣшно вернулся къ себѣ въ комнату въ самомъ восторженномъ настроеніи, въ какомъ когда либо бывалъ въ жизни. Лакей позвалъ меня къ табльдоту, и я машинально пошелъ за нимъ. Общество за столомъ было очень блестящее ввиду ярмарки, и предметомъ общаго разговора было сегодняшнее представленіе „Донъ Жуана“. Всѣ въ общемъ хвалили итальянцевъ и ихъ захватывающую игру; но по мелкимъ замѣчаніямъ, которыя шутовливо вставлялись въ разговоръ,

видно было, что никто не имѣлъ представленія о болѣе глубокомъ значеніи этой оперы изъ оперъ. Донъ Оттавіо очень понравился. Донна Анна, по мнѣнію одного изъ сидѣвшихъ за столомъ, играла слишкомъ страстно. На сценѣ, сказалъ онъ, нужно сдерживаться и не слишкомъ волновать зрителей. Разсказъ о нападеніи его страшно разстроилъ. Онъ взялъ при этомъ щепотку табаку и посмотрѣлъ неописуемо глупо глубокомысленнымъ взглядомъ на своего сосѣда, который утверждалъ, что итальянка довольно красивая женщина, только не достаточно заботится о своей внѣшности. Какъ разъ въ той сценѣ у нея развился локонъ и закрылъ половину ея профиля. Другой въ это время сталъ напѣвать „Finch' han dal vino“, а одна дама заявила, что она менѣе всего довольна донъ Жуаномъ. Итальянскій пѣвецъ слишкомъ мраченъ, слишкомъ серьезно игралъ свою роль и съ недостаточной легкостью передавалъ легкомысленный, воздушный характеръ донъ Жуана. Заключительный взрывъ очень хвалили. Вся эта болтовня мнѣ надоѣла, и я поспѣшилъ уйти къ себѣ въ комнату.

Въ ложѣ для прїѣзжающихъ № 23.

Мнѣ стало тѣсно, тяжело въ душной комнатѣ. Въ полночь мнѣ показалось, что я услышалъ твой голосъ, милый Теодоръ. Ты явственно назвалъ мое имя, и за потайной дверью послышался шорохъ. Что мнѣ мѣшаетъ пойти еще разъ туда, гдѣ я пережилъ такое странное приключеніе? Можетъ быть я увижу тамъ и тебя и ту, которая преисполняетъ собою все мое существо. Какъ легко перенести туда маленькій столикъ — двѣ свѣчи — принадлежности для писанія. Лакей принеси заказанный пуншъ. Онъ видитъ, что комната пуста, что внутренняя дверь открыта. Онъ слѣдуетъ за мною въ ложу и смотритъ на меня съ недоумѣніемъ. По моему знаку онъ ставитъ пуншъ на столъ и удаляется, еще разъ удивленно взглянувъ на меня. Я облакачиваюсь, повернувшись къ нему спиной, на край ложи и гляжу въ опустѣвшую залу; въ магическомъ освѣщеніи моихъ двухъ свѣчей архитектурныя линіи залы выступаютъ въ странныхъ рефлексахъ и кажутся волшебнo преображенными.

Рѣзкій сквозной вѣтеръ прорѣзываетъ залу и шевелить занавѣсъ. Что, если бы взвился занавѣсъ? Если бы появилась донна Анна, уstraшенная страшными масками. „Донна Анна!“ невольно восклицаю я. Крикъ мой замираетъ въ пустомъ залѣ, но пробуждаются духи инструментовъ въ оркестрѣ. Изъ глубины поднимается дрожаніе дивнаго звука — въ немъ точно продолжаетъ тихо звенѣть любимое имя. Я не могу отдѣлаться отъ тайнаго ужаса, но онъ сотрясаетъ мои нервы благотворнымъ трепетомъ.

Я овладѣваю собой и мнѣ хочется по крайней мѣрѣ намекнуть тебѣ, милый Теодоръ, что я теперь впервые начинаю вѣрно понимать дивное твореніе божественнаго мастера въ его глубокихъ основныхъ чертахъ. Только художникъ можетъ понять художника; только романтическая душа можетъ проникнуть въ романтическое, только поэтически возбужденный духъ, который получилъ посвященіе въ глубинѣ храма, можетъ понять то, что высказываетъ посвященный, когда онъ охваченъ вдохнованіемъ. Если разсматривать поэму „Донъ Жуанъ“, не придавая ей болѣе глубокаго значенія, имѣя въ виду только историческую ея сторону, то не понятно, почему Моцартъ задумалъ и написалъ къ ней такую музыку. Кутила, который безмѣрно любитъ вино и женщинъ, изъ озорства приглашаетъ къ себѣ на веселый пиръ каменную статую, какъ представителя стараго отца, заколотаго имъ при

защитѣ собственной жизни — право въ этомъ мало поэзиі. Въ сущности такой человѣкъ едва ли стоитъ того, чтобы силы преисподней считали его какой то особенной диковинкой, чтобы каменный исполинъ, слѣдуя внушенію своего преображеннаго духа, далъ себѣ трудъ сойти съ лошади и призвать грѣшника въ послѣдній часъ къ раскаянію — и того, наконецъ, чтобы дьяволъ отрядилъ лучшихъ своихъ молодцовъ для переправы грѣшника въ преисподнюю такимъ ужаснымъ образомъ. Но повѣрь мнѣ, Теодоръ, природа одарила донъ Жуана, какъ избраннѣйшаго изъ своихъ любимцевъ, всѣмъ, что, благодаря родственной близости къ божественному, возвышаетъ человѣка надъ толпой, надъ людьми фабричнаго производства, которыхъ выбрасываютъ изъ мастерской нулями: нужно чтобы передъ ними стояло число, тогда только они пріобрѣтаютъ какое либо значеніе. Исключительность Донъ Жуана предназначила его для власти. Сильное, прекрасное тѣло. Въ обликѣ его свѣтится искра, запавшая въ душу, зажигающая въ ней предчувствія высочайшаго. Глубокая душа, быстро схватывающій умъ. Но таково ужасное послѣдствіе грѣхопаденія, что врагъ по прежнему силенъ; онъ подстерегаетъ человѣка и ловитъ его въ западни даже въ его стремленіи къ высшему, отражающемъ его божественную природу. Это столкновеніе божественныхъ и демоническихъ силъ составляетъ понятіе земной жизни, такъ же какъ завоеванная свобода

даетъ представленіе о небесной. Донъ Жуана воодушевляли его огромныя требованія отъ жизни, на которыя ему давали право его физическія и духовныя качества. Вѣчная пламенная жажда, кипѣвшая въ его жилахъ, такъ владѣла имъ, что онъ жадно и неустанно хватался за всѣ дары жизни; тщетно ища въ нихъ удовлетворенія. На землѣ нѣтъ ничего, что такъ возвышало бы человека въ глубинѣ его существа, какъ любовь. Это она своей мощной и таинственной властью разрушаетъ всѣ глубины жизни и тѣмъ самымъ преображаетъ ихъ. Что удивительнаго поэтому, что донъ Жуанъ надѣялся утолить въ любви жажду, разрывавшую ему грудь, и что тутъ то дьяволъ и накинулъ ему петлю на шею? Въ душѣ донъ Жуана, благодаря хитрымъ искательствамъ врага человѣческаго, возникла мысль, что въ любви, въ обладаніи женщиной можетъ исполниться уже на землѣ то, что живетъ у насъ въ груди лишь какъ небесная надежда и безпредѣльнымъ томленіемъ приводитъ насъ къ непосредственному общенію съ небеснымъ. Неустанно убѣгая отъ одной красавицы къ другой, еще болѣе красивой, пламенно упиваясь ихъ чарами до пресыщенія, до разрушительной опьяненности; вѣчно мня себя обманутымъ въ своемъ выборѣ, вѣчно надѣясь обрѣсти наконецъ идеаль окончательнаго удовлетворенія, донъ Жуанъ неминуемо долженъ былъ наконецъ придти къ кому, что все на землѣ стало

казаться ему блѣднымъ и плоскимъ. Проникнутый презрѣніемъ ко всѣмъ людямъ вообще, онъ возсталъ также и противъ того, что ему казалось высшимъ въ жизни и что его такъ горько разочаровало. Обладаніе женщиной перестало быть для него удовлетвореніемъ чувственности, а превратилось въ кощунственный вызовъ природѣ и творцу. Онъ чувствовалъ глубокое презрѣніе къ общепризнаннымъ жизненнымъ понятіямъ и мнилъ себя выше ихъ. Онъ горько надсмѣхался надъ людьми, которые хоть малѣйшимъ образомъ ждутъ отъ счастливой любви, отъ мѣщанскаго союза удвѣтвенія высшихъ желаній, вложенныхъ въ наши сердца враждебной природой. Онъ поэтому больше всего возсталъ именно противъ любви и творя зло, отважно выступалъ противъ невѣдомаго, вершающаго судьбы существа. Оно представлялось ему злораднымъ чудовищемъ, ведущимъ жестокую игру съ жалкими созданіями своего насмѣшливаго каприза. Соблазнить любимую женихомъ невѣсту, разбить счастье любящихъ страшнымъ, никогда не забываемымъ ударомъ — это было для него желанной побѣдой надъ вражеской силой, поднимало его надъ ограниченностью жизни, надъ природой — надъ творцомъ. И онъ дѣйствительно все выше поднимается надъ жизнью — но только для того, чтобы низринуться съ высоты въ преисподнюю. Сожращеніе Анны со всѣми послѣдствіями этого

было высшей точкой, на которую онъ поднимается.

Донна Анна противопоставлена донъ Жуану высшими качествами своей природы.. Подобно тому какъ Донъ Жуанъ былъ по натурѣ изумительно сильнымъ, прекраснымъ мужчиной, и донна Анна — божественная женщина: дьяволъ не имѣетъ власти надъ ея чистой душой. Всѣ ухищренія ада могли погубить ее только на землѣ. Какъ только Сатана завершилъ ея земную гибель, адъ долженъ былъ и по волѣ неба свершить немедленно дѣло мести. Донъ Жуанъ насмѣшливо приглашаетъ заколотога имъ старика на веселый пиръ, и преображенный духъ, теперь только понявъ павшаго донъ Жуана и печалясь о немъ, рѣшается предстать передъ нимъ въ страшномъ видѣ, чтобы призвать его къ покаянію. Но такъ порочна, такъ разорвана душа донъ Жуана, что и блаженство небесное не проливаетъ ни одного луча надежды въ его душу и не воспламеняетъ ее къ лучшей жизни.

Ты навѣрно замѣтилъ, Теодоръ, что я упомянулъ о совращеніи Анны. Насколько я въ состояніи сдѣлать это теперь, когда поднимающіяся глубоко изъ души мысли обгоняютъ слова, я хочу сказать тебѣ въ нѣсколькихъ словахъ, каковымъ мнѣ представляется въ музыкѣ, независимо отъ текста, соотношеніе двухъ борющихся натуръ, донъ Жуана и донны Анны. Я уже выше упомянулъ,

что Анна полная—противоположность донъ Жуана. Что, если она предназначена небомъ для того, чтобы раскрыть донъ Жуану въ любви, которая его погубила благодаря кознямъ Сатаны, вложенную въ него божественную природу и вырвать его изъ ужаса его низменныхъ стремлений? Слишкомъ поздно, уже дойдя до вершины кощунства, увидѣлъ онъ Анну, и его могло обуять только дьявольское желаніе погубить ее. Она не спаслась. Когда онъ выбѣжалъ отъ нея, злодѣйство уже свершилось. Огонь сверхчеловѣческой чувственности, пламя ада разлилось по ея жиламъ, и сдѣлало тщетнымъ всякое сопротивленіе. Только онъ, только донъ Жуанъ могъ зажечь сладострастное безуміе, съ которымъ она обнимала того, кто свершилъ злодейство, являя разрушительную ярость адскихъ силъ. Когда онъ хотѣлъ бѣжать послѣ совершеннаго злодѣянія, ее охватило и мучительно терзало, какъ чудовище, изрыгающее смертельную отраву, сознаніе, что она погибла. Смерть ея отца отъ руки донъ Жуана, предстоящій союзъ съ холоднымъ, обыденнымъ, лишеннымъ мужества дономъ Оттавіо, — ей прежде казалось, что она его любила — даже неистовая любовь, сжигающая ея душу разрушительнымъ пламенемъ, любовь, вспыхнувшая въ мигъ высшаго наслажденія и которая горитъ теперь какъ пламя сокрушительной ненависти — все это разрываетъ ея грудь. Она чувствуетъ, что только гибель донъ Жуана можетъ вернуть покой душѣ

истерзанной смертельными муками; но этот покой — ея собственная смерть. Она поэтому неустанно возбуждает къ мести своего холоднаго какъ ледь жениха. Она сама преслѣдуетъ предателя, и только когда силы преисподней завладѣли имъ, она становится спокойнѣе. Но не въ силахъ уступить жениху, который торопитъ свадьбой. „Lasciá, o caro, un anno ancora allo sfogo del mio cor! *) Она не переживетъ этотъ годъ. Донъ Оттавіо никогда не обниметъ ту, которая не осталась невѣстой, отданной Сатанѣ, лишь благодаря своему благочестію. Какъ живо я все это чувствовалъ въ раздирающихъ душу аккордахъ перваго речитатива и въ рассказѣ о ночномъ нападеніи. Даже сцена донны Анны во второмъ дѣйствіи, „cu-dele“**), которая, казалось бы, относится только къ доу Оттавіо, выражаетъ въ таинственныхъ отзвукахъ, въ удивительнѣйшихъ соотношеніяхъ внутреннее переживаніе души, съѣдающее земное счастье. Къ чему бы иначе было странное, быть можетъ безсознательно брошенное поэтомъ добавленіе „Forse un giorno il cielo ancora sentirá pietá di me“ ***). Бьетъ два часа. Теплое наэлектризованное дуновеніе проносится надо мною — я слышу

*) Предоставь мнѣ, милый, еще годъ, чтобы успокоилось мое сердце.

**) Жестокій.

***) Можетъ быть когда нибудь небо сжалятся надо мною?

легкій запахъ тонкихъ итальянскихъ духовъ, тѣхъ самыхъ, по запаху которыхъ я вчера впервые почувствовалъ присутствіе сосѣдки. Меня охватываетъ блаженное чувство; я могъ бы выразить его только въ звукахъ музыки. По театру проносится рѣзкая струя воздуха — струны рояля въ оркестрѣ громко звенятъ. Боже! Изъ далекаго далека, носясь на крыльяхъ нарастающихъ звуковъ воздушнаго оркестра, раздается точно голосъ Анны: „Non mi dir bell' idol mio“. Откройся далекое, невѣдомое царство духовъ, раскройся дивный Чинистанъ, гдѣ невыразимая, небесная скорбь, какъ самая несказанная радость, выполняетъ выше мѣры для восхищенной души все обѣтованное на землѣ! Дай мнѣ вступить въ кругъ твоихъ блаженныхъ явленій. Пусть сонъ, который ты избралъ то устрашающимъ, то приносящимъ радость вѣстникомъ — пусть онъ ведетъ мой духъ, когда дремота держитъ тѣло въ свинцовыхъ узахъ, въ небесныя селенія.

Разговоръ за обѣдомъ за табльдотомъ,
какъ добавленіе.

Умный человѣкъ съ табакеркой, сильно хлопнувъ по крышкѣ: какое несчастье, что мы теперь не скоро услышимъ опять порядочную оперу! Все это происходитъ отъ лишняго усердія.

Человѣкъ съ лицомъ мулата. Да, я достаточно ей объ этомъ говорилъ. Роль Анны всегда ее очень утомляла. Вчера же она была точно одержимая. Говорять, она пролежала въ обморокѣ весь антрактъ, а въ сценѣ второго акта у нея былъ даже нервный припадокъ.

Незначительный человѣкъ. Ахъ, скажите —

Человѣкъ съ лицомъ мулата: Ну да, нервный припадокъ, и все таки она не хотѣла уйти изъ театра.

Я: Ради Бога — вѣдь эти припадки не опасны, не правда ли? Мы услышимъ опять синьору?

Умный человѣкъ съ табакеркой, нюхая табакъ: Едва ли. Синьора умерла сегодня ночью, ровно въ два часа.

ПОСЛѢСЛОВІЕ.

Повѣсть „Мадемуазель де Скюдери“ и рассказы „Кавалеръ Глюкъ“ и „Донъ Жуанъ“ принадлежать къ самымъ характернымъ произведеніямъ Э. Т. Гофмана. Въ нихъ ярко выступаетъ основная идея всего его эстетическаго міропониманія, его напряженная субъективность въ изображеніи романтическихъ натуръ, людей искусства, страдающихъ среди пошлости окружающаго міра, и выявляется также художественное, формальное мастерство Гофмана.

„Мадемуазель де Скюдери“ относится къ самой зрѣлой порѣ творчества Гофмана. Это пятая изъ его такъ называемыхъ „Kunstnovellen“ — повѣстей о художникахъ и искусствѣ, разсматривающихъ вопросъ объ отношеніи художника къ міру, т. е. соотношеніи между міромъ свободной фантазіи и чисто художественныхъ цѣлей и съ другой стороны міра трезвой дѣйствительности съ его ограниченными возможностями и узкой моралью. Повѣсть эта, написанная въ 1818 году, напечатана была

годъ спустя и появилась въ окончательномъ видѣ въ „Альманахѣ Любви и Дружбы“ („Taschenbuch für Liebe und Freundschaft“) на слѣдующій годъ.

„Мадемуазель де Скюдери“ очень интересна и со стороны содержанія и въ особенности со стороны формы. Сюжетъ повѣсти Гофманъ заимствовалъ изъ Нюрнбергской хроники Вагензейля. Средневѣковый Нюрнбергъ былъ любимымъ городомъ всѣхъ романтиковъ и у самого Гофмана есть цѣлый рядъ Нюрнбергскихъ рассказовъ, рисующихъ средневѣковой бытъ нюрнбергскихъ горожанъ. При изученіи одной старой нюрнбергской хроники, въ которой онъ искалъ нужный ему матеріалъ, Гофманъ попалъ на странный рассказъ о парижскомъ ювелирѣ Кардильякѣ. При обработкѣ захватившаго его сюжета обнаружилось, до чего старинный рассказъ соотвѣтствуетъ основной Гофмановской темѣ объ отношеніяхъ искусства и жизни. Въ самомъ дѣлѣ, въ Гофмановской разработкѣ стараго сюжета, исторія невинно страдающаго благороднаго юноши, его чистой возлюбленной, ихъ достойной покровительницы и преступнаго злодѣя, виновника всѣхъ золъ, отражаетъ на глубинѣ своей трагическую психику художника, его роковую оторванность отъ міра, заостренную до преступности. Постоянно занимавшая Гофмана мысль, что художникъ по природѣ своей отличенъ отъ другихъ людей, что творчество — своего рода Каинова печать отверженія, обострена въ рассказѣ

о Кардильякъ до высшаго напряженія. Герой повѣсти — преступный Кардильякъ, но въ интересахъ повѣствовательныхъ основной смыслъ повѣсти и первенствующая роль Кардильяка искусно затѣнена вплоть до момента развязки. Захватывающій драматизмъ и быстрый темпъ разсказа выигрываетъ также отъ другого мастерскаго приѣма Гофмана въ этомъ искусствѣйшемъ его разсказѣ: дѣйствіе искусно развертывается въ обратномъ порядкѣ. Разсказъ почти въ самый моментъ катастрофы, быстро къ ней подводитъ и потомъ уже идетъ назадъ: постепенно разъясняются всѣ ступени событій, отъ послѣдней до первой — до первопричины всѣхъ золъ, составляющей драматическую развязку повѣсти. Но эта развязка оказывается еще болѣе таинственной, чѣмъ разъясненныя ею событія: положеніе несчастнаго Оливье безвыходное, обстоятельства дѣла безнадежно запутаны, а раскрывающаяся въ концѣ правда, еще болѣе странная, чѣмъ все остальное, заключается въ психикѣ художника, въ томъ, что онъ не можетъ разстаться со своимъ произведеніемъ.

Эмоціональное содержаніе повѣсти, какъ и замысль идейный, искусно заострень на личности Кардильяка. На всемъ протяженіи повѣсти сочувствіе читателей распредѣляется между симпатичными жертвами злодѣя и сосредотачивается также на свѣтлой личности мадемуазель де Скюдери. На Кардильяка падаетъ тѣнь отъ душевнаго свѣта

его жертвъ. Мракъ глубочайшаго нравственнаго паденія сгущается вокругъ него. Но въ моментъ развязки этотъ мракъ становится трагическимъ фономъ, на которомъ демонизмъ Кардильяка выступаетъ оправданнымъ и искупленнымъ. Высшій законъ для него — его творчество, иного нравственнаго долга онъ не знаетъ. Переступивъ предѣлы дозволеннаго въ своей оторванности отъ міра, онъ становится Каиномъ и ему нѣтъ мѣста на землѣ.

„Кавалеръ Глюкъ“, въ противоположность „Мадемуазель де Скудери“, одинъ изъ самыхъ раннихъ рассказовъ Гофмана. Онъ написанъ былъ вѣроятно около 1809 года въ Гамбургѣ или возможно еще въ Глогау. Герой рассказа — прообразъ Крейсlera, крайне субъективно задуманный Гофманомъ образъ романтика, царство котораго не отъ міра сего. Въ этотъ образъ Гофманъ вложилъ свою собственную муку среди окружавшей его пошлой обстановки, всѣ свои страданія отъ избытка дѣйствительности (*zu viel Wirklichkeit*) въ своей жизни. „Кавалеръ Глюкъ“ — первое воплощеніе этого Гофманскаго типа, разработаннаго во всемъ дальнѣйшемъ субъективномъ Крейслеровскомъ періодѣ его творчества. Кавалеръ Глюкъ, какъ потомъ Крейслеръ, т. е. какъ самъ Гофманъ — музыкантъ, сумасшедшій музыкантъ. Онъ, конечно, только воображаетъ себя Глюкомъ. Дѣйствіе пріурочено къ началу лѣта 1808 года, а Глюкъ умеръ въ 1787. Отсюда видно, что Гофманъ не хотѣлъ отождествить своего

героя съ подлиннымъ композиторомъ Армиды. Его безумецъ-музыкантъ только близокъ по духу именно съ Глюкомъ, воплощавшимъ для Гофмана проникновеніе въ глубины жизни на священномъ языкѣ музыки. Безуміе кавалера Глюка въ разсказѣ Гофмана символическое: тотъ, кто живетъ въ высшемъ мірѣ фантазіи, въ глазахъ филистеровъ безумецъ, и Гофманъ намѣренно усваиваетъ себѣ этотъ филистерскій взглядъ на искусство и художниковъ въ цѣляхъ романтической ироніи, съ которой онъ ѣдко критикуетъ музыкальную тупость тогдашняго Берлина.

„Донъ Жуанъ“ относится къ 1812 году. Этотъ насквозь проникнутый музыкой разсказъ въ томъ же родѣ какъ и „Кавалеръ Глюкъ“; но въ немъ преобладаетъ не иронія, а углубленный романтическій пафосъ. Тема „Донъ Жуана“ — все тотъ же основной Гофманскій вопросъ объ отношеніи искусства къ жизни. Донна Анна олицетворяетъ идеаль романтически-восторженнаго отношенія къ жизни. Искусство должно воспламенять душу, и подлинная романтическая душа сгораетъ на этомъ огнѣ. Пламенный образъ донны Анны и ея смерть апофеозъ горѣнія. Донъ Жуанъ, какъ и Кардильякъ, побѣждаетъ своими дерзаніями тупость равнодушной обыденной жизни. Но его свѣрхчеловѣческія дерзанія переходятъ въ святотатство, знаменующее всю полноту разрыва фантазіи съ жизнью.

Зин. Венгерова.

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „АРГОНАВТЫ“

КАРЛОСЪ ЛАРРОНДЪ

Мистерія о концѣ міра

Переводъ Людмилы Вилькиной.

Редакція и вступительная статья Н. М. Минскаго

Наравнѣ съ Поль Клоделемъ Карлосъ Ларрондъ является наиболѣе талантливымъ представителемъ французскаго модернизма въ искусствѣ. Блестящій переводъ передаетъ всѣ прелести шедевра новѣйшей французской литературы.

„Пьеса является апофеозомъ творческаго труда, спасающаго человѣчество, въ образѣ строителя перваго готическаго собора. Постройку собора Ларрондъ символически относитъ къ концу X вѣка, ко времени ожидаемой тогда въ народѣ кончины міра. Въ центрѣ дѣйствія — строящаяся церковь, и вся религиозная символика готической архитектуры превращается въ живыя переживанія, запечатлѣваемые въ гранитѣ“.

Зин. Венгерова въ литерат. приложеніи газ. „Наканунѣ“.

ARGONAUTEN-VERLAG o. m. b. H.
BERLIN W. 57 BÜLOWSTR. 88

КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО „АРГОНАВТЫ“ -БЕРЛИНЪ

И Л Ъ Я Э Р Е Н Б У Р Г Ъ

Портреты русских поэтовъ

Литературныя характеристики и стихи поэтовъ:

А. А. АХМАТОВОЙ	С. А. ЕСЕНИНА
К. Д. БАЛЬМОНТА	В. И В А Н О В А
Ю. К. БАЛТРУШАЙТИСА	О. Э. МАНДЕЛЬШТАМА
А. А. Б Л О К А	В. В. МАЯКОВСКАГО
В. Я. Б Р Ю С О В А	В. Л. ПАСТЕРНАКА
АНДРЕЯ БЪЛАГО	Ө. К. СОЛОГУБА
М. А. ВОЛОШИНА	М. И. Ц В Ъ Т А Е В О Й

„Илья Эренбургъ не просто фельетонистъ, улавливающей газетнымъ окомъ образы и впечатлѣнія. Отъ вносимаго „своего“ книжка представляется еще болѣе интересной, цѣльной и по языку, и по манерѣ характеристикъ, безъ всякой навязчивости вырисовывающихся портретъ самого автора.“

„Новая Русская Книга“
№ 4, 1922

Главный складъ изданій: Центральный книжный складъ „ОБРАЗОВАНИЕ“ въ Берлинѣ.

Russische Bücherzentrale „Obrasowanije“ G. m. b. H.,
Berlin W. 50, Nürnberger Strasse 65.

ARGONAUTEN-VERLAG G. m. b. H.
BERLIN W. 57 BÜLOWSTR. 88

